

КАЗАНСКИЙ *альманах* **Ка**

литературно-художественное
и культурно-просветительское
издание

УДК 821.161.1–1:3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6
К14

издаётся в рамках выполнения Государственной программы Республики Татарстан по сохранению, изучению и развитию государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2004–2013 годы

2

Редакционный совет:

Разиль Валеев
Владимир Корчагин
Туфан Миннуллин
Евгений Попов
Эдуард Трескин

Редколлегия:

Ахат Мушинский (гл. редактор)
Борис Вайнер
Алёна Каримова
Алексей Кириллов
Филипп Пираев
Адель Хаиров
Елена Шевченко

Правовое сопровождение:
кандидат юридических наук
Борис Пантелеев (Москва)

Иллюстрации:
Анвар Сайфутдинов
Зуфар Гимаев

На 1-й стр. обложки:

Г.Сатонина. Шахматы и жизнь.
Атака, Защита, Борьба, Победа.

Из частной коллекции Нины Маниной

К14 **Казанский альманах** : литературно-художественное и культурно-просветительское издание. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2010. – 224 с. : с фотогр. и илл.

ISBN 978-5-298-01987-3

ISBN 978-5-298-01987-3

© Татарское книжное издательство, 2010

Вероника Мушнова

Не отрекаются любя

Не отрекаются любя.
Ведь жизнь кончается не завтра.
Я перестану ждать тебя,
а ты придёшь совсем внезапно.
А ты придёшь, когда темно,
когда в стекло ударит вьюга,
когда припомнишь, как давно
не согревали мы друг друга.
И так захочешь теплоты,
не полюбившейся когда-то,
что переждать не сможешь ты
трёх человек у автомата.
И будет, как назло, ползти
трамвай, метро, не знаю что там....
И вьюга заметёт пути
на дальних подступах к воротам.
А в доме будет грусть и тишь,
хрип счётчика и шорох книжки,
когда ты в двери постучишь,
взбежав наверх без передышки.
За это можно всё отдать,
и до того я в это верю,
что трудно мне тебя не ждать,
весь день не отходя от двери.

В.Тушнова. *Поэзия.* Не отрекаются любя 3

О. Головки. *Поэзия.* Прислушаться... 6

Новая рубрика: с письменного стола писателя
А. Мушинский. *Отрывок из романа.* Белые Волки 10

Г. Мурат. *Поэзия.* Из норвежской тетради 43

Е. Попов. *Памятное слово о Василии Аксёнове.*
Добрый сын Казани 49

Поздравляем триумфатора! 52

Н. Ахунова. *Страсти по Аксёнову* 53

В. Аксёнов. *Рассказ.* Зеница ока 54

Н. Ишмухаметов. *Поэзия.* Утоли мои печали 63

На Всемирном конгрессе писателей.
«Слова, слова, слова... ничего выше слов!» 70

Туфану Миннуллину – 75.
Т. Миннуллин. *Афоризмы, полезные советы.*
Итак, скажу... 81

Нур Исаков. *Глоток чистого воздуха* 85

В. Леонович. *Поэзия.* Душа опоминается от прозы 88

В. Арямова. *Кологривский отшельник и ему подобные* 94

Р. Мустафин. *История без купюр.*
За отсутствием состава преступления 106

А. Еники. *Наследие. Письма Мусы Джалиля*

123

И. Кабанов. *100 лет со дня смерти Л.Толстого.*
По «казанским правилам» жизни

130

Н. Ахунова. *Перо и время. Сердце моё, как птица*

132

Поэзия.

«Белая Ворона» – крылатая душа

136

Т. Николаева. *Великий и могучий.*

Как бы культура речи

147

Н. Иванова. *Поэзия.*

Имя для зыбкой тени

154

Б. Вайнер. *Заметки о песенном тексте.*

«Всего вернее полутон...»

161

Б. Пантелеев. *Журналистика и право.*

В поиске пределов свободы самовыражения

167

У нас в гостях «Пражский графоман».

В. Куземко. *Повесть. Записки районного опера*

178

Ф. Пирания. *Палитра. Гамбит Сатониной*

208

А. Казанский. *Пешком в историю.*

Царский подарок

219

ПОЭЗИЯ

*Оксана
Головка*

Родилась в Казани
в 1975 году.
Закончила филфак
Казанского
государственного
педагогического
университета.
Работала в газете
«Молодёжь
Татарстана».
Затем училась
в Москве,
в институте имени
В.И. Сурикова,
на факультете теории
и истории
изобразительного
искусства.
Сейчас Оксана
корреспондент
«Российской газеты».
Живёт в
подмосковных
Мытищах

22 июня 1941 года

1

В капле дождя уместится
Город. Точнее – улица.
Дом со старинной лестницей.
Двое, что всласть целуются.

Окна. В них небо синее.
В парке пасутся лошади.
С лентой трамвайной линии
Пересечение площади.

Девочка – платье новое,
Взгляд – на лоток с продуктами.
Утро... И чуть взволнованно
Голос из репродуктора...

2

Мурлычет кот – смешенье пёстрых пятен.
Ленивое скопление минут.
Воскресный день – понежиться в кровати,
С дочуркой спеть, расцеловать жену.

Ворчать, что вновь соседи долго в ванной,
Прислушаться: смеются за стеной.
За завтраком шутить и строить планы:
Куда пойти, к друзьям или в кино.

Смотреть, как долго одевает дочку
Любимая, на гладь её волос.
И не включать приёмник, днём и ночью
Темнеющий меж шкафом и столом.

* * *

Давит прошлое серой стеной,
Хриплым голосом шепчет в динамик.
Это было как будто давно.
И, конечно же, было не с нами.
Мы спросонья не жались к дверям,
Слыша мерное щёлканье лифта,
Не смотрели, как ярко горят
Строчки лжи – перевёрнутым шрифтом.
И не нас увозили во тьму
В бесконечных и душных вагонах.
И не мы удивлялись тому,
Что терпение так бездонно.

* * *

Прислушаться. К своим ли мыслям,
Иль к шуму ветра за стеклом.
В пространство бандеролью выслать
Рассеянный полупоклон.

Вдруг раствориться в поцелуе,
Ища других поддержки глаз.
Давленье нежности минуя,
Поймать заветное “сейчас”.

Однажды разгадать загадку,
Что в детстве кто-то загадал.
Писать, рифмуя без оглядки,
Не видя, как летят года...

* * *

Ветер рвал провода,
Разрушая единство района.
Зрел упрямо скандал,
Опускаясь на землю бетоном.
Зрела ссора домов
С серым ливнем, прохожих – с асфальтом.
Город сжался в комок,
Наблюдая за бешеным сальто
Листьев, старых газет...
Задыхаясь, вставали машины,
Привыкали к грозе
И гудели растерянно-длинно.
...А затем – тишина.
Дождь исчез, растворился, растаял.
Долгожданный финал –
Бормотанье промокших трамваев.

* * *

Осень грустит красавицей.
Крикнешь – эхо не отзовется.
Вряд ли с пейзажем справится
Живописец: захлест эмоций.
Ветер с дождём рифмуется,
Размывая даль горизонта.
Медленно тает улица.
Вид неверен, точней – разболтан.
Люди, смешав с усталостью
Утро, сонных сомнений вату,
Плачут от острой жалости,
Не имеющей адресата.

* * *

Тасовка памяти: вчерашний кофе,
Рассказ прабабушки (мне восемь лет).
Его такой далёкий, тонкий профиль,
Подснежники на письменном столе,

И первый поцелуй в осеннем парке:
Размазана помада, щёки жжёт.
На праздник – ожидание подарка,
(Каким он будет, знаю наперёд).

Обиды боль по-детски безутешна:
Все, кажется, забыли про меня.
На шумном рынке купленный подсвечник,
Экзамены (всегда их – как огня).

День в пятнах солнца. Гости после школы.
Комочек снега в маминых руках.
Внезапная пьянящая весёлость,
Гитары стоны, рвущие закат.

Весенний город, прячущийся в лужи.
Беседа за полночь (уж чай остыл).
О живописи спор недавний с мужем
И голову кружащие мечты.

Полуденное

Огромный жук золотого цвета,
Шурша, карабкается по ветке
Малины. Сладко зевает лето,
Беря безветрие на заметку.
Звенит в ушах тишина. Открыта
С утра на той же странице книга.
Сквозь жаркий воздух, как через сито, –
Раздумий бег в бесконечность мига.
Подходит сон тонконогой цаплей.
Ты видишь (радость мешая с ленью)
Пространство, сжавшиеся до капли
Воды на банке из-под варенья.

новая рубрика:

С письменного стола писателя

10

Письменный стол писателя... Каким он обычно представляется? Большим, просторным, дубовым, с зелёным сукном по верху, с балясинами резных ножек по низу. Это идеалистическое представление. На самом деле, какой он только ни бывает, этот писательский стол, еловый, сосновый, берёзовый, пластиковый, столовый, садовый, полированный, плетёный, подменённый табуретом щербатым, пнём тёплым, подоконником холодным... Какая разница! Лишь бы писалось-творилось. Для разошедшегося писателя это уже не просто опора для локтей, пера, пишмашинки, компьютера, а поле брани, нива бескрайняя, не стол, а престол, кафедра проповедная, а возможно, партя ученическая, доля нелёгкая и даже плаха, лобное место... Так или иначе – жизнь. Порою более реальная в итоге, нежели настоящая. Примеров не счесть, когда литературных, вымышленных героев мы знаем больше, чем миллионы подлинных, опаспортированных современников их.

Но письменный стол это ещё и пропасть от первого исписанного листа из белоснежной стопки до нарядной книжки, от безызвестности героев, о которых знает только согбенный, как прикованный раб к галере, писатель, до признания читающего человека. Иногда, чтобы преодолеть эту пропасть, нужны годы и годы, а бывает так, что и целой жизни не хватает.

Наша новая рубрика позволяет заглянуть за сутулую спину сочинителя, бросить взгляд на святую святых – его письменный стол и первым прочесть несколько страниц из будущего романа, повести,... уловить дух, распознать «группу крови» произведения, а возможно, и сравнить эти страницы потом, когда выйдет книга, то есть постичь мысль писателя в движении.

Да и просто ведь интересно знать, что творится там, куда посторонним вход воспрещён. Погодите, но разве наш читатель человек посторонний?

Ахат Мухоморов

БЕЛЫЕ ВОЛКИ

отрывок из романа

11

У поэтов
отчеств
не бывает

*Пешеходов надо любить.
Пешеходы составляют большую
часть человечества. Мало того –
лучшую его часть.*

И.Ильф, Е.Петров.
«Золотой телёнок»

– Что случилось? – испуганно спросил Каша, вернувшись в изначальное положение, когда машина встала как вкопанная посреди городской, мерцающей уличными огнями ночи.

– Чуть не задавили кого-то, – прошептал я, кивая вперёд, на дорогу.

– А может, и задавили, – предположил Буля и выскочил из машины.

Мы последовали за ним.

На дороге, перед джипом, подымался с асфальта, опёршись о бампер, окровавленный мужчина в кургузом пиджачке. Был он крупного телосложения, сутул, в густой торчащей дыбом папаче волос, дремуче не брит. В свободной от бампера руке он держал туго набитую, бомжацкого вида, холщовую сумку, точнее, мешок с верёвками ручек.

– Жив? – спросил Буля, помогая потерпевшему встать на ноги и заглядывая ему в освещённое фарой лицо.

– Жив, жив, – пробурчал тот, – что со мной может случиться?

– Он же в крови весь! – испугался подоспевший Каша. – Где наша аптечка?

Раскрытая автомобильная аптечка была в моих руках, а прекрасная Елена уже стремительно распечатывала пачки с бинтами, ватой... Кровь сочилась у потерпевшего из шишковатой, грязной раны над бровью.

– Надо «скорую» вызвать, – сказал я.

– Не надо никого вызывать, – отшатнулся старик. Да, это был старик согбенный. Но крепкий, кряжистый. Он увернулся от пытавшейся оказать первую помощь Елены, оттолкнул Булю и удивительно резво засеменял прочь, в сторону от машины, подальше от нас. У тротуара мы настигли его.

– Нельзя так, – сказал Буля, – не дети же мы все тут. – Ну-ка, вот здесь светло. – И мы припёрли старика к столбу под фонарём.

– О-о! – взвыл он, когда Елена коснулась бинтом его раны. – Нетерпеливый какой! – ласково корила бомжа Елена, – ещё, ещё секундочку! – А когда окончательно перевязала его и поставила пришедшийся прямо ему на лоб смешной бантик, сказала: – Нет, надо всё-таки обработать получше, в нормальных условиях.

– В травматологию его! – решительно определил Каша, на что старикан неодобрительно заворчал и вновь попытался освободиться от нас. Но Буля Булатыч держал его крепко.

– Ко мне поедет, – сказал он. – Но сперва в аптеку. – Он всё оценил, взвесил и принял решение, которое мы, в том числе и Елена, которой, вроде, было «пора домой», оспаривать не стали. Бомжарик наш, не переставая, ворчал, но уже не сопротивлялся.

– Что у тебя там? – кивнул Буля на его сидор, когда тот неуклюже полез с ней в машину. – Давай в багажник положу.

– Не-е, – отказался старик. Он взялся за ручку над дверью и, обняв своё позвякивавшее богатство, устроился по правую руку Каши на краешке сиденья, как большая причудливая птица на курином насесте.

Ещё во время перевязки, на тротуаре, под уличным фонарём, выяснилось, что мы незадачливого пешехода вовсе и не шибанули своей машиной. Можно сказать, просто упёрлись в него, призраком возникшего на нашем пути, точнее, вылетевшего из-за автобуса и клюнувшего носом прямо у нас под колёсами. Да, он был пьян. Не сильно, но и не слегка. Нормально для его категории персонажей. Такие, кстати, так просто не падают.

– Каким образом тебя угораздило под колёсами оказаться? – расспрашивал в пути несуразного пассажира Буля, полуоборачиваясь к нему. – Чуть ведь не задавил тебя в лепёшку. Как успел среагировать?! Зазевайся на мгновение – и всё, хана!

– Споткнулся у автобуса, – рокотал в ответ птицеподобный пассажир. – А там как-то вынесло на дорогу. Да и не удержался, нырнул... Ладно, бог миловал.

– Но я же слышал хлопок.

– Это ты сумку мою трахнул.

– Что у тебя там?

Старик заглянул в неё:

– Теперь уже ничего. Практически.

– А теоретически? – сострил Каша.

– У меня теория с практикой не расходятся, – ответил наш новый знакомый.

Его звали Борисом.

– А по отчеству? – спросил я.

– У поэтов отчеств не бывает, – ответил с достоинством бомж.

– Вы поэт? – удивилась Елена.

– Да.

– Что-то не очень похоже.

– У нас в стране нет возможности быть похожим на себя.

– Вообще-то, может быть.

Каша шепнул ей:

– А ты думала, что все поэты ходят в плюшевых курточках и с шёлковыми шарфиками на шее?

– Нет, почему? Но, согласись, как-то странно...

Верста

*– А я, ваше благородие,
с малолетства по своей охоте
суету мирскую оставил и
странником нарекаюсь;
отец у меня царь
небесный, мать – сыра земля;
скитался я в лесах дремучих
со зверьми дикими,
в пустынях жил со львами
лютыми; слеп был и прозрел,
нем – и возглагодал.*

М.Е.Салтыков-Щедрин.
«Губернские очерки»

У себя дома Буля меня удивил. Он с такой заботой отнёсся к своему невольному гостю, будто это был отец его родной.

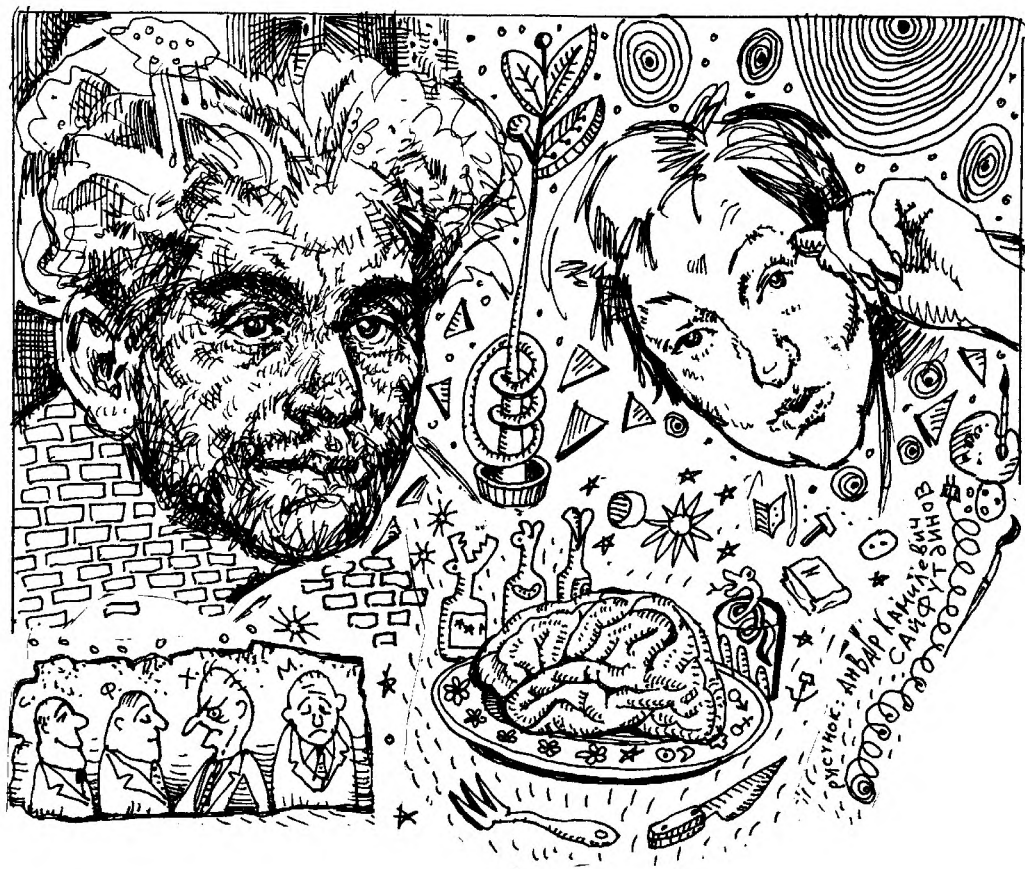
Рану бедолаге заново и тщательно промыли. Прекрасная Елена своими божественными пальчиками её обработала, наложила какие-то мази, аккуратно перебинтовала. Затем Буля затолкал слегка пропахшего вольной жизнью поэта отмыкать в ванну, направленную морской солью, со словами:

– Перевязку не замочи.

Было уже за полночь. Пока именитый гость купался, Буля принялся организовывать чай, но Елене всё-таки надо было домой. Ограничились апельсиновым соком, минералкой. Буля взялся за поиски своей дорожной куртки, чтобы отвезти Елену, но Каша сказал, что лучше, если он останется дома и будет сам возиться со своим новым другом.

– Её я сам отвезу.

– Ты же пил сегодня.

– Когда это было! – хмыкнул Каша. – Знаешь ведь, мой желудок за полчаса канистру бензина в кефир превратит. И никакого запаха не останется. Хо-о, – дыхнул он на дядьку. – А? Понял? Так что, одна нога здесь, другая там, моментом вернусь.

– Не надо мне моментом, – поморщился Буля. – Хватит на сегодня моментов. – Он протянул Каше документы и ключи от машины. – Чтобы сорокшестьдесят кэмэ в час, в соответствии с дорожными знаками, понял?

– Понял, Булатыч, какие разговоры!

– Ты там, Елен, следи за ним, чтоб не превышал, – посоветовал я. Мне было почему-то грустно, зато Каше весело. Он удалился с красавицей, поигрывая ключами от машины.

Гость из ванной выбрался нескоро. В Булином тренировочном костюме, шлёпанцах, с большим, махровым полотенцем на шее, он походил больше на футбольного тренера английской премьер-лиги, чем на нашего не вышших сословий соотечественника. Он напрямик подошёл к полкам с книжным богатством и, пока хозяин сервировал на кухне стол, принялся со знанием дела извлекать из тесных рядов том за томом и, многозначительно хмыкая, листать их. Я полулежал в кресле с газетой в руках. Он меня не замечал. Он утопил свой эллинский нос в книге и теперь уже больше походил на профессора из старых, классических времён.

Вид у него, и точно, был профессорский. Вернее, не вид, а весь облик,

образ, начиная со взрыва из-под бинта эйнштейновской шевелюры, античного носа, интеллигентной сутулости, не считая загрубелых, ухватистых рук с прокуренными, жёлтыми пальцами, удивительно умело и бережно гулявшими по страницам книг. И был он не так стар, как мне показалось сперва. Шевелюра его была пегой – наполовину, через, так сказать, волосок, седой; под зарослями бровей бегали по чрезвычайно любопытным для него строкам живые, подетски заинтересованные глаза, цвета чистого майского неба. И ни облачка в них, ни тревожности, которые обычно нагоняют на людей возраст, проблемы и неопределённость завтрашнего дня. Ему бы ещё побриться гладенько и затем хоть объявление подавай: «Мужчина в расцвете интеллектуальных сил ищет себе понимающую подругу на пути к высотам науки и поэзии». А может: «...справедливости и поэзии». Но «поэзии» – это точно. В его руках, как белый голубь крыльями, взмахивал страницами томик Элюара, когда нас позвали к столу.

– Перекусим, – сказал Буля, рассказывая нас. – Да и по рюмочке теперь не грех. – Он взял хрустальный графинчик с хрустально чистым содержимым и наполнил на высоких ножках, такого же хрустала, рюмки. На закуску были солёные грузди и маринованные, пупырчатые огурчики, тонко нарезанный янтарно-рубиновый балык, копчёное мясо дольками, и в кастрюле на газовой плите булькала картошка.

Мой друг с детства любил яблоки. Частенько со школьного двора после футбольного матча мы лазали в соседние яблоневые сады утолить жажду. Он поедал различные ранетки, золотые наливки, а по осени – ядрёные антоновки вёдрами. С тех пор пристрастие его не изменилось. Посередине стола возвышалась ваза с зелёными, крупными яблоками.

Гость наш оживился, двумя пальцами взял рюмку за ножку, выжидающе поднял глаза на хозяина квартиры, тот не заставил себя ждать:

– Ну что, Борис... – И тут же перебил себя: – Но фамилии-то у поэтов бывают? Или псевдонимы?

– Верста, – ответил он.

– Верста? – переспросил Буля.

– Да, Верста.

– Значит, поэт Борис Верста?

– Так точно.

– Что-то не слыхал такого, – сказал я.

– Это не меняет дела.

Я пожал плечами.

На это непризнанный поэт, продолжая держать на весу готовую к употреблению рюмку, сказал:

– Вы слышали звезду под названием Бельтергейзи?

– Нет, – ответил я.

– И ей от этого, замечу ни жарко, ни холодно. Она от этого не перестаёт быть звездой. Согласны?

– Один – ноль! – сказал я.

– А некоторых звёзд вообще не видно, – продолжал добивать меня поэт. – Свет от них ещё не дошёл до Земли.

«Два – ноль», – сказал я про себя, а вслух произнёс:

– Не хотел вас обидеть, честное слово, просто как-то с языка сорвалось то, что должно было остаться в ящике. – И постучал себя по макушке.

– Ладно, ладно, – одёрнул меня Буля и проинформировал гостя, что я тоже человек творческой профессии – художник, живописец – и что свет моих произведений тоже ещё не дошёл до всех жителей Земли.

– Вот и тост сформировался, – обрадовался залётный, привзмахнув рюмкой, как дирижёр палочкой.

– Точно, – сказал я, поднимая свою хрустальную мерку, – выпьем за то, чтобы наш потребитель не сидел без излучаемого нами света.

Верста, закинув голову и не касаясь губами рюмки, одним глотком опорожнил рюмку, закусил пупырчатым огурчиком, затем намазал сливочного масла на хлеб, накрыл красной долькой балыка и стал неторопливо жевать-пережёвывать, будто демонстрируя, что такая пища в бомжацком рационе обыч-

ное дело. Откровенно говоря, я думал, на еду он накинется со зверским аппетитом. Ошибся.

Буля сочно хрустнул яблоком и, немного погодя, спросил:

– А в паспорте тоже записано: Верста?

– Нет, в паспорте я – Версто-о-ов, – с удвоенным ударением ответил гость.

– Верста, выходит, псевдоним, – сказал я. – Борис Верста... Красиво.

– Ты, наверно, недавно в нашем городе? – сказал Буля и, слив горячую воду из кастрюльки, высыпал парящую картошку в большую тарелку, чем привёл Версту в неопишуемый восторг. – Просто я всех здешних поэтов, вроде бы, знаю, – продолжил он свою мысль.

– Верно. – Гость пошёл вилкой на картошку в штывовую. – Здесь, у вас в городе, я всего второй месяц.

– Откуда родом-то? – спросил я.

– Из Кемерово.

– Сибиряк, значит.

– Да.

– А знаешь, откуда название «Кемерово» происходит?

– Знаю, с татарского это значит «уголь». Кумер – уголь. Угольная у нас область. Одно слово: Кузбасс! Но я давно уже там не был. Как уехал лет тридцать назад Москву покорять, так и всё, как отрезали.

– И покорил?

– Москву-то? Скорей, она меня. Хотя, что Москва, география моей жизни гораздо шире. От Питера до Андыря, от Диксона до Бухары... За большими рубежами вот не был, жалко, конечно, но всю страну, ещё не развалившуюся, вдоль и поперёк исколесил.

– Булатыч наш тоже всю страну объездил, – кивнул я на Булю. – Он ведь у нас шайбист. – Гость не понял. Пришлось пояснить: – Хоккеист, чемпион страны, мира и Олимпийских игр и вожак наших «Белых Волков». Команда у нас так называется, хоккейная, – «Белые Волки».

– Капитан их, что ли?

– Всю-то страну, вроде бы, всю, – произнёс задумчиво Буля. – А подумать так, что я видел, кроме вокзалов, аэропортов и дворцов спорта? – Он взял графинчик и разлил по рюмкам. – Где, дружище, в нашем городе-то остановился?

– Да нигде, можно сказать. – Он сделал свободной от рюмки рукой беспечный жест. – Для нашего брата под любым кустом, как там у классика, всегда готов и стол, и дом.

Этой темы из соображения особой деликатности мы с Булей больше не касались, как и вопроса о его семье, жене, близких и т. д. После второй рюмки он сам стал рассказывать, но больше о своих друзьях, великих соратниках пера, встречах с ними, приключениях. Буле всё это было чрезвычайно интересно, он слушал, зачарованный, как ребёнок. А Верста и рад стараться. С этим живым классиком он выступал на поэтическом вечере в Центральном доме литераторов, с тем он два месяца вдохновенно приносил себя в жертву Бахусу, у того полгода жил и беспробудно писал стихи, а с той, да, да, знаменитой шестидесятицей, путешествовал по городам и весям севера России. По его словам, он был на короткой ноге с Львом Гумилёвым (даже ходил с ним в экспедицию на Алтай), Астафьевым (гостил у него на Енисее, нет, не в Красноярске, а позже, в его Овсянке, в скромном, бревенчатом пятистенке), а с Колей Рубцовым живал в одной комнате общаги... Из художников? Знал Виктора Попкова, а ещё Евдокию Сидорову.

– Чудесную живописицу. Сибирячку. Она работает в стиле примитива, декоративно-лубочного такого... Но картины у неё, я вам скажу, сказочной кисти. Живёт в богом забытой деревушке и творит, творит... А так, художников я меньше знаю, но живопись люблю. Может, и ваши картины, судьба решит, увижу.

Ко мне, как и я к нему, он обращался на «вы».

Не променяю никогда

– Что такое импрессионизм?
– Это когда много баб и солнца.

Из услышанного

За окном громынуло и полило как из ведра.

– Что за май такой? – оглянулся Верста на открытое окно. – То солнце нещадное, то ливень безбожный. Такая зависимость от капризов природы! – Он потрогал свой варяжский нос, потёр поясницу. – И с годами ведь всё сильней, эта зависимость.

Буля подошёл к окну, выглянул в ночь:

– Что-то Руслана долго нет. – И захопнул створки.

– Дело молодое, – заметил гость и вкрадчиво поинтересовался о Каше с Еленой. Буля сказал, что Руслан Кашапов – его партнёр по тройке. А Елена...

– Мы с ней только сегодня познакомились.

– Серьёзно? А такое впечатление, что она в вашем кругу уже много лет. – И добавил. – Верное имя у неё. Соответствующее.

По мобильнику Каша сообщил, что скоро будет. Буля успокоился, плеснул из графинчика ещё по рюмке.

– Борис, своих книг, изданных, много?

– Всего одна. Я ведь часто переезжал с места на место, а чтобы выпустить в свет книгу, надо в одном городе жить долго. Ну, как долго? Не меньше года. По газетам, журналам, альманахам публикаций достаточно. Свою эту единственную книжку, что интересно, я увидел через пятнадцать лет после её рождения. Как получилось? В Красноярске подготовил рукопись стихов и отдал одному хорошему другу-поэту, сидевшему в книгоиздате в немаловажном кресле. И так получилось – уехал. Опять же в Красноярске объявился только через полтора десятка лет. А там мой друг с моей живой книжкой. Протягивает мне...

Вот это было – да-а! Ради такого стоит на белый свет явиться, друзья мои!

– Друг у тебя, получается, отличный.

– Точно!.. Но и стихи неплохие, – показал в улыбке свои лопаты зубов поэт.

– Хоть один экземпляр при себе остался? – спросил я.

– Не-е...

– А ты прочти что-нибудь на память, – сказал Буля.

– Да? – Верста задумался на секунду-другую, кашлянул в кулак и, чуть склонив большую голову набок, начал своим шершавым, прокуренным голосом:

Не променяю никогда
рубаху белую
на чёрную...

Честно говоря, я не очень-то верил, что наш бомжацкой корпорации гость может быть настоящим поэтом, и даже думал, что он откажется продемонстрировать свои поэтические способности, сославшись на травму, отсутствие памяти (и книжки своей под рукой нет), да мало ли других весомых и правдоподобных поводов отмолчаться. Может быть, это сомнение и порождало моё какое-то снисходительно-терпимое отношение к нему. Пой, дескать, соловушка, пой. Но я, оказывается, ошибался. Это стало ясно по первым же высоким поэтическим нотам, сипловато взятым Верстой посреди ночи у Були на кухне.

Он читал нам о не запятнанной белой рубашке, в которой представить себе его было нелегко, и, странное дело, я верил ему. Вот в ней, белоснежной, топил он баньку (откуда она у него, перекасти-поля-то?) и вдруг пачкает в саже, которая легла на грудь «строкою жжёною». Тут завязка стихотворения. А завязка в том, что речь, конечно же, шла вовсе не о рубашке. Речь шла о душе и вдохновении.

Я, конечно, не самый большой знаток поэзии, но в данном случае... Я взглянул для верности на Булю, нашего профессора кислых щей, и по его сияющей физиономии убедился, что не ошибся: перед нами в небритом, перебинтованном, лохматом обличии воссе-

дало на табурете нечто, не скажу, талантливое, но, безусловно, подлинное и необычное.

– Откуда Волга-то у тебя взялась? – спросил Буля. – С одной стороны, ты сибиряк, с другой – странник, а тут, в стихотворении своём, – осёдлый волжанин?

– Его же я в Ярославле написал, на даче одного начинающего поэта и законченного спекулянта, хотя таких сейчас бизнесменами принято называть. Представляете себе, на высоком волжском берегу двухэтажный особняк, теннисный корт, баня, уж не говорю: помидоры-огурчики, яблони-вишенки на участке... И в резной беседке, в тени вьюна, ваш покорный кропает своё... И не своё тоже. Я там его, этого проходимца, поэмку одну до ума доводил, к печати готовил. Кушать-то хочется.

– А рубаху белую запятнать не побоялись? – спросил я.

– С какой стати? Свою работу я исполнял честно и профессионально. На чужом хребте в райскую жизнь не въедешь.

– Зато другому способствовали в этом. И сообща с проходимцем вводили в заблуждение читателя.

Буля перебил нас:

– Почитай ещё, Борис.

– Устал, – поморщился он и поднялся со стула. – Откуда, Булатыч, у тебя столько книг? – Мы с Булей тоже снялись со своих мест и неспешно пошли по комнатам квартиры, в которой практически по всем стенам подпирала толчки уникальная библиотека.

– Собрал потихоньку, – ответил Буля на праздный, с моей точки зрения, вопрос.

– Собрал? – удивился Верста. – А я думал, может, по наследству досталась.

– Почему это?

– Подобрана уж больно ладно, со старинными фолиантами и не по твоему, прости меня, Булатыч, профилю. Ты же хоккеист. А тут...

– Что тут? По-твоему, хоккеист не может интересоваться серьёзной литературой?

– Я этого не говорил, но, согласись, это не характерно для твоей профессии. И ты в данном случае – исключение. Я бы даже сказал: откровение для меня. Извини, но циничный вопрос: ты по натуре своей собиратель или читатель?

– У нас в семье всегда было много книг. И я рос среди них. И читал. И сейчас без чтения – я не представляю себе...

– Понятно... Но если б в моём доме с детства было такое количество книжек, у меня бы к ним, как к привычному декору, развилось равнодушие. А это чья картина? – прищурил левый глаз Верста, прицелившись на полотно моей работы, изображавшее большое, всё в инее разлапистое дерево и рядом озерцо, на утреннем льду которого скрестили клюшки над шайбой две крохотные детские фигурки. Картина приютилась в одном из редких проёмов, свободном от книг.

– Это – произведение выдающегося художника современности Марата Салмина, – с пафосом произнёс Буля. – Прошу любить и жаловать.

– Ладно тебе, – снял его руку я со своего плеча.

Верста посмотрел на меня, точно оценивая, соответствую ли своей работе, затем опять на полотно:

– Недурственно, очень даже недурственно, скажу я вам, – тоном академика живописи протянул Верста. – Светлая картина. Да-а, всё у нас, что связано с детством, светло и чисто. Кто-то из этих юных хоккеистов, должно быть, ты, Булатыч, а другой – автор картины, а?

Буля одобрительно кивнул головой, пояснив кратко:

– Одно время мы с Маратом бегали на озёра за нашими домами. Уже к концу ноября они покрывались крепким льдом и превращались в десяток чудесных хоккейных площадок...

– Сейчас там давно уже ни озёр, ни лугов, всё застроили, – заметил я.

Верста был внимательным слушателем. Ему всё было интересно: и про кар-

тину, и про хоккейные краги на вешалке, и про золотые, серебряные медали, кубки и прочие спортивные награды хозяина квартиры, и про его детство в плюшевом альбоме, но всего интересней для него всё равно оставались книги, и он время от времени окунался в них, продолжая быть внимательным и не упуская нити неспешной нашей беседы...

Потом, возвращаясь к разговору о моей картине, он заметил, однако, что реализм по большому счёту его не столь волнует.

– Шишкин, Репин, Суриков – не художники, по правде говоря, а старательные копееисты. Копееисты живой природы. Я имею в виду и человеческую природу. Мне надо, чтоб человек был показан изнутри. Огонь, мерцающий в сосуде, чтоб, а не сам сосуд, в котором не знай что.

Вернулся Каша. Мы все опять сели за стол. Предметом внимания, безусловно, стало долгое отсутствие нашего донжуана.

– И что, проводил?

– Это и есть одна нога здесь, другая там?

Каша вяло, в своё удовольствие оправдывался, а затем предложил выпить:

– Не за чего иного, прочего другого и не за ради приятства, а за единое единство нашего и дружного компанства!

Поэт аж языком цокнул и пегой своей шевелюрой встряхнул. Я поинтересовался:

– Из вятского запасника, что ли?

– Не знаю, – ответил Каша и, пошкрабав пятернёй в затылке, что означало крайнюю степень довольства жизнью, выпил.

Мы поддержали... На сей раз наш почтенный гость закусил странным образом – скучил хлебные крошки на столе, умело взял пальцами, как узбек плов, и кинул в рот.

– Так вот, – продолжил он прерванный приходом Каши разговор, – реализм это всего лишь ученичество в истории искусства. И живописцы наши из поко-

ления в поколение выкарабкаться из этого ученичества не могут. Ни тпру, ни ну – застряли, как второгодники. А пора бы подняться на настоящие высоты. Конечно, есть отдельные прорывы – Пикассо, Северини, Кандинский, Малевич, австриец Фукс. Но...

– Но это касается только живописцев? – поинтересовался я. – Или реализм – это ликбез для всех в широком смысле слова художников, в том числе и поэтов?

– По моему раскладу – только живописцев. Писатели право на реализм всё-таки имеют.

– Интересно, почему такая несправедливость?

– Не знаю, пока не могу объяснить. Но я так чувствую.

Тут вставил своё слово Каша:

– А хоккей – это реализм?

– Нет, хоккей – чистой воды абстракция. То есть искусство высшего порядка. Вот, если говорят, архитектура – застывшая музыка, то хоккей, как и футбол, баскетбол, регби, – это визуальная музыка. В движении.

Здорово! – Это Буля. Он взял омелевший графин, оценил ватерлинию и пошёл к себе в комнату за добавкой.

Я спросил Версту:

– Как же это ты вчера так вылетел из-за автобуса? Не похоже, что просто споткнулся.

– Толкнули.

– Кто?

– Да-а... – махнул он рукой. И в свою очередь спросил: – А баба-то у него где? Вроде, фотографии вот её с сыночком вижу, кивнул он на книжный шкаф, за стеклом которого теснились среди прочих несколько семейных фотографий.

– Развелись они, – ответил я.

Появился Буля с восстановленным в статусе графинчиком.

Спать легли уже не поздно ночью, а рано утром. Верста ещё курил свои вонючие сигареты в лоджии, затем долго-долго кашлял за стеной, в специальной комнате для гостей, которые здесь, у Були, несмотря на развод, не переводились.

Утром было воскресенье. Впрочем какое это имеет значение? У Були с Кашей-вятичем отпуск, я вообще никогда и ни на какой службе не состоял. Бомжарик наш – тем более.

Спали по разным углам квартиры. Я в детской комнате, Каша в спальней, Буля у себя в кабинете, Верста... Про него говорил.

Я проснулся позже всех. Все надо мной, соней, смеются. Все давно уже слоняются по квартире туда-сюда, занятые каждый своим делом. Один с помазком и безопаской в руках, другой с книгой, третий со сковородкой.

Наконец Буля приглашает на завтрак. Не буду описывать, что было на столе «залы» – большой комнаты квартиры (кулинарные способности моего друга – отдельная тема разговора), скажу лишь, что не было спиртного.

Откровенно говоря, я думал, что Верста попросит себе что-нибудь на лёгкую опохмелку. Нет, ошибся. Он вошёл в комнату последним, свежий, гладко выбритый, благоухающий дорогим, хозяйским одеколоном, с раскрытым томиком в руке, лишь перевязанный лоб напоминал о вчерашнем и о том, кто он такой есть на самом деле.

– Смотрите, как сказано! – воскликнул он и процитировал, оторвав взгляд от книги и устремив его куда-то под раму оконную:

**Не умирай! Сопrotивляйся, ползай!
Существовать неинтересно с пользой.**

Буле это – мёд на душу.

– Что это? – поинтересовался я.

– Поэмка с неказистым названием «Муха». Представляете себе, человек смотрит на медленно ползущую, чудом дожившую до апреля муху, и поднимает гамлетовские проблемы! Сравнивает её с собой... Но, главное – «существовать неинтересно с пользой!» – каково, а!

Довольный прочитанным, Верста сложился на тонконогом стуле, опустил, не закрывая, страницами на скатерть, книгу, с удовольствием выпил, по предварительному совету Були, стаканчик кефира натошак и, вилку с ножом брать в руки не торопясь, стал слушать Булины размышления о только что прочитанном. А Буля вспомнил, что как раз недавно они на эту тему разговаривали. Ведь пользы в занятиях, скажем, Циолковского и других ему подобных чудаков мало кто видел. А близкие говорили: «Чем бы дитя не тешилось...»

Каша пододвинулся к увлечённому дядьке и напомнил свою просьбу. Ему, оказывается, слетать куда-то надо было, а если точнее, свозить Елену на другой конец города. (Свою машину продал, новую ещё не приобрёл.) Буля сказал, чтобы на обратном пути заехали, Борису перевязку надо сделать. Куда деваться, Каша согласился, если, конечно, Лена не будет против, мало ли какие планы у неё в голове!

– Не будет, – улыбнулся Буля. – Разве такому джигиту можно в чём-то отказать?

После отлёта центрального нападающего мой друг выдал, наконец, идею, которую я с опасением прогнозировал. Он предложил Версте пожить у него, пока тот не поправится и не определится с постоянным жильём. Буле неведомо было, что Верста ни в чём постоянном не нуждался и что царапина на его лбу была не смертельной.

Опытный бомж принял предложение спокойно, как что-то заслуженное и само собою разумеющееся, не торопясь с ответом, не спеша с благодарностями. Ему не впервой такое, сам же рассказывал. Потом, улучив момент, я сказал Буле: и одной-то царской ночёвки тут за глаза ему, лучше дворняжку с улицы приюти.

Так уж просто сказал, знал, что бесполезно. Но пусть чует мои тревоги. И если я за столом помалкивал, то из-за чистой деликатности к какому-никакому, но кунаку, то есть гостю.

Часа через два вернулся Каша с прекрасной Еленой. Оба сияющие, красивые, как само счастье на блюдечке. Что ты! Какое-то время ведь вместе провели и заодно съездили к какой-то там её заказчице! Наверное, так и должно быть, когда между мужчиной и женщиной завязывается что-то большое и настоящее.

Денди ЛОНДОНСКИЙ

Елена наложила новую повязку на лоб Гомера и спросила:

– У вас медицинский полис есть?

– Зачем он?

– На всякий случай, мало ли...

– Откуда у него? – рассмеялся Каша.

– А паспорт? – спросил Буля.

– И паспорта нет, – тяжело вздохнул Верста. – Украли.

– Дела-а... – Филантроп на мгновение задумался, но лишь на одно мгновение. – Ничего, была бы голова на плечах. Остальное восстановим.

После медпроцедуры пили чай – второй завтрак, таким образом, затеяли. Чаи гоняли с пряниками и не сводили с Елены глаз. В то утро она была особенно прекрасна. Борис Верста, не на шутку вдохновлённый неотразимой красотой гостьи, произносил поэтические комплименты, Буля по возможности не отставал... Красавице всеобщее внимание нравилось. Оно ещё больше по душе было Каше, который безвозвратно потонул в её невозмутимых, карих водоёмах, лишь изредка волнуемых каким-то нездешним ветерком.

На славу почаёвничав, Буля продолжил свои чудачества. Он позвал нас прокатиться по магазинам.

– Зачем? – подозрительно спросил я.

– Хочу с вами, художниками, кое о чём посоветоваться.

Верста накрыл пустую чашку блюдечком и засобирался.

– Где моя сумка? – спросил он, натягивая свой кургузый пиджачок и поправляя античных времён галстук на затрёпанной, когда-то жёлтой рубашке, с загнутыми, как осенние листья, концами воротничка.

– Какая сумка? – спросил Буля.

– Моя, какая!.. – возмущённо произнёс Верста. – Полная такая.

– Полная чего?

– Всего!..

– Я её выкинул.

Немая сцена.

– Куда?

– Это имеет значение?

– Конечно.

– В мусоропровод.

– И ты имел право?

– Что я, битые бутылки не имею права выкинуть?

– Я тебе не про бутылки говорю, а про сумку, в которой они были.

– Так я вместе и выкинул.

– О-хо-хо, – тяжело вздохнул Верста. Для него это, видать, была большая потеря.

Из подъезда он вышел первым. За ним все мы, остальные, неожиданно посвящённые в мадридские тайны его засаленной, холщовой торбы.

– Да я тебе новую куплю, – успокаивал своего нового друга Буля.

– Не в том дело, – бурчал в ответ Верста.

– Да мы давно знали о содержимом котомки этой, – попытался я скрасить невольную огласку сокровенной тайны. – Ещё вчера звенела-гремела на всю ивановскую...

Борис на это ничего не ответил, сложил аккуратно сигарету (сигареты курил он без фильтра), сунул половинку в рот, другую спрятал. Экономный. Пока Буля выгонял свой серебристый джип-машину из гаража, он сходил к тележке с мусором, выставленной у подъезда для разгрузки, заглянул, не обнаружил пропажи и, бросив туда окурок, вернулся к нам.

Подъехал Буля. Вылез из-за руля.

– Всё-таки бампер помяли, – заметил я. – Днём вот видно.

– Есть немного, – ответил он без тени расстройства. – Ну что, поехали?

В дороге он спросил Версту:

– У тебя ещё какие свои шмотки имеются?

– Имеются, – не сразу отозвался обиженный поэт.

– Где они?

– В надёжном месте.

В супермаркете прямиком прошли в отдел кожгалантереи и принялись сообща выбирать для Версты новую сумку. Сам он в этом сначала не участвовал, оскорблённо бойкотировал Булин почин, затем бочком-бочком приблизился к прилавку, стал подавать голос, критиковать сумку за сумкой: в этой то не нравится, в той это... Постепенно сумочки стали задерживаться в его руках, и вот, наконец, одна задержалась бесповоротно. Она и на плече хорошо висела, и в руке удобно держалась, и вместительной была, и с многочисленными кармашками по бокам, а тканью, чёрная, прорезиненная, как засаленная, отдалённо и пропавшую напоминала.

Потопали дальше. На плече поэта новая сумка. Поэт то и дело бросает оценочный взгляд на неё. Зашли в отдел с костюмами, пиджаками, брюками... Верста подошёл к зеркалу, вертикальному, в полный рост, и внимательно оглядел себя с новой тарой для посуды.

– Красивая сумка, – сказала Елена.

– Немножко не подходит к одежде, – заметил Буля.

– Да, не гармонирует, – согласился Каша.

Буля сунул руку в строй новых костюмов, снял с плечиков коричневый, в ёлочку пиджак, приложил к груди:

– Ну как?

– Самое то! – ответила Елена.

Буля взял под локоть Версту:

– Померь-ка.

– С какой стати? – засопровтивлялся бомж. – У меня и свой нормальный.

– Нормальный-то нормальный, но он маловат тебе. Скажи, Лена, ты же художник.

Она говорит. Каша подтверждает. Ясно: сговорились.

Начинается примерка. Бомж снова показывает характер. Привередничает.

– Рукава коротки, цвет не тот...

Кое-как, уже с моим участием, подобрали ему другой пиджак, пепельно-серый, в чёрную крапинку. По тону он как нельзя лучше соответствовал его пегой шевелюре. Но не мятым, пузырящимся на коленях штанам.

Дальше совершенно логично последовал выбор и нудная примерка брюк.

Из супермаркета Боря Верста вышел, словами классика, как денди лондонский одет. Правда, чёрные брюки были ему чуть длинноваты, а серый, в крапинку, пиджак всё равно в рукавах коротковат. Всё-таки нестандартные у Версты оказались длани. Такими бы руками не стихи кропать, а уголь нагору выдавать. Но всё равно – с нами теперь уже топал не показательный бомж.

Через плечо у денди современная сумочка, на ногах – агатовые, поблёскивающие новизной штиблеты. Довершали портрет интеллектуала светло-серая сорочка и модный, тёмно-синий галстук (выбор Елены), оттенявший его по-есенински голубые глаза, только не распахнутые, а прищуренные.

Февральская метель

Февраль у нас больше зима, чем январь. Февраль до петровского февруария называли сеченем, а также ещё – лютым. По существу зима к февралю-месяцу только разгоняется в полную силу, начинает сечь и задувать хлесткими вьюгами, сыпать из низких облаков тяжёлыми снегопадами, подымать бесполезные сугробы (в декабре бы их для полей-огородов). Январь – явление хрустально-звонкое, замершее в морозной неподвижности и малоснежности. И объяснение тому не только современ-

ные глобальные изменения в природе. Помните у Александра Сергеевича: «Зимы ждала, ждала природа, снег выпал только в январе». Таков первый месяц года по своей сути. Февраль же на снега обилён, и он всегда в движении, в метельной пляске, он напорист и в то же время скоротечен и трагичен. Уже на перевале отведённого срока дыхание его сбивается, он подпускает предательскую талую воду, а нетерпеливые птицы в его чашобах уже завивают гнёзда. Но порою сечень стойко сопротивляется, будто не желая подчиняться составленному человеком календарю, и долго властвует без меры и границ.

В один из таких февральских дней, это был понедельник, Буля надвинул спортивную шапочку по самые брови и вышел в дневную вьюгу –дохнуть её весёлым, мятежным порывом. Ветер, то усиливаясь, то замирая на мгновение, гнул с Волги. Покружив и взвихрив сугробы под ёлками у Дома издательства, он опять улетал на ледово-снежное поле, покрывавшее реку, накручивать немислимые виражи, поднимая своими невидимыми коньками такую снежную стружку, что топил в ней всё побережье.

Буля пошёл по дамбе к мосту через реку, впадающую в Волгу. За мостом, на высоком холме – кремль, древний, своеобразный, с полумесяцами, крестами, звёздами, символами ЮНЕСКО на башнях. Такого разнообразия религий, идеологий за одной крепостной стеной, наверное, в мире больше не сыщешь. В сердцевине белогокого кремля возвышается стройная, красно-кирпичная башня, по своему облику напоминающая собой какую-то межгалактическую ракету, нацеленную на далёкие звёзды. Наряду с Пизанской, она входит в бесценную десятку падающих сооружений башенного типа в мире. Клонится она в сторону, куда в своё время увезли её хозяйку – несравненной красоты царицу с маленьким сыном в полон. Было время – вход в строение не охраняли и под замком не держали, и мы, пацанами, взбирались по внутренней винтовой

лестнице, по всем её ста восьмидесяти семи ступеням под самый шпиль и обозревали город, окидывали дальние окрестности хозяйским взором, как древние предки наши: всё ли благополучно в царстве-государстве, нет ли неприятеля на горизонте. Теперь строго, стой у подножья башни за специальной оградой и, заломив голову, вглядывайся в поднебесный шпиль, увенчанный полумесяцем.

Буля любил ходить пешком, при ходьбе хорошо думалось, порой в голове рассеивались такие туманы и прояснялись такие светлые пути, что хоть в ладоши бей. Вот, после долгой дамбы, и мост. С него в детстве Буля со своими друзьями, в том числе и Маратом Салминым, прыгал солдатиком в майскую стремнину. Забирались на широкие бетонные перила, оглядываясь на страховщика, стоявшего на другой стороне моста, в ожидании отмашки безопасности – фарватер чист, никакой катер или глассер не выскочит из затенённого проёма под тобой тебе под ноги. Отмашка – и пошёл солдатиком вниз, только гулкий ветер в ушах, и душа уходит, нет, не в пятки, а куда-то в промежность. Вот когда понимаешь, что она, душа-то, у тебя, оказывается, есть! Прыгали почему-то всегда с южной стороны моста, по течению, к большой Волге лицом, и почему-то только весной. Летом, видать, уже неинтересно было, появлялись другие забавы, да и просто разъезжались кто куда: победней – в деревню к бабушке, посостоятельней – на юга, ну и, конечно, те и другие – в турпоходы, лагеря...

На мосту – последний бастион метели. Она бьёт со всех сторон разом, захватывает дыхание, слепит глаза. Буля вертит головой в поисках спасения от февральской шрапнели. Безуспешно. Вокруг белым-бело, лишь башня древней царицы сквозь рябь несусветную ориентиром клонится да брызгами чернил застывшие по сторонам моста на белом поле рыбаки.

Но февраль как непредсказуем, так и непостоянен. Стоило миновать мост,

затем продувную площадь и войти в самую уютную в городе улочку, со множеством магазинов и всевозможных забегаловок, как метель сникла, ветер притормозил в своём шальном полёте, и Буля расправился, опустил воротник куртки, сдёрнул надвинутую до бровей шапочку – всё-таки тепло, с крыш капает, под ногами мокро-зернистое месиво. Один наш писатель, выходец из деревни, сказал: несчастен снег, который падает на город.

На улицелюдно, много молодёжи, город всё-таки университетский (в старом, европейском понимании слова), студенческий. Много просто красивых, со вкусом одетых людей, немало иностранцев, которые в толпе каким-то образом сразу узнаются. Но вот диссонансом пёстрому уличному хороводу из подворотни выныривает с головы до ног серая, несуразная парочка. Серые на них не только выдавшие виды одежды, но и лица. По правде говоря, не совсем серые – лица-то. У него свежий, лиловой расцветки фингал под глазом, у неё жёлтые разводы на оба глаза от старого синяка, переносицей, видать, стукнулась. На ногах у кавалера «прощай молодость» – обувь, которую наша страна повально носила в середине прошлого века. Она обута в то, чему и названья нет – брезентовые какие-то полусапожки со свихнутыми набок толстыми подошвами. Понятно – бомжи. Но самое примечательное не в их одеждах, не в их облике – они, чумазые, битые, семянят себе под ручку и, можете себе представить, мило воркуют, как два влюблённых голубка. Вот она, оставшаяся, даже ласково притрагивается к его залитой опухолью щеке пониже синяка:

– Больно?

Он не отдёргивается, не ругается, а только тихо и печально вздыхает:

– Терпимо, вроде.

– Ничего, заживёт, – нежно, как мать своему больному сыночку, говорит она, ещё раз доказывая, что в женской любви всегда присутствует что-то материнское. Она опять берёт его под руку, и

они неспешно идут дальше, обречённые друг на друга и никому больше, как только друг другу, не нужные.

– Ты ещё покажешь себя, – уверяет она, подкрепляя сказанное выразительными жестами свободной длани в жёлтой, побитой то ли молью, то ли жизнью перчатке. – Сила ведь не только в кулаках – внутри человека, внутри, там его главная пружинка. А она у тебя, эта пружинка-то, есть, я знаю.

Бомжом захочешь стать, чтобы услышать такие слова.

Несколько дней назад наконец-то определился с жильём Верста. Буля предлагал ему снять квартиру, желательно однокомнатную и новую. И с деньгами готов был помочь – прикупить холодильник, телевизор, мебель кое-какую... Первое время, пока у Версты нет заработка, пока он гнёт спину над составлением сборника своих стихов для книжного издательства, где Булат Абдуллович включил его в темплан года, Буля брался нести расходы по оплате жилья, но Верста наотрез отказался. Гордый не гордый, но к тому времени он подружился с литконсультантом Союза писателей республики и каким-то там у них, в творческом сообществе, выборным деятелем, прозаиком Айратом Машинистским, короче – Машинистом. Машинист писал на русском, консультировал, естественно, русскоязычных авторов, хотя был по происхождению далеко не русским. Язык и чувство стиля ему даны были, казалось, как-то сами собою, как бесплатное приложение, как случайная дань его среднестатистической городской сущности. Сам же он говаривал, что добился того, чего добился, исключительно задницей, то есть непрерывным трудом и упорством. Фамилия? Дело путаное. Иногда подшофе «признавался», что происходит из польских татар. Кого только нет в нашем городском вареве!

СП располагался в бывшем доме фабриканта Михаила Оконишниковца – высоком старинном особняке за самой красивой в городе кованой решёткой с коваными на ней в оные годы висячи-

ми корзинами роз. Корзины те давно сорвали и сдали в металлолом, тем не менее, ограда не потеряла своего величественного вида. По другую сторону ворот, с неистребимым вензелем «МО», – тоже царских времён домина, только деревянный и одноэтажный. В одно время дом тот арендовал у СП какой-то подозрительный коммерческий банк. После небольшого пожара банк съехал, и шустрый Машинист вселил туда своего нового друга и – официально – молодого (в Союзе писателей понятие это бесконечно растяжимое, исчисляемое не годами жизни, а годами творчества) поэта Бориса Версту. В доме сохранялся устойчивый дух пожарища, но Верста, осмотрев помещение и поведив своим чутким носом, сказал: нормально, жить можно.

Дом хитрой такой постройкой – снаружи он является взору одноэтажным зданием, а внутри превращается в двухэтажное сооружение. Обуглились стены первого этажа, подгорела лестница на второй этаж, но языки пламени до верхних комнат по существу не дотянулись. Они и наружу не вырвались. Так что, деревянная постройка рядом с писательским особняком оставалась после пожара невостребованной, в то же время снаружи не цепляла взгляд различных блюстителей городского порядка, вдобавок в лице Версты получила бесплатного сторожа.

Верста разместился на втором, не погоревшем этаже. Машинист помог ему обустроиться. Откуда-то они притащили в новую обитель странствующего поэта деревянную кровать, письменный стол, тумбочку, табурет – всё подержанное, а вот два стула – совершенно новые, обтянутые кожей. Электрик писательского союза провёл на второй этаж свет – и на потолок, и к письменному столу; привинтил к стене вешалку с полочкой для головных уборов. На днях Буля побывал у Версты, осмотрел его новое жильё, познакомился с Машинистом. Я-то хорошо его знал, потому как участвовал в художественном оформлении журнала, в котором он одно время работал.

Литконсультант произвёл на него самое благоприятное впечатление. Небольшого роста, со спокойным, несуетным взглядом тёмно-карих глаз на серьёзном, правильных черт лице, он написал на память Буле по просьбе Версты книгу своих повестей. На вид писателю было лет тридцать пять. Всем своим обликом, манерой говорить, умением внимательно, не перебивая, слушать собеседника, он внушал доверие к себе. Это, по всему виду, был человек основательный, но далеко не распахнутый ко всем встречным-поперечным. Чувствовалось, что Верста подобрал особый ключик, раз тот принялся с таким усердием помогать новому, без роду, без племени автору, каких у него была сотня. Оказывается, уже на второй день знакомства литконсультант представил Версту председателю творческого союза, его заместителям и потом стал знакомить со всеми заходившими к нему друзьями-писателями. Благодарный Верста за душевными разговорами с утра до вечера не вылезал из кабинета Машиниста. О чём они могли говорить столько? Но главное – не пили. Это Буле тоже пришлось по душе.

А вот новое жилище-пепелище Версты Буле не понравилось. Особенно устойчивый запах гари. Но Буля всё равно сказал несколько добрых слов:

– Ничего, уютно, можно заниматься своим писательским делом. – И отшутился: – Если шею не сломаешь на погоревшей лестнице.

Лестница и в правду была шаткой, по существу без двух сгоревших ступенек – ладно хоть в разных местах, а то не перешагнуть было бы прореху. К тому же на первом этаже, а стало быть и на лестнице, не было света.

Буля пригласил новосёла и его покровителя-благотворителя пообедать в близлежащий ресторанчик. Друзья с радостью приняли приглашение.

Разглядывая необъятного формата меню, Буля спросил:

– Что будем пить?

– Машинист ответил, поправив гал-

стук, завязанный французским узелком наискосок:

– Томатный сок.

Это Буля в душе одобрил.

К тому же литконсультант оказался большим любителем хоккея, даже сам играл в детстве за спортивный клуб второго дивизиона «Металлист», по возрастному разряду, как тогда называлось, мальчишек. Мечтал хоккеистом стать, но что-то у него с профессиональным хоккеем не заладилось, и он остался любителем, на подхвате заводских команд города. Ещё там, в новом жилище Версты, он сказал, что с особой симпатией наблюдал за игрой 17-го номера «Белых Волков», а после, когда Булатов переквалифицировался в журналисты, стал следить за его публикациями.

– Вы, Равиль Булатович, удивляли меня на хоккейном льду, но своими материалами на газетных полосах просто ошеломили.

За ресторанным столиком он продолжил:

– Ваши две последние статьи – это же настоящее руководство к перестройке всего хоккейного хозяйства. Здесь и теория игры, и актуальная практика, с живыми примерами, видением перспектив... Впору вам сборную страны возглавить. А что! Вон бразильский журналист Салданья в своё время критиковал-критиковал национальную команду по футболу, его взяли да и назначили её главным тренером. И что думаете? Под его руководством жёлто-голубые понесли всех подряд по кочкам, бесконечная беспроектная серия пошла у них. Почему, скажете, бесконечная? А потому, что проиграть он так ни разу не успел. Высокопоставленные завистники возмутились: что же это такое, в конце-то концов, какой-то дилетант, выскочка непомерный дискредитирует нас с головы до ног? Копали-копали под него и свалили-таки рулевого сборной с поста. Но факт остаётся фактом: журналист Салданья доказал, что вначале всё-таки было слово.

– История известная, – отозвался Буля.

– Да что тренером, – разошёлся Машинист, – вы своё и игроком ещё не откатали. Я вот, например, вижу вас играющим тренером. Точно! Вам надо возвращаться в хоккей. И обязательно в свою родную команду. Что-то у них не то. Коньки не катят, шайба не летит. Вот при Дрозде – это было да-а. Его надо вернуть главным, а вы будете играющим тренером. Идея! А журналистика подождёт, никуда не денется.

Помалкивавший Верста возразил:

– Конечно, вы можете сказать, что я в хоккее и вообще в спорте ничего не смыслю, но на четвёртом десятке лет, как мальчишка, сломя голову носиться по катку в погоне за кругляшом из каучука не дело, друзья мои, не дело. И потом, Айрат, ты вот писатель, публицист, понимаешь, какая это ценность владеть словом, а ведь Булатыч им овладел, и сам же предлагаешь ему теперь добровольно похерить в себе этот редкостный дар.

– Но он и замечательный хоккеист и ещё не исчерпал себя на льду. Лемье вот вернулся после длительного перерыва, выкатился на лёд и показал хваленным энхазловцам и всему честному миру, почём фунт лиха. Кстати, дорогой Борис Николаевич, шайба в хоккее давно уже не каучуковая.

– Какая разница! – раздражённо пробурчал Верста. – Булатыч всю жизнь тянулся к слову, а ты отталкиваешь. Не понимаю тебя.

– Я плову по течению, – смиренно покачал головой Буля.

– Течение себе надо выбирать, – парировал Машинист и, завидев какого-то своего знакомого, призывно махнул ему рукой.

К Машинисту подошёл молодой человек лет двадцати пяти. В свитере, джинсах, в потоках ниспадающих каштановых волос. Они обменялись рукопожатиями:

– Какими судьбами, абзый?

– А ты как тут, Ромаша? – в свою очередь спросил Машинист.

– Я же теперь главный редактор

журнала «Ресторация». Вот обхожу своих подопечных.

– Присаживайся к нам.

– С удовольствием.

После того, как Машинист бегло, но с почтением представил своих сотрапезников, он кратко, но лестно охарактеризовал молодого незнакомца, которого звали Романом Хабировым и который заказал услужливой официантке бокал красного итальянского вина и гроздь винограда.

Когда-то молодой Рома Хабиров работал под началом Машиниста в одном литературно-художественном журнале. Запускали в жизнь они его вместе. Но в данный момент больше скажем о Ромашке, как его называет Машинист.

Закончив государственный университет, он умудрился не получить полного образования, но знает и применяет в деле какие-то такие вещи, которые никто не знает. Откуда вычитал, где подслушал?! Поэт и прозаик Рома Хабиров не состоит членом в союзе профессиональных писателей, не имеет ни одной своей увидевшей свет книги, но в литературных и околосредствотурных кругах его хорошо знают. Его публикации в разных газетах и журналах брызжут шумно и искромётно, как взбаламученное полусладкое шампанское, которое он так же, как вино, обожает. Его своеобразное, не знающее правил и стандартов письмо впечатляет невооружённый глаз самого тупого редактора СМИ или чиновника министерства печати, или как там оно теперь называется. Раньше в секторе печати обкома КПСС работал всего один человек, озиравший своим строгим оком все газеты и журналы республики, знавший журналистов по именам и отчествам, следивший за творческим ростом наиболее талантливых, смягчавший жёсткие удары с и с т е м ы того времени. Теперь, когда средствам массовой информации дана, вроде бы, полная свобода, такая заоблачная надстройка, с такими штатами насела на бедных журналистов, хоть в управдо-

мы переквалифицируйся! И каждый новый мундир в этом невероятно раздутом мыльном пузыре самоутверждается, придумывая новые и новые формы отчётности подведомственным изданиям, и каждый новый чиновник всё меньше смыслит в журналистике.

Но мы отвлеклись, кажется.

Ромашка – опять двадцать пять в нашем околотке! – наполовину итальянец. По крайней мере, в одном из своих скандальных повестей (а они у него все на грани фола), опубликованном в местном альманахе, он открыто заявил об этом, а может, и сфантазировал. Признание заключалось в том, что якобы один заезжий итальянец влюбился в его маму (правда, в не совсем нетрезвом состоянии) и после их единственной встречи под луною на нашем богатом флорой городском ландшафте, естественно, через девять единиц исчисления времени, равных одной двенадцатой части года, он и появился на свет божий. Исключительная талантливость Ромашки подтверждает происхождение от смешанного брака, вернее, межнационального соития; пристрастие его к красному и, когда водятся деньги в кармане, исключительно итальянскому вину, также свидетельствуют о том, что один из предков его и в самом деле выходец с Апеннинского полуострова; густой, чёрный волосяной покров на груди, который частенько показывается в треугольнике расстёгнутой под воротничком рубахи (галстуков он не носит), не оставляет сомнения: в жилах его бродит горячая средиземноморская кровь; а имя Роман, то есть Рома, которым наградила его мама, понятное дело, дано в честь итальянской столицы, вечного города Рима. Вот такой экзотический фрукт подсел к Булиному столику по приглашению Машиниста.

– А что это вы поститесь? – спросил Рома-Ромашка у Машиниста, подразаумевая отсутствие на столе горячительных напитков. – Или очередной понедельник – очередная новая жизнь?

Машинист легонько ткнул его под стол: не болтай лишнего, мол.

На свете существует два типа пьющих творческих людей, прямо скажем, алкоголиков. Первый тип всю жизнь пьёт и всю жизнь божится и надеется окончательно и бесповоротно завязать, второй тип пьёт идейно, считая, что без этого дела ни туда, ни сюда. Машинист относится к первому типу. Ярким представителем второго типа является Ромашка.

Не уразумев крытое под столом замечание старшего своего товарища, он подобрал под себя ноги и переспросил насчёт выпивки:

– Чего это вы себе-то не заказали?

– А мы завязали, – глухим монашеским голосом отозвался Верста.

– Совсем?

– Совсем.

Роман пригубил тёмного сурика бокал и афористично высказался:

– Бросать можно, завязывать нельзя.

– Не догоняю, – заинтересованно прищурился Верста.

– Что ж тут догонять-то? Бросить это дело – ещё туда-сюда. Бросил – поднял. А вот завязать, что значит насовсем распрощаться, – это ни в коем разе. Вредно, господа, и для здоровья, и для творческой потенции. – Он опять пригубил вина, точнее, отхлебнул уже, кинул вслед виноградинку на закуску, продолжив тему, где он, чувствуется, был на своём коньке. – Сколько поучительных примеров на свете! Пьют творцы – творят, лучшие свои вещи выдают нагора, завяжут – всё, тишина, выдавливают из себя жалкие поделки. – Он назвал несколько известных фамилий поэтов, музыкантов, сотворивших шедевры свои в первый, запойный период своей жизни, а во второй, трезвый, – сдвухшихся, ставших писать какие-то правильные – политически, стилистически, идейно выдержанные – банальности. – Я не говорю о спортсменах. – Он взглянул на Булю. – Там всё на физике построено. Керосинить будешь – быстро ноги протянешь. Хотя знаю одного «волка»... Пиво каждый день дует, а периодически и кое-чем покрепче пробавляется. И ничего.

– Кто это? – наивно поинтересовался Машинист. Роман только рукой махнул:

– Ладно, имена-фамилии тут не имеют значения.

Его перебил тяжёлым вздохом Верста:

– Это точно. На сухую ни еда не идёт, ни творчество...

– Ни любовь, – продолжил ряд молодой повеса. Буля смотрел на него и не понимал – играет он, куражится или излагает своё подлинное видение жизни. Тем временем Ромаша и анекдот на алкогольную тему рассказал. И Буля вспомнил, что читал его. Вспомнил этот анекдот, вкраплённый в повесть, которую прочёл то ли в журнале каком, то ли в альманахе... Повесть оставила двойное впечатление. С одной стороны, полная обнажённость, правда-матка, с другой... Но разве надо обо всём писать, не всё же является предметом литературы, есть же какие-то пределы, хотя классик сказал: нет запретных тем в искусстве.

Выслушав Ромашу, Буля спросил:

– А что, Роман, покушать-то не показал себе? – Он произнёс это, подумав, может, молодой писатель в средствах ограничен, так он заплатил бы за общий стол. Роман ответил:

– Я вообще не кушаю. Так, раз в день поковыряюсь из-под палки жены или матери.

Машинист подтвердил:

– Да, вот так будет сосать вино и не надо ему больше ничего.

– Человек ведь все свои витамины и калории до двадцати пяти лет получает, а дальше не в коня корм, даже молоко не рекомендуется...

– А вино-водочные изделия? – поинтересовался Верста.

– А вино-водочную продукцию не только можно, но и необходимо потреблять. Но не злоупотреблять.

– Но мы ведь без этого не можем, – возразил Верста. – Без злоупотребления-то.

– Злоупотребление не отменяет употребления. – Роман внимательно посмотрел на Версту и спросил:

– Борис Николаевич, вы обмолвились, что принадлежите к творческой профессии...

– Не к профессии, а к нации... Я принадлежу к творческой нации, – уточнил Верста, отметив про себя цепкость памяти молодого человека – и имя-отчество, смотри-ка, ты, запомнил, когда их с Булей представлял Машинист, и сущность в общем-то кратких фраз мимо ушей не пропустил. Его сухую трезвую душу это смягчило, и он добавил, улыбнувшись одними глазами: – Да, я человек творческой нации и гражданства республики слова.

– А партии?

– Партии поэтов, – не моргнув глазом Верста.

– Во как!..

Буля подтвердил:

– Недавно Борис сдал в издательство новую свою поэтическую рукопись, и она скоро увидит свет. Уже сейчас у неё прекрасные отзывы, и кое-кто из знатоков её ждёт – не дожждётся.

Роман смерил взглядом дыблящую шевелюру нового знакомого и опорожнил бокал. – Интересно... Думаю, встретимся ещё, раздок у нас общий друг есть, обязательно встретимся. – Он вытащил из кармана-пистончика джинсовой куртки «жёлтые мембрасы», по всему виду, старинные, крышка которых с мелодичным серебряным журчанием откинулась, взглянул, деловито выгнув бровь, на циферблат:

– Ну, мне пора.

Машинист, однако, придержал его:

– Скажи, Ромаша, где ты сейчас?

– Здесь, с тобой за столиком ресторана «Золотая наливка».

– Понятно. Я имею в виду, где работаешь?

– Я же сказал, в журнале «Ресторация». Как-нибудь занесу тебе пару номеров. Хотя давай интервью с тобой сделаю. Ты ведь и по европейским ресторанам хорошо прошёлся, где даже сырое мясо едал под названием «Мясо по-татарски», и голодал два десятка дней ради спортивного интереса. А вы не знаете об этих его героических днях?

– обратился он к Буле с Верстой. – Воду одну пил, минеральную, на десять килограммов похудел, его родная тёща не узнала, когда они случайно на вокзале встретились, представляете себе!

– Серьёзно? – устремил Верста восторженный взгляд на своего нового друга.

Машинист неопределённо pokrивил рот и опять обратился к своему Ромашке:

– А как же «Бумеранг»? Ты же только полгода назад запустил его и очень доволен был.

– Болото! Дурацкий журнал, дебилный коллектив, самодур хозяин... В общем, ушёл оттуда. – Роман опять засобирался. – Ну, я полетел, увидимся. – Он поочерёдно, начиная со старшего по возрасту Версты, пожал всем «краба» и направился к стойке-бару. – Машенька, сколько с меня по счёту?

– Что вы, Роман Рафаэльевич, какие счета? После вашей публикации посетители наши удвоились. А вон шеф идёт. Здравствуйте, Денис Александрович, а у нас гости!

Шеф, белокурый молодой человек, почти юноша, приобнял Романа Рафаэльевича и повёл его куда-то в своё зазеркалье со словами:

– По бокальчику твоей любимой тосканы!

Верста взял виноградную кисточку, оставшуюся от идейного любителя абсента (именно так, только во множественном числе – «Любители абсента» – называлась репродукция с картины Сезанна, висевшая когда-то у меня в мастерской. На нём изображены были два ушедших в себя старца с бокалами красного вина в руках. О чём они задумались, откинувшись на спинки плетёных кресел? О молодости, о прожитой жизни своей? Бог знает. Но эта вещь многих впечатлила, и название её стало в нашем кругу нарицательным). Взял виноградную кисточку, оторвал янтарную бусинку и произнёс задумчиво:

– Интересный парень.

– Да, – подтвердил Машинист, – интересный и одарённый. Но какой-то

не собранный, не сконцентрированный на чётко обозначенной цели. Надо, извините меня, в одну точку срать, а не веером разбрызгивать свой талант. Мы ведь с ним вместе бок о бок несколько лет подряд строки гнали в одной редакции. Любо-дорого вспомнить. А теперь он работу через каждые два месяца меняет...

– Значит, слаженно гнали, значит, понимали друг друга, – просветил Верста. – А теперь вот парню не везёт. Ему повезло вначале, он подумал, что так всю дорогу будет. Ан нет, жизнь не Невский проспект и не ваш мощёный гладким камнем Брод. – Он пожевал виноградинку и добавил: – А может, и совсем другое. Может, меняет работу, а себе не изменяет.

Поэтами рождаются

Тем, то ли февральским, то ли мартовским, вечером, когда мы с Булей сидели у меня в мастерской, Верста у себя в прокопчённом особняке вычитывал рукопись нового романа Машиниста, точнее, первого романа, до этого у него были только повести и рассказы. Рукопись ещё и половины задуманного не составляла, но автору было интересно узнать мнение о ней своего новоиспечённого друга, тёртого в литературе калача, крепкого, но не оценённого по достоинству писаки. Тот охотно согласился «позлословить» над текстом. После двух совместных вечеров читки, Машинист поверил в Версту-редактора, как порой недоверчиво-подозрительный пациент начинает всецело верить себя, по его разумению, всевышним ниспосланному доктору или знахарю, или шаману... Замечания Версты были точны, а варианты правки толковы. Машинист, высунув кончик языка, с удовольствием окрылял текст не водившимися в его словарном запасе эпитетами, фразами, вычёркивая неведомо каким образом вкравшиеся штампы, кан-

целяризм и прочий непотребный для прозы мусор. На третий вечер Машинист окончательно вошёл в раж, готов был в душной каморе рассвет встречать, зато Верста уже после двух десятков минут читки стал чертыхаться, выказывать усталость и недовольство оплошностями автора в тексте. Реплики его с каждой новой страницей окрашивались всё более едкими красками, он всё чаще откидывался на спинку стула, запуская сочинителя в рукопись для исправлений. Тот старательно исправлял, удивляясь:

– Как я мог допустить такое?

На что Верста отвечал:

– Ничего удивительного, это закон природы: в чужом тексте соринку видишь, в своей бревна не заметишь.

Изредка Машинист возражал, пытался спорить, чем только больше раздражал строгого редактора, пока не понял, что пора прерваться. Было часов восемь вечера. Член писательского союза обречённо зачихнул перо, взял куртку:

– Пойду к чаю что-нибудь куплю.

Верста благодушно согласился, зачадил своей вонючей полусигаретой и, когда тот уже спускался по прорежённым ступеням обугленной местами лестницы, кинул вслед:

– Может, чекушку хоть возьмёшь?

– Захотел! – выплеснул зло Машинист в отместку за своё профессиональное унижение. Однако с каждым шагом по направлению к магазину недовольство собой, Верстой и долбанной рукописью таяло и таяло, а зайдя в «кибетку» (кибет – магазин, значит), вообще испарилось. Подумаешь, классик нашёлся, и поправить его нельзя! Это про себя. Но можно же корректно – это уже о Версте – без язвы, тихо, мирно, продуктивно. Когда же подошёл к прилавку, то окончательно понял, что без бутылки не обойтись, просто нельзя без неё. Всё-таки услуга Версты неоценима. А на неуравновешенные его замечания, которые появились скорей всего от спринтерской гонки, не надо обращать внимания, верней, не надо гнать. Тише едешь... И с остановками. Как

сейчас. А что касается уговора не уговора, скорее, просто обоюдного желания как можно дольше воздерживаться от спиртного, то разговеться немножко-то уж можно. Снять усталость и напряжение, так сказать.

Машинист не стал мелочиться какими-то чекушками-четвертинками, взял нормальную пол-литровую бутылку водки, дорогую, «Золотой корень» называется, недавнего производства-выпуска, с добавлением родиолы розовой – золотого корня, в простонародье. На закуску – селёдки, ветчины, сухой картошки, пару банок маринованных огурчиков с помидорчиками, соку яблочного, а также, и в самом деле, к чаю каких-то кренделей, конфет, халвы, хлеба, естественно, и сигарет.

Покровитель, оказавшийся вдруг школяром, уверенным шагом поднялся обратно по полной тёмных неожиданностей лестнице в «кабинет» своего нежданно-негаданного наставника. Кто думал, что перекаати-поле, по сути дела бродяга бездомный, окажется ценным редактором, тонко чувствующим зарождающуюся ткань прозаического организма! Показал ему ради любопытства кусок текста, начало романа, и пошло-поехало... Думал набело написал, комар носу не подточит, а оказалось, таково навалил, хоть лопатой выгребай.

Верста деловито, точно эксперт-дегустатор, рассмотрел «Золотой корень», взболтал мелко-мелко пузырящуюся жидкость. В его большой руке бутылка показалась как раз той самой маленькой четвертинкой, какую он и заказывал.

– Был я на Тянь-Шане, – резюмировал он, – собирал этот корень. И настаивал. Только у меня корешок, мелко нарубленный, на доньшке бутылки натурально виден был. А тут чисто, прозрачно и ни крошки. И потом моя настойка желтоватой становилась...

– Где только ты не был, дорогой, чем только не занимался! – прервал Машинист размышления Версты. – Хлеб давай нарежай.

Верста взял буханку, достал свой

перочинный нож, засопел. Он всегда как-то так сопел – и когда читал, и когда водил пером по бумаге, и вообще когда занимал себя каким-то движением. Разделавшись с буханкой, ветчиной, селедкой, он лишил девственности главного украшения стола – длинношеею, широкобедрую, хрустально-застенчивую красавицу, без эмоций, буднично, точно каждый вечер доставляли к нему таких целомудренных, настоянных на высокогорных корнях гостюшек.

Машинист давно с Верстой не выпивал. Остерегался... Да и сам Верста по всему своему виду не горел желанием. Первоначально только, когда познакомились, пару раз посидели. А как же иначе! Прямо в кабинете Машиниста. Выпивка в творческом союзе осуждалась, но не возбранялась. После Машинисту с Верстой как-то и без этого дела стало интересно. У Версты в жизни было столько приключений, столько интересных встреч, что литконсультант забывал о своей работе и слушал, слушал... Даже к себе домой в гости на своём драндулете возил. Но больше не пили. Машинист ведь тоже склонен к этому самому, но он с этим самым в себе старался бороться. Он по большому счёту мечтал о трезвой жизни, о трезвом друге. И трезвые дни с Верстой для него были золотыми, точнее, ясными, плодотворными, мечтательными, плавно и доверительно перешедшими в совместную читку сокровенного и только-только нарождающегося. Такое не всякому доверишь. Но вот накатила неизбежная усталость, и пришлось сделать в благостном пути вынужденную остановку. Как тут не вспомнить идейного Ромашку, который считал, что периоды, этапы и даже какие-то отрезки жизненного пути надо орошать, увлажнять, очищать от пыли и всяческих выхлопных газов, которые угнетают нежное сердце человека всегда и всюду.

Для Версты же Машинист, как и Буля, был очередным счастливым пристанищем, был одной из многочисленных тихих пристаней, надёжным дебар-

кадером на долгом и извилистом течении жизни. Даже – беге, в котором, казалось, он находил смысл жизни. И он старался не останавливаться. А уж останавливаясь, не задерживаться. Нигде и ни с кем. А тут притормозил малость. Ему с некоторых пор стало везти на хороших, отзывчивых людей. Он научился безошибочно, как собака, разнюхивать их в плотном строю сволочей и доверчиво тыкаться в них мордой. И хорошие, отзывчивые люди откликались на его угрюмый, бесприютный поиск, обнажали свои, оказывается, не менее сиротливые души, видя в нём человека с большой и непростой судьбой, которая, несмотря ни на что, не смогла поломать его. И они были правы.

Говорят, солдатами не рождаются, солдатами становятся. Поэтами, как ни банально, то же самое. Но вот поэт Борис Верста родился поэтом. Просто он сперва не знал этого. И окружающие не знали. Но в одно прекрасное утро он, когда был ещё отроком, вдруг ощутил в себе растущую и распирающую грудь волну. Необъяснимую и светлую. Он хотел выплеснуть её, высказать, но не смог. Он не нашёл соответствующих слов, которыми можно было бы то чувство из себя вычерпать. Тогда он стал всюду искать их. Убегал в глухой, заросший лопухами угол яблоневого сада, нырял в траву и, прижимаясь к земле, ждал, когда она подскажет ему, как разродить себя нужными и красивыми словами, такими, как медовые яблочки на яблонях. Он ещё не понимал, что у красивой яблони есть свои корни, а у него таких нет. Отец, потомственный кузбассовец, забойщик в шахте «Восточная», всегда хмурый, постоянно усталый и всем вокруг недовольный. Добрая, тёплая, но загнанная мать, в девичестве Тихвина, – то штукатур, то маляр в робе, с потрескавшимися руками и больными, отчего-то стынущими ногами. Старшая сестра, рано выскочившая замуж, круглосуточно озабочена плаксами-двойняшками и мужем-алкоголиком. С кем поделиться?

Кому излить переполненную душу? Разве что стригам, вольно чертящим в небе свои непредсказуемые зигзаги, или невидимым кузнечикам, пиликающим восторженные, бесконечные этюды? И мальчик суеверно прижимал худенькое тельце к доброй, тёплой земле, щедро дарящей людям всю необозримую и несказанную красоту свою.

Однажды, углубляясь в сад по извилистой, твёрдой тропинке, которой он в беге (можно сказать, в полёте) касался лишь кончиками пальцев босых ног, мальчик звонко запел, пытаясь дать естественный ток накопившемуся в груди. Немного полегчало. В другой раз он решил повторить упражнение, но облегчения уже не получилось. И день вроде бы выдался такой же безоблачный, солнечный, и голос звенел не хуже прежнего, да только вот то ли песню соответствующую подобрать не смог, то ли вообще у всех песен слова были не те, не выражали того, что хотел бы выкричать из себя отрок. В результате он ещё раз убедился: душу облегчить можно только особыми словами, которые на дороге не валяются, их, как грибы в лесу, надо искать, а потом особым образом складывать, готовить, подавать... У него появились карандаш и чистая ученическая тетрадка в клеточку, куда он стал заносить особые слова, по особому их в клеточках выстраивая.

Надо сказать, эту сторону его жизни не замечали ни отец, ни даже мать с сестрой. По природе своей Борис был тихим, спокойным мальчиком и произрастал как-то сам по себе, как лопух в богом забытом уголке сада на окраине города Кемерова. После восьмилетки отец отдал его в профтехучилище, где готовили бульдозеристов и по совместительству ещё на кого-то родственного по профессии обучали. Юноша был покладист характером и отца не ослушался. Нет, всё-таки это не совсем верно. Он был покладист внешней стороной характера, а внутренне... Сами понимаете, особые слова по-особому выстраивать в своей тетради в клеточку он не перестал. Но на бульдозериста

выучился. Отец ему за это подарил свой перочинный нож – с двумя, большим и маленьким, лезвиями, штопором, шилом... Подарок понравился, и ножичек постоянно оставался с новым хозяином, то чинил карандаши, то стругал палочки, а то просто оттягивал карман штанов.

Вскоре, на своей первой работе, в машинном парке, ему доверили под личную ответственность не первой свежести технику – бульдозер, который в ремонте простаивал больше, чем работал. Но парень старался. На машинном дворе его можно было видеть в спецовке, чумазого и с неизменным гаечным ключом в руке. Из-под кепки густая шевелюра, глаза ясные, как майское небо, эх, молодо-зелено, садись любой на холку, прокачу! Работа руками отвлекала его голову от поиска особых слов, что временами даже радовало его. Много позже он услышит фразу: русский писатель любит, когда ему мешают... И согласится с ней.

Как-то по наряду отправили его на другой край города – избушку с землёй сровнять, а то вот торчит на пути ново-строящейся столбовой дороги. Приехал, пофыркал сизыми, вонючими газами для разгону, глядь, а в низком, тёмном окошечке лицо светлое промелькнуло. Не перепутался ли адресом, подумал бульдозерист Верстов, вылезая из кабины своей тяжёлой техники. В этот момент в проёме калитки возникла Анна Снегина в белом в мелкий горошек платье. «Когда-то у той вон калитки...» Одной рукой она придерживала овсяную прядку волос у виска, другой – горошек на подоле.

Её и в самом деле звали Анна. Только фамилия была почему-то Сафина. Потом выяснилось: настоящее её имя – Аниса (с ударением на последнем слоге). Она была татаркой, что в сибирских краях не редкость. Да, Аниса... Но здесь её привыкли звать на русский манер Анной. Она не противилась, раз так удобней. По сложившейся инерции и Верстову представила своё имя так же. Волосы белёсо-жёлтые, глаза свет-

ло-серые – Анна и есть Анна. Много ли поэту надо? Не Есенину, понятно, а этому, нашему, будущему.

Он слушал её, не мигая, пожалуй, даже не дыша. О чём она говорила? Только со второго пересказа понял – дом сносить нельзя. Она с мамой ещё живёт в нём, и жизнь её зависит оттого, сколько они тут продержатся. Не жизнь, конечно, зависела от стойкости дочки-матери, а метраж новой квартиры, которую они должны были получить взамен. Но бульдозерист, или здесь уместнее сказать «поэт» Верстов, понял всё так, как надо. Он развернул свой танк на сто восемьдесят градусов и погнал его обратно в машинный парк. На следующий день был скандал. На снос послали другую машину. Но Верстов на своей оказался у Аниного дома раньше и у самой калитки со стороны улицы преградил подступ к объекту сноса. Баррикада получилась непроходимая, одним словом, железная. Благодарные Анна с матерью, Нуриёй Закиевной, кормили защитника свежими огурцами и помидорами с огорода. Кто-то вызвал милицию. Она прибыла только на второй день пополудни. Верстова сняли с его родного бульдозера и отправили куда следует. Домой он вернулся через пятнадцать суток, заглянув сперва на объект. Его уже не было. С раскатанного хлама бывшего дома ленивый ветер сдувал столетнюю пыль и шевелил разбросанную то там, то тут несчастную ветошь. Где теперь Анна с матерью?

Верстова окончательно освободили от починенного им и запущенного в ход бульдозера и перевели на ремонтные работы. Но это не удручало его, он так же деловито, с гаечным ключом в руке, вышагивал по машинному двору, тот же упрямый чуб из-под кепки, те же ясные, как майское небо, глаза на чумазом лице. Кручинило парня другое. Запала в его сердце светлоликая Аниса, для него – Анна. Как она так пропала из его жизни, только возникнув, куда переехала с мамашей? Не в другом же городе ей квартиру дали? Справиться, как по-

ложено, в жилищно-коммунальных службах города ума не хватило, и он пошёл планомерно обходить новозаселённые дома, которых в то время в городе было раз-два и обчёлся. Подходил к одной из задышавших жизнью панелек или кирпичных пятиэтажек, садился на лавочку у подъезда или, при наличии детской площадки, устраивался укромненько под каким-нибудь цветастым грибочком и принимался наблюдать за входящими-выходящими жильцами нового дома, за редкими грузовиками, привозившими новосёлов с их скарбом. Машин таких он видел мало потому, что днём работал, а вечерами уж люди в свои новые жилища, как правило, не заезжали. Оставались выходные дни. Да, если по правде сказать, эти гружённые барахлом грузовики и не нужны были Верстову. Анна-то ведь с матерью, оставив свой разрушенный дом, или давно, когда он ещё отбывал пятнадцать суток, переехали, или вовсе уехали. На вторую неделю Верстов пыл стал потихонечку слабеть. На «дежурства» свои в будни он ходил уже не каждый день.

В конце недели его послали навесить приболевшего бригадира, и в подъезде девятиэтажного кирпичного дома, тоже, кстати, нового, но у которого Верстов ещё не дежурил, он вдруг нос к носу столкнулся с недавней защитницей отчего дома, которую отчаянно полюбил с первого взгляда «у той вон калитки», не пожалев ни себя, ни свой бульдозер. Как он обрадовался ей! Да и она была взволнована встречей не меньше. Анна положила свою лёгкую руку ему на грудь и спросила:

– Ты куда пропал?

– Я не пропал, это ты исчезла.

– А нам квартиру дали! – засияв глазами, оповестила о радостном событии в своей жизни Анна. – В этом вот доме.

Верстов разглядывал её, как драгоценную редкость, потому что образ нового и теперь очень важного в его жизни человека уже расплывался в памяти. Он вбирал её взглядом, чтобы запомнить навсегда. Она смушалась и

улыбалась в ответ, точно отвечая: больше уж теперь не потеряемся.

Квартира располагалась на первом этаже. Двухкомнатная, со всеми удобствами. Так-то, не даром, значит, воевали! На стене мерно тикали часы, на подоконнике цвела герань, обливаемая щедрым солнечным светом. Впечатление, будто жизнь тут уравновешенно текла уже немало лет.

– Хорошо, сторона солнечная! – выражал своё удовлетворение Верстов, тут же приглашённый посмотреть новое жильё, за которое и ему пришлось повоевать. Хозяйшки угостили его чаем с татарской сладостью – чак-чаком. Он тянул горячий чай в летний жаркий день в квартире на солнечной стороне, и душа его блаженно отогревалась, так крепко она у него озябла за два десятка дней тоски по утерянной было Анне. И вот она нашлась и сразу пригласила к себе в гости. Верстов уж и позабыл, зачем пришёл в этот дом. Её серые, чистые глаза, полные благодарной памяти и ещё чего-то нового и сердечного, перестали смущаться и без стеснения всматривались в него. Ладно, чистую рубаху надел, собираясь к больному бригадиру. Верстов засуетился, вспомнив о цели посещения этого дома, и поспешил со своими гостинцами, собранными всей бригадой, на седьмой этаж по записанному на сложенном вчетверо листочке адресу.

Пробыл у больного бригадира недолго. Справился о здоровье (Верстов так и не понял, чем же больной болел), поведаль кратенько о делах в машинном парке и, выслушав наставления, сбегал вниз по лестнице, толкнул дверь из прохлады подъезда в жаркий полдень... А там, на лавочке у двери, под своим окном с геранью, сидит одиёшенько Анна.

– Ты чего тут? – как-то даже не совсем вежливо спросил Верстов.

Она ничуть не смутилась. Те же тёплые лучи в серых глазах, то же любопытство во взгляде:

– Тебя жду.

Верстов в тот день больше на рабо-

ту не пошёл, они с Анной, словно заранее сговорившись, зашли на базар, купили грузный, звонкий арбуз и поехали с ним на весёлую речку Томь.

– А ножик-то резать у тебя есть? – спохватилась в дороге Анна.

– Как же без ножа! – ответствовал восемнадцатилетний мужчина. – Вот он, всегда при мне.

Когда Верстов это говорил, он ещё не был в полном смысле слова мужчиной. Стал он им двумя часами позже, в тот самый погожий, жаркий день, на правом, пологом берегу Томи, после того, как два юных нетерпеливых существа на прибрежной шелковистой лужайке, окаймлённой густым кустарником, взрезали красный-красный, сладкий-сладкий арбуз и утопили жажду, которая вспыхнула у них одновременно.

А дальше было так.

У Верстова умерла мать. Это произошло полгода спустя после памятного июньского дня на берегу родной сибирской реки, ставшего поворотным в судьбе Бориса Верстова. На другой день того солнечного июня была суббота, и было также жарко, но его влюблённые провели уже дома, в новой, солнечной квартире Анны, оставшейся на хозяйстве с отбытием её матери на поезде в недалёкий городок Барзас. Она уехала к сестре, упавшей в подпол и сломавшей ногу, и счастливая юность на две недели устроила себе несанкционированный, но от этого не менее сладкий медовый месяц.

К тому времени мать Верстова давно уже болела. У неё немели ноги. Вечерами она садилась на табурет, опускала бледные конечности в тазик с горячей, приправленной горчицей водой, пытаясь согреть их и сделать чувствительными. Отца болезнь жены раздражала, ему казалось, она притворяется, так как не видел ни опухоли, ни красноты, ни увечности – ничего, что можно было глазами разглядеть и поверить в хворобу. «Ну, мёрзнут и мёрзнут, – говорил он и просвещал: – От этого не

умирают». Сын верил матери и жалел её. Всё-таки ближе неё у Верстова никого не было. То, что не показывал ей свои стихи, объяснимо: что она в них, человек малообразованный, могла смыслить? Будущий поэт уже в те годы понимал: мастера может судить только мастер. А восхищения, лестные отзывы от матушки или других близких людей – это всё, с его стороны, тщеславные поборы, а с их – вежливая дань. И он тайл свои тетради с особыми словами, выстроенными в особые ряды, в укромном месте. Конечно, покажи их или прочти, они бы ей все без исключения понравились. Да и, не показывая, а только назвав выборочно, просто рассказав о них, она бы всё равно одобрила нерукотворный труд сына, заочно похвалила бы, потому что очень любила своего запоздалого сыночка. И дочку любила, но её волновало то, что дочь непрестанно задирала братишку, родившегося на девять лет позже неё, терзала беспричинно. И им, отцу-матери, доставалось. Дочь прилюдно вопрошала: зачем на старости лет надо было

рожать проблему себе на шею? Мало их в семье, проблем-то? Особенно, когда выпьет, заводилась. У неё в гостях-то стало невыносимо бывать. После второй рюмки начинала до отца «чумазого» докапываться, после третьей – до матери-«симулянтки», тормозящей всю хозяйственную жизнь семьи... Такое происходило всегда, когда на днях рождения или других каких праздниках родители отсутствовали, что происходило со временем всё чаще и чаще. После четвёртой она принималась за лунатика Борчёнка, отсутствие или присутствие которого значения не имело. Как только не изощрялась, придумывая всё новые и новые обидные прозвища, кроме Борчёнка, – Бочун, Борый, Богдыхан... – в зависимости от ситуации. А в детстве, было такое, и обидную дразнилку сочинила:

**Борька-Борис
на базаре прокис.
Снёс морковку на базар...
На базаре не берут,
Борьку за уши дерут.**

И вариант покороче:

**Борька-Борис
на ниточке повис.
Ниточка трещит,
Боречка пищит.**

По-своему талантливой была. Только не туда она свои способности направляла.

Повзрослев, Верстов перестал к ней ходить. Он не был злопамятным, а был, скорей, добропамятным, то есть лучше помнил доброе и к тому же большей частью – отвлечённое и бесполезное. Вообще, память его была невероятной, не в целом, повторяю, а когда дело касалось частных, мелочей. Она у него была избирательной, неправдоподобно острой при совпадении каких-то глубоко личных, подспудных интересов с внешними.

Удивительно, но Верстов помнил себя ещё в чреве матери и был убеждён, что должен в конце концов в её уютную тьму вернуться. Тьма ему нравилась больше света. Во тьме он видел больше и краше чёткой на свету действительности. Сказочными и мечтательными были его ночные видения, которые брали начало ещё в бархатной материнской темноте. Тогда у него и это, самое в человеке главное, зародилось, что мы называем кратким и затасканным в наше время словом «любовь». Это была самая первая любовь – к матери. Позже, на другом этапе жизни, когда он был ещё и не подростком, а опёрышем жалким, но всё равно уже человеком, ощутил другое чувство к ней, любопытствующее и неизвестное. Помнится, она простыла где-то, и соседка (в то время они в коммунальной усадьбе обитали), сердобольная баба Зоря, лепила на обнажённую до голубых рейтуз спину распластавшейся на кушетке матери медицинские банки. Маленький Верстов стоял рядом, смотрел, как баба Зоря после банок растирает вазелином спину полунагой родительницы, и непонятное возбуждение накатило на него. Это первое мужское семя зашевелилось в нём. Таким обра-

зом, мать не только родила его на свет божий, но и породила в нём мужской инстинкт, который будет потом управлять Верстовым всю жизнь, двигать его любовью и поэзией, выбирать пути-дороги того движения.

А пока он наяву вкушал то, что снилось ему крошечными ночами и томиительно предчувствовалось с отрочества, вернее сказать, не вкушал, а, напротив, выпускал из себя – распирившую его долгие годы своенравную, беспокойную волну. Как ни разверзнут был он душой перед Анной, но и она не узнала о его заветных тетрадах и не услышала ни фразы оттуда, потому как он твёрдо знал и не уставал повторять: мастера судить может только мастер. Этот вычитанный принцип Верстов застолбил в себе и ещё по весне выслал две заполненные чёрным бисером тетради в саму Москву, в единственный в мире литературный институт на творческий конкурс, о котором узнал из библиотечной газеты. (В библиотеку мальчик восьми лет записался. Сперва в детско-юношескую, затем в центральную, областную. Читал много, жадно и, как выяснилось, не совсем бестолково.) И стал ждать ответа, шарил в почтовом ящике, бегал на узел связи, но Москва молчала. Юноша беспокоился, томился сомнениями. И сдался ему этот институт, будто на поэта, как на бульдозериста, выучиться можно! Консерватории, художественные академии – совсем другое дело. Там певцу голос ставят, там живописцу дают школу. А стихосложение было обязательным предметом ещё в гимназиях царских времён. Гимназист обязан был ямб от хоря отличать и матушке своей на именины тем или иным поэтическим размером послание в стихах собственного сочинения преподнести в дар. Но это же не говорило о том, что все гимназисты становились поэтами. Больше Верстов стихов своих никогда и никому не посылал – ни в редакции журналов, ни в издательства, ни мастерам каким именитым для оценки или продвижения.

С Анной они в ту свою первоначаль-

ную пору познания друг друга и освождения от неуёмной юношеской волны в груди были неразлучны. По сути, он жил у неё. Нурия-апа (с некоторых пор он стал её так называть) не возражала. Она, вообще сказать, давно не главенствовала в семье. Теперь ведь дети командуют в семьях. Да и по душе ей пришёлся скромный, малоразговорчивый русский паренёк с чистыми голубыми глазами. Он появлялся в квартире с гостинцами и, когда случай выпадал, она принимала их и целовала его в щёку поближе к губам. Анна лукаво улыбалась, глядя на проворную мать свою. (Она, подобно Верстову, была поздним ребёнком её и погибшего под завалом в шахте горняка Сафина.) Невзирая на былые невзгоды и немалые лета, Нурия-апа держалась прямо и каждым своим шагом одобряла выбор дочери. Самой счастья в замужней жизни не перепало, так пусть хоть ей повежёт, плоть от плоти почечке родимой, вовремя лопнувшей и зацветшей новой зеленью.

У Анны Верстову было хорошо. Ходил на работу, спозаранок заезжал к матери, которая из-за болезни ног работу оставила и почти не выходила из дому. Недалеко от девятиэтажки сохранилась колонка с ледяной в любой летний день, вкусной, подземной водой. И по утрам перед работой Верстов набирал её в пятилитровую пластиковую канистру и завозил перед работой к матери, успевая с ней и чашку чая выпить. Отца дома не бывало, дочь жила у мужа. Мать долго отпирала двери, садилась на кухне в свой уголок у стола и смотрела, как сын приготавливает чай, ухаживает за ней. Взгляд у неё был уже не быстрый и заботливый, как прежде, а какой-то укрощённый, протяжный и извиняющийся. Ей было не по себе. Всегда живая и неугомонная, она стеснялась своего недвижимого состояния, сидела молча, осунувшаяся, бледная, исподлобья, как провинившийся ребёнок, поглядывая на сына.

Отца дома застать можно было всё реже. Он и так почти круглосуточно на

работе пропадал, а теперь и редкие свободные часы умудрялся тратить на каких-то друзей, на какие-то, по его словам, важные встречи. Осенью Верстов вернулся домой, к матери. Он уже не мог оставлять её одну, даже когда отец ночевал дома. К ноябрю она и по дому перестала передвигаться, и Верстов помогал ей. Что врачи-доктора? Они не могли поставить верного диагноза. У Верстова был друг-однокурсник Иван Тараканов, у которого отец работал заведующим хирургическим отделением областной больницы. Так ещё задолго до этого последнего злосчастного года Тараканов-старший клал её на две недели к себе в отделение на обследование, приглашал коллег других медицинских профилей, но тогда болезнь была не столь очевидна, и врачи отпустили пациентку домой с богом и предположением, что у неё не то атеросклероз, не то анемия, в просторечии – малокровие. Верстов привёз её домой, купил бутылку кагора и стал небольшими дозами поить её, приговаривая: «Вино согреет твою кровь. Не зря её попы пьют». Он поставил свой диагноз: «За всю жизнь ты и бокала вина, наверно, не выпила, вот и результат. Баба Зоря вон пила всю жизнь и, как молодуха, бегаёт, а на десять лет старше тебя».

Кагор не помог. А в больницу она больше не хотела. Лучше дома помру, говорила.

В конце октября к ней приезжала дочь, и они сильно поссорились. Верней, не поссорились, дочь за что-то резко и громко выговаривала безропотной матери. Верстов то выходил из квартиры в магазин за хлебом, молоком, то заходил и ничего толком не понимал, хотя, что было понимать, сестра оригинальностью не отличалась, крутила всю ту же свою заезженную пластинку, заведённую много лет назад, о непутёвости родной мамыши и всей её семьи.

В ноябре обезноженную мать вынесли из дому на носилках к «скорой помощи» и увезли в ту же больницу. Тараканов-старший поместил её в двухмес-

тную палату. Со вторым койко-местом для сиделки. Сиделкой у больной матери стал Верстов. Он взял отпуск за свой счёт и на три долгие недели подписал себя на жизнь, которую не мог себе представить и в самом своём прозорливом сне. Когда заходил на первое дежурство в палату с высокой металлической, с разными рычажками и пружинами, кроватью матери и маленькой коечкой рядом, у окна с белыми шторами, то не предполагал, что окончательно выйдет отсюда только через два десятка бесконечно долгих и горьких суток. Также не мог представить восемнадцатилетний Верстов себя самого в больничной палате, раз за разом зрело справляющимся с выпавшими на его долю испытаниями, будто всю жизнь до этого сознательно и на практике готовился в профессиональные медбратья. У него даже были некоторые свои приёмы по этой линии. Когда больная уже не могла ни до туалета добраться, ни уткой воспользоваться, Верстов прилеплял ей, лежащей, литровую банку в промежность, и удивлённая и благодарная мать справляла свою нелёгкую в её положении нужду. А эти уколы, после которых её начинало трясти, как в какой-то дикой лихорадке! Его самого вместе с ней трясло. Но всё равно он находил в себе силы, успокаивал свою родную и единственную, метался между ординаторской и палатой, взбегал в кабинет Тараканова-старшего... Врачи старались, как могли. Но неумолимо надвигающаяся неизбежность была сильнее. Мать чувствовала приближение конца, боролась по-своему, ничего не требуя от сына, не раскисая и не капризничая, как это бывает с подобного рода больными, только глаза её были по-прежнему извиняющимися за свою болезнь и тяготы, которые она причинила напоследок любимому сыну.

Передачи в больницу носили отец и Анна. Отец договорился с бабой Зорей, и та подменяла на некоторое время Верстова, чтобы тот глотнул свежего воздуха, пришёл немного в себя. Через

пару таких увольнительных Верстов понял, что в себя он на воле не приходит, что ему там делается только хуже. Рядом с матерью он был на своём единственно верном месте, тут, в палате, он что-то делал – то спокойно и методично, то лихорадочно и сумбурно, но в больнице он по-настоящему жил, через край жил, не мучаясь в стороне со вестью и неведением о происходящем с матерью без него в крошечном одиночестве. Ведь в первый вечер Верстов сбежал из больницы, смалодушничал. Ему казалось, мать и одна переночует, зачем он ей там ночью нужен? Пойдёт утром, передачу понесёт. Но, поверочившись в бессоннице, Верстов осознал, что не он ей, а опять-таки она ему необходима, больная и немощная, и он не дотерпит в своей тёплой, беззаботной постели до утра. Какая передача, какие продукты утром в магазине? Отговорка несчастная! Она давно уже толком не ест ничего. Заполночь Верстов вылетел из дому и пошагал на проспект, где можно было поймать такси или попутку. Это было важным, а может быть даже, поворотным моментом в его жизни – мать продолжала делать из него человека, мужчину.

В больнице они много разговаривали, вспоминали. Мать при всём своём крайне тяжёлом положении не теряла ясности сознания. А припоминалось только доброе и хорошее, что подкрепляло их сущую на земле, совсем недавно полнокровную жизнь. Память воскресила дедушку с бабушкой, тихих, милых стариков, с ясными, доверчивыми глазами. Бабушка души не чаяла во внуке, дедушка отдавал предпочтение своего натруженного сердца внучке, а сестричка, уже большая, не очень-то старалась отвечать дряхлеющему деду взаимностью, и маленькому Верстову пирогов и ласк перепало в обилии. Борис любил ходить с матерью к ним в гости. Однажды тёплой летней ночью они возвращались домой, шли мимо кинотеатра и решили зайти на последний сеанс. А был уже одиннадцатый час ночи. Фильм назывался «Хмурое

утро» – один из трилогии по роману А.Толстого «Хождение по мукам» (эти подробности Верстов, понятное дело, позже узнал). Мальчишке кино понравилось – красивые офицеры, стрельба, война... Домой в полночь вернулись. Потом ещё с бабушкиными гостинцами чай пили, обсуждали увиденное. Из таких ярких пятен, как экран с фильмом в людном тёмном кинозале, складывается жизнь. Жизнь – это не только то, что ты живёшь сейчас, что осталось тебе прожить, но и то, что ты прожил, обернул в память. Память – это самая настоящая живая жизнь, не абстрактная, не отдельная от настоящего и будущего. В ней можно купаться, быть счастливым, в неё можно возвращаться и возвращаться. Такой жизнью мать с сыном жили последние три недели её жизни. Даже когда она уже не могла говорить, в реанимации, глаза её ясные говорили, что она всё знает, понимает, помнит и благодарна и просит очень уж не печалиться по ней потом.

«Потом» наступило ровно через три проведённых в больнице недели, под первое декабрьское утро. За многое корил себя Верстов. Но главное за то, что не привёл к матери в больницу сестру. Так и не простились они воочию. Мать старалась не показывать сыну своего угнетения из-за не шедшей к ней на последнее свидание дочери, но он видел это угнетённое состояние в печальных глазах уходящего навсегда самого родного человека. Однако негодования к сестре и своей гордыни всё равно побороть не смог – не поехал к ней и не позвонил, чтобы та забыла обиды и навестила умирающую мать. Отец в палате, у койки жены, бывал, сживал, но не подолгу. Анну с матерью Верстов по своим каким-то внутренним соображениям так и не познакомил, потому-то заочная невестка и добиралась только до приёмного покоя, до окошечка для передач...

Со смертью матери что-то оборвалось в душе Верстова. Хоть и обещал ей, что всё нормально будет. Какой там! Особые слова – смысл и воздух всей

жизни – перестали поступать в него, а случайные, невесты откуда взявшиеся не складывались в особом порядке, и девятая тетрадь заветная, начатая жаркой, летней порой, в безутешном ноябре, а затем и зимой, и весной... осталась нетронутая. Пустота и тошнотворность заменили вдохновенную волну в груди поэта. Остановившийся путник уже не путник, не пишущий поэт – не поэт. Но обратную сторону луны никто в Кемерове не видел. Поэтическая сторона жизни Верстова была неизвестна и потому потусторонние проблемы молодого человека никого не огорчали и не касались.

Что же Анна? Когда она ни сном, ни духом не ведала о словесных пристрастиях Верстова, то о сердечной страсти его прекрасно знала – на себе испытала. Любовь и кашель не утаишь. Да, это была не просто страсть, а самая настоящая любовь. Первая в жизни, безбрежная, как Томь в половодье. Но вот со смертью родительницы всё в любимом изменилось. Его, как льдом, сковало. Куда девались летняя пылкость, напористость, куда пропали удивительно красивые слова и невероятное красноречие в устах – пускай и героического, но – бульдозериста? Любовь его окрылила, подняла, сделала, можно сказать, поэтом. Все же влюблённые немного поэты. Это она понимала. Непонятно ей было другое: как это он так сразу остыл к ней, ещё вчера боготворимой? Будто родительница служила ему какой-то подпитывающей батареей. Не может же быть, чтобы смерть матери повлияла на его сердечную тягу, на его Всевышним данное и природой принятое главное человеческое чувство. А может быть, она, любовь-то его к ней, была не первой? Имеет ли значение, первая не первая? Безусловно, имеет, убеждена была Анна, всё первое в жизни человека наполнено особой чувствительностью и значимостью – от поцелуя до полёта в космос, последующее – повтор, тираж, притупление вкуса. И она знала, что у него с ней на берегу Томи было впервые, – по его неумелости, го-

рячности, наивности и многим другим проявлениям, по которым женщине как дважды два ясно, кто перед ней – донжуан или девственник. О себе она в данном ключе не размышляла. Что размышлять-то, о себе и так всё известно.

Она всячески старалась успокоить Верстова в его гнетущем, бессловесном горе, вернуть на землю к прежней жизни и к себе. Она как-то у себя, сидя на кровати, когда матери не было дома, притянула его к груди и, небывалое дело, сказала:

– Поиграем!

Иносказательно, от неизжитой любви и отчаяния, видать, сказала, вкладывая в это слово совсем не тот смысл, ненароком окрасив произносимое в лёгкий, возможно, даже легкомысленный цвет.

– В любовь я не умею играть, – ответил Верстов прямолинейно и понуро отстранился. Для него отношения с Анной не были игрой. А со смертью матери игрой стать и подавно не могли. Многозначности и противоречивости одного и того же слова в различных случаях речи будущий литератор не придал значения.

Горе не разбило Верстова, не заставило отчаянно скорбеть – он и слезинки на людях не проронил, – а странным образом сделало его ко всему вокруг себя равнодушным и безучастным. Всё то, что было ему чрезвычайно интересно и любопытно, перестало интересовать напрочь. Удивление от всего мало-мальски необычного, необъяснимый восторг на рассвете каждого нового дня – ясного ли, пасмурного – какая разница! – сменилось серым глубоким безразличием. Ничего-то он уж не принимал сердцем, не пытался сохранить в памяти, записать в тетрадочке, осмыслить. И серая муть эта с удалением от безвозвратно случившегося не рассеивалась в нём, напротив, сгущалась, и ему начинало казаться, что избыть её в себе он не сможет уж никогда.

Он и сам сознавал свой ненормальный характер поведения. Особенно по отношению к Анне. Несправедливое и

неожиданное равнодушие к ней убивало обоих. Но он ничего не мог поделать с собой. Нельзя сказать, что Верстов не старался исправить ситуацию. Он приходил к ней вечером после работы с неизменными гостинцами и намерением всё исправить, остаться у неё ночевать, а то и насовсем, чтобы зажить, как минувшим летом, счастливо и бесконечно. Она встречала его, заранее приоткрыв дверь, поправляя одной рукой овсяную прядку волос у виска, другой – сменяя узоры на подоле отутюженного платья. Нурия Закиевна (да, он опять стал называть её почему-то по имени и отчеству) находила причину и оставляла детей одних, в святой уверенности, что прежние отношения у них обязательно восстановятся. Она очень переживала. Но что могла сделать бедная женщина, кроме любимых Верстовым перемячей – круглых мясных пирожков с глазком-дырочкой посередине – на ужин и того, чтобы вернуться домой поздно ночью или только наутро?

Но сперва они все вместе ужинали. Анна доставала из закровов квартиры медовой настойки в стеклянной колбе старинной выдувки. Не торопясь, выпивали по стаканчику вприкуску с солнечным чак-чаком. Потом Нурия Закиевна, в белом переднике и белой косынке, завязанной на татарский манер узелком на затылке, роняла дверцу духовки и извлекала из огнедышащего зева румяные перемячи...

В один из таких вечеров Анна – здесь всё-таки уместнее сказать «Аниса» – даже спела раз на родном своём языке:

**Ак калфакның каралган чагы,
туганнарның таралган чагы...**

Что-то о белом, но потемневшем от какой-то напасти головном уборе татарских красавиц. Нурия Закиевна в ответ упрекнула дочь:

– Что ты, кызым (дочка, значит), печальные песни поёшь?

Верстово сердце в семейном уюте дочери-матери смягчалось и начинало

казаться, что он выздоравливает. Он и сам поддавался этой иллюзии, пока пенсионерка Нурия Закиевна не вздрагивала от боя настенных часов ввечеру и не удалялась по «срочным делам», и они с Анной не оставались вдвоём с глазу на глаз. Наедине с ней, которую совсем недавно, по его же словам, мог разом проглотить от избытка любви и сердечного голода, он вдруг, точнее, постепенно, минута за минутой сникал, становился вялым, в конце концов, будто даже какой-то испуг брал его за живое, и он, придумав убедительную причину, с бесчисленными извинениями уносил ноги. Ни медовуха, ни уговоры не действовали. Он вылетал из подъезда в морозную, колкую декабрьскими звёздами ночь, бежал под яркой с большими женскими глазами луной мимо колонки с подземной вкусной водою, которая ему была больше не нужна.

Он возвращался домой, к отцу, пребывавшему после похорон в неестественно возбуждённом для себя состоянии. Причина возбуждённости его и активной деловитости недолго оставалась загадочной. Через две декабрьские недели он объявил сыну о намерении опять жениться – на некоей Анжеле Кондратьевне, проживавшей одиноко в многолюдном бараке недалеко от вокзала. Верстову стало понятно его предательское отношение к своей больной жене в последний год её жизни.

– Приспичило, что ли! – сказал в ответ Верстов.

– Нет, почему? – замымлил отец. – Мёртвых с того света не вернёшь, а живым надо жить дальше.

– Живи, как тебе угодно, но только через сорок дней.

О большем сроке приличия говорить не приходилось. Верстов знал, для отца всякие условности – пустой звук, поступит, как задумал. Но до сороковин тот всё-таки ходил помалкивал, обуздав свой нетерпеливый нрав, и на поминки денег от сердца на складчину оторвал и вёл себя на них пристойно.

Спустя время, Верстов-младший будет истово желать и даже неумело

молиться тому, чтобы матушка его, раба божья Верстова, в девичестве Тихвина, являлась к нему во сне почаще, потому как сны у него были реалистичными, правдоподобными, без чудин и загадочных метаморфоз, та же самая натуральная жизнь, только параллельная. Но мать под пологом ночи опускалась к сыну редко. В первый раз он увидел её, как живую, точь-в-точь на сороковой день под утро. Они вышли с ней из старого своего, окружённого яблоневым садом дома на мощённую тёсаным, жёлтым камнем дорогу. Стояла ранняя осень. Красивая сильная женщина и маленький мальчик шли под солнцем и паутиной бабьего лета, и она всё пыталась повязать ему поверх лёгкой курточки шарф, а он смеялся и отнекивался: тепло же! Потом она остановилась с шарфом в протянутых руках, а он пошёл дальше, не оглядываясь, вдоль жёлтой дороги в сторону туманной полоски горизонта. И шёл-шёл, почему-то уже большой, взрослый, мимо домов, городов, мимо разных людей, безостановочно долго, пока не проснулся.

В конце января из Москвы пришло письмо. В нём сообщалось, что Верстов выдержал творческий конкурс в литинститут и вызывается теперь на экзамены, которые должны состояться в июне и к которым надо серьёзно подготовиться. Он сначала и не понял, что это за депеша – какой конкурс, какие экзамены? Так всё перегорело в нём с прошлой весны, когда он понёс на почту свои голубенькие тетрадки с вложенными в них мечтами и надеждами. Письмо было подписано ректором института, энергичную подпись его покрывала синяя, серьёзная печать. Верстов не стал дожидаться весны. В конце января собрал нехитрые пожитки и, согласно купленному билету, отправился на железнодорожный вокзал, не сказав ничего ни отцу, ни его Анжеле Кондратьевне, которая уже прописалась в их квартире, ни сестре, ни Анне с её матерью. На работе лишь, увольняясь, обмолвился, что уезжает в другой город, да ещё

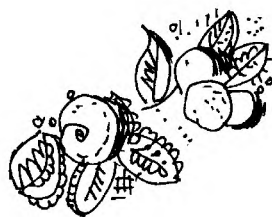
с дружкой Таракановым и его отцом попрощался.

С Анной у них сохранялись отношения, которые можно было назвать выжидательными. Она понимала его состояние после смерти матери (слыхала, такое бывает), верила в любовь, временно поправленную судьбой, и при встречах с ним не торопила время. Он тоже отдавал себе отчёт, что так нельзя, что она любит его, но сердце плыло по упрямому течению, и он никак не мог выгрести из него.

Откуда она узнала о его отъезде? Он

уже сидел в вагоне, глядел безразлично в окно и вдруг в дверях главного здания вокзала увидел её, как тогда, «у той вон калитки», с той лишь разницей, что между ними теперь стояла зима. Кружил лёгкий снег. Аннушка его была совсем близко, в каких-то десяти шагах от него. Она поправляла овсяную прядь волос, выбившуюся из-под белой кроличьей шапки, и взгляд её серых глаз лихорадочно бегал по вагонам. Она знала его время, но не знала его места. Он откинулся на сидении, чтобы отвести глаза, и через минуту поезд тронулся.

Рисовал А.Сайфутдинов

ПОЭЗИЯ

Тазинур Мурайт

Из норвежской тетради

Страна бесконечного дня

Здесь край света гладил я руками,
Здесь земли последняя граница.
Сосны здесь разламывают камни.
Тяжко на камнях укорениться.

Ивы здесь иначе смотрят в воды,
Занимается заря иначе.
Сном полярным скованные фьорды
Будят альбатросы криком-плачем.

Берегов кисейные плетенья
Пенной оторочены водою.
Выстуженной выбеленной тенью
Горы надвигаются грядюю.

Родился (1959)
в деревне
Большой
Сардык
Кукморского
района.
Окончил
Казанский
государственный
университет.
Автор десятка
книг стихов.
Лауреат
Республиканской
премии
им. М.Джалиля
и премии Союза
писателей РТ
им. Г.Исхаки.
Делегат
Всемирного
конгресса
писателей
в Норвегии
(2004) от
Татарского
ПЕН-центра

Лошадей полярных гурт пасётся –
Порезвей борей бег олений...
Ассолом, страна ночного солнца,
Родина несчётных поколений

Моряков,
По звёздам курс похода
Пролагавших,
Страны открывавших.
На корабль варяжский так похожи
Контурь границы на карте вашей.

Проторили путь своим потомкам
Викинги, морские пехлеваны,
Чтоб смогли, «навьючивши котомки»,
Выйти в океаны караваны.

Здесь сурова красота природы...
Край земли... здесь был он, есть и будет.
От полярной долгой спячки фьорды
Криком-плачем альбатросы будят.

Дырявые монеты

Я решил на радость нумизматам
Про монеты написать куплеты.
Гацивал у викингов – издревле там
С дыркой в центре мелкие монеты.

«Бублики» и нынче тоже лепят.
Что на крону купишь... ломтик хлеба?
Но сквозь дырку посмотри на небо –
Солнца золотой алтын – ослепнешь!

Верят викинги в одну примету,
Познакомился в гостях я с нею:
Будет счастлив зрящий сквозь монету!
Верят...
Вера...
Вот что всех важнее.

Веры нам, похоже, не хватило
Для счастливой жизни на планете...
Хочешь разглядеть своё светило?
Минимум – имей глазок в монете.

Вера нам нужна...
И пусть порою
Жизнь солёным пряником обманет,
Но на счастье (свой секрет открою)
Грош дырявый я ношу в кармане.

Куда нам двигаться?

*Земля наша велика и обильна,
а порядка в ней нет...*

Из письма славянских послов варягам,
написанного в IX веке

Когда страна твоя построена чужими,
Когда и царь, и бог заимствован, другой,
А от бывшего сохранилось только имя,
Тогда и ты в родной стране – чужой, изгой.

Страна богатая у нас, мол...
Как же, как же...
Нас от самих себя давно пора спасти.
Пока хозяином в стране не станет каждый,
Мы будем вынуждены на поклон идти.

Стократ прочнее мир, построенный тобою,
Каким «о кей!» заморский не казался бы.
В стране бесхозной мы живём чужой судьбою,
Мы – не народ,
Мы – население – рабы.

Забор воздвигни, дом построй, сам себе плотник,
Пусть в очаге твоём не гаснет уголёк.
Смотри, учись, как на камнях в краю бесплодном
Трудом упорным создан райский уголок.

А ведь в Норвегии-то не всегда был праздник,
Она познала и позор, и нищету.
И если вдуматься, то меньше их... гораздо,
Чем нас, татар, там каждый викинг на счету.

Но не числом, как говорится, а умением
Чудесный край на лютном севере возник.
А мы имеем на сегодня, что имеем –
Страна мельчает, словно в засуху родник.

Не силой мышц куётся счастье, силой мысли,
А наши мысли, видно, прихватил мороз.
Куда нам двигаться – вперёд ли, вглубь ли, ввысь ли?
Страна большая, да народ-то в ней поврозь.

В стране огромной суета сует мирская,
Просуетимся год и два, и сотню лет.
И вроде, космос покорён и дно морское,
Но вот хозяина...
Как не было, так нет.

Мясо по-татарски

Гараю Рахиму

46

Полномочными послами были, помнишь,
На ПЕН-съезде всепланетном ты и я.
Пусть в родных краях мы пасынки всего лишь,
Под всемирным Небом мы – одна семья.

Собирались вокруг стола,
Ощувив объяття дружеских стихий.
На фуршетах там под звоны хрусталя
Не вино лилось рекою, а стихи.

Хоть татарской речи прежде не слышали здесь,
Но на Западе татары на слуху.
Мясо по-татарски...
На второе взяли есть,
А на первое – норвежскую уху.

На краю земли,
Представить даже страшно, где,
Мы с тобою запросто сидим –
О таком и не мечталось нам с младых ногтей –
По-татарски мясо с вилочки едим.

Лишнего себе здесь не позволишь.
Обрели себя среди полярных льдин.
Пусть в родных краях мы пасынки всего лишь,
Мать-земля одна,
Мир – на всех один.

Крик

Ахату Мушинскому

Нет, мой друг...
 Сотни раз
 Я повторю. Не в силах
 Мы свою судьбу менять,
 Свыше Небесами
 Предначертанную...
 Нам, напрягая жилы,
 Век стонать, стенать, кричать...
 Век...
 До смерти самой.

Слышишь,
 Как кричит душа, что малец в купели?..
 Ствол берёзы восковой в бурю стонет-гнётся...
 По-над Волгой бурлаки песню недопели...
 Слово каждое в конце криком обернётся.

Грома окрик...
 Голос горних музык...
 Потрепала буря-жизнь нас с тобой в путину...
 Эдвард Мунк.
 Истошный «Крик».
 Одинокий узник.
 Стонет мост, кричат цвета на картине этой.

Шатёр

В молчанье погружён пока шатёр,
Мелодия печаль в себе хранит.
Не в силах правоверный меч, остёр,
Перерубить судьбы худую нить.

Мечусь в своём невидимом шатре,
Как в чреве материнском эмбрион.
Мой век, треща, гудя, горит в костре...
Сгорев, сумеет повториться он?

Ребёнком несмышлёным я мечусь
В шатре, в утробе матери-степи.
Поёт кубыз – сухой ковылий ус
Заманивает на простор ступить.

Ветра степей, гуляки из гуляк,
Терзают мой шатёр, мой зыбкий храм.
Как перекасти-поле – дунгальяк –
Судьба моя послушна тем ветрам.

Борей её катает и хамсин,
Куда же приведут меня они?
В ответ – безмолвье... некого спросить,
Шатры-курганы высятся одни.

Курганы те навеки погребли
Подковы медноногих скакунов...
Не эти ли подковы берегли
Степной простор от клеветы лгунов?

Возможно, берегут, молитвой став,
Подковы и секрет седой степи?..
Ты в степь упал, слетел с коня, устав,
И боль степи в тебя вошла – терпи!

И нужно, встав, продолжить пеший путь,
Держась следов хозяйского коня.
Навстречу будет хлёткий ветер дуть,
Клубки травы колючей полоня.

В силках степи я певчей птицей бьюсь,
Ветра терзают брошенный шатёр,
Поёт кубыз – седой ковылий ус
Печальной песней манит на простор.

Добрый сын Казани

памятное слово
о Василии Аксёнове

49

Магадан, Питер, Москва, Вашингтон, Биарриц – жирные точки на карте мира, связанные с судьбой дорогого нашего Василия Павловича Аксёнова.

В Магадане – мама, в Питере – учеба, «ожог» оттепели, Москва – место славы и хулы, Вашингтон – приют изгнанника, Биарриц – французская дача великого русского писателя второй половины XX века, дважды гражданина своей родины, которую он любил больше, чем она его.

И все же возьму на себя смелость заявить, что подлинный Дом Аксёнова (с большой буквы!) вечно теперь пребудет в Казани, где он родился, где его надолго разлучили с родителями, где он СТАЛ ЧЕЛОВЕКОМ – в той самой коммуналке на углу Карла Маркса и Хамида Муштари (бывш. Комлева), в которой прожил сиротой десять долгих детских и отроческих лет в семье добрых родственников. Где начал сочинять. Откуда ходил учиться в школу № 19. Впервые услышал джаз и получил из «лендлизовской» посылки синие штаны «чёртовой кожи», которые потом стали именоваться «джинсами». Где «на площади и за рекой» встретил День победы над фашистами.

Он рассказывал мне, что помнит, как в свой собственный день рождения 20 августа 1937 года был отвезен чекистами в приют для детей «врагов народа». Всхлипывая, пятилетний Вася впервые заснул на казенной кровати, прижав к мокрой щеке любимую игрушку, тряпичного львёнка. Утром игрушка исчезла, началось его взрослое время. Мать и отец сидели. Дядя вытащил его из детдома, официально отказавшись для этого от брата и пообещав властям воспитать племянника «настоящим советским человеком». Нищее детство, бормотание в ответ на вопросы одноклассников, что папа и мама в длительной командировке на Севере. Магадан – столица каторжного Колымского края. Школа. Второй арест матери, писательницы Евгении Гинзбург, автора знаменитого «Крутого маршрута». Дело студента-медика Аксёнова в разработке у казанского КГБ.

Смерть Сталина спасла его от тюрьмы, в одно прекрасное утро 1960 года провинциальный врач Василий Павлович Аксёнов, автор романа «Коллеги», напечатанного миллионным тиражом в журнале «Юность», проснулся знаме-

признана «глумящейся над всем тем, что дорого советскому человеку». Никита Хрущёв кричал на него в Кремле: «Что, Аксёнов, мстите нам за своих родителей?». Орган ЦК КПСС – журнал «Крокодил» печатал злобные карикатуры на этого свободно говорящего по-английски знаменитого московского плейбоя, красавца, стилиягу, эрудита, «западника», любителя джаза и баскетбола. Тем не менее его со скрипом, но печатали. Ведь он не был «политиком». И власть в период так называемой разрядки была вынуждена мириться с легальным существованием на своей территории этого явно НЕ СОВЕТСКОГО литератора, переведённого к тому времени на немыслимое количество языков.

До меня уже не раз доносились отголоски подлового слуха, что Аксёнов организовал альманах «Метрополь», где двадцать пять поэтов и писателей собрали свои тексты, которые они не могли опубликовать в СССР, дабы красиво «слинять за бугор». Свидетельствую как на суде: это

враньё, хотя он был несомненным лидером нашего альманаха, вскоре опубликованного в США издательством «Ардис». Вышедший из Союза советских писателей в знак протеста против репрессий, обрушившихся на его менее знаменитых коллег, Аксёнов, отпущенный в 1980 году читать лекции за границей, вскоре был лишён советского гражданства.

«Добрый вечер, **господа**», – подчеркнуто уважительно обращался он по волнам «Голоса Америки» к землякам, ошалевшим от «развитого социализма» и не ведающим, что вскоре весь этот «социализм» накроется медным тазом.

Его русские книги, изданные всё тем

нитым. Роман «Звёздный билет», который прочитала ВСЯ СТРАНА, упрочил его славу, но все попытки партии и правительства приручить молодого казанско-магаданского волка и сделать из него «комсомольского писателя» оказались тщетными.

Любая новая вещь Аксёнова сопровождалась разного масштаба идеологическими скандалами. Сняли с репертуара его смешную и горькую пьесу «Всегда в продаже», на которую ломились зрители. Повесть «Затоваренная бочкотара», чьё трудно переводимое название являлось символом того, что творилось тогда в нашей стране, была

же «Ардисом», нелегально попадали в страну и зачитывались до дыр.

За хранение и распространение романов «Ожог» и «Остров Крым» можно было угодить на Лубянку. Аксёнов рассказывал, что один его читатель поведал автору, как, ожидая обыска и опасаясь выйти с книгой из квартиры, он долго варил «Остров Крым» в огромной кастрюле, и когда кагэбэшники ворвались к нему, то обнаружили вместо крамолы клейстер.

Аксёнов снова появился в Москве только через десять лет. Толпа, встречавшая его в аэропорту Шереметьево была разочарована: кумир их отрочества, юности и зрелости прибыл сюда всего лишь по личному приглашению американского посла в СССР Джека Мэтлока и будет жить в его резиденции. Другого местопребывания изгнаннику добрая его родина тогда предоставить не захотела. До бездарного коммунистического путча-91 оставался почти год.

В последние годы Аксёнов вновь занял своё лидирующее место в современной русской культуре. Трилогия «Московская сага», по которой был снят популярный телевизионный фильм, книги рассказов, сборники публицистики, романы «Новый сладостный стиль», «Кесарево свечение», «Вольтерьянцы и вольтерьянки», «Москва-ква-ква», «Редкие земли» – всё это новый старый Аксёнов. Он стал героем телепередач, на него заглядывались девушки, каждый его новый текст вызывал полемику и споры, его поступки по-прежнему были непредсказуемыми. Он мог, придя на судебное заседание, пожать руку Михаилу Ходорковскому и ужинать с Дмитрием Медведевым на его встрече с писателями. Одни считали его либералом и «западником», другие – консерватором и чуть ли не «почвенником». Но даже люди, которые до сих пор его терпеть не могут, признают, что он является одной из самых ярких звёзд на небе русской литературы минувшего и нынешнего века. Что он – свободный человек, НЕАНГАЖИРОВАННЫЙ писа-

тель, знающий, что книги пишутся не для критиков или начальства, а для Бога и других читателей.

Как-то, во время первого его приезда из вынужденной эмиграции мы шли с ним через Патриаршие пруды, известные всем по книге Булгакова «Мастер и Маргарита». На садовых скамейках, покуривали, развалившись, совсем молодые люди обоёго пола, годившиеся писателю уже не в сыновья, а во внуки.

– Чуваки! Да это же Вася Аксёнов, КРУТОЙ МЭН! – вдруг узнал его кто-то из них.

И они набросились на писателя в чаянии автографов, а один парень с серьгой в ухе за неимением чистого листка бумаги попросил расписаться на его паспорте.

– Паспорт в милиции новый дадут, а вас я когда ещё живьём увижу, – пояснил он.

Нерв творчества Аксёнова – это тоска по цивилизованной, богатой, весёлой, а не традиционно угрюмой, нищей, забитой, изолированной России, желание вырваться из Ада, всепрощение, жажда свободы, покоя, требование вернуть достоинство и стране, и людям её населяющим. Василия Аксёнова в нашей стране читали, читают и будут читать всегда. Так уж получилось.

И низкий мой поклон нынешнему руководству города Казани и республики Татарстан, которые совершили добрый, умный, человеческий поступок, восстановив Дом Аксёнова, создав там новый городской культурный центр.

Как здорово во всех смыслах этого слова, что именно здесь будут проходить теперь встречи, концерты, чтения, осенённые именем этого доброго сына Казани! Ведь уже во время Третьего АКСЁНОВ-ФЕСТА, сразу же после официального открытия Дома Светлана Васильева, Михаил Веллер, Игорь Иртеньев, Александр Кабаков и я провели здесь мастер-классы для своих юных казанских коллег, только-только входящих в литературу. И это только начало.

Городские и республиканские вла-

сти сделали своё дело. Задача друзей, читателей и почитателей Аксёнова – всемерно поддержать их благое начинание. Вдохнуть жизнь в эти старые новые стены. С миру по нитке собрать здесь всё, связанное с Василием Павловичем Аксёновым и его эпохой: рукописи, предметы, письма, документы. Не

знаю, прекрасной или ужасной была его эпоха, но она была. Думаю, что читатели «Казанского альманаха», членом редколлегии которого он был отнюдь не в качестве «свадебного генерала», всегда будут помнить своего земляка и примут посильное участие в его теперь уже посмертной судьбе.

Москва

52

Поздравляем триумфатора!

Лауреатом первой негосударственной Российской премии в области высших достижений литературы и искусства «Премия Триумф» в области литературы за 2009 год стал замечательный писатель, член редакционного совета «Казанского альманаха» Евгений Попов. От всей души поздравляем триумфатора с высокой наградой и желаем ему здоровья и новых свершений во благо отечественной литературы!

*Редакционный совет,
редакционная коллегия «КА»*

Страсти по Аксёнову

Одна, но пламенная страсть – страсть к творчеству, к сочинительству объединяет и героев последнего романа Василия Аксёнова, и поэтов из казанской литературной студии «Белая Ворона». Поэтому книга, которая вышла совсем недавно, накануне третьего «Аксёнов-феста», и вызвала особенный и пристрастный интерес студийцев – и младшего, и старшего поколения.

Во время фестиваля роман разбирали в «Книжном дворе» как горячие пирожки. А начинка-то оказалась непростая! Не зря так кипят страсти в Интернете. Многие читатели, как когда-то после катаевского «Алмазного венца», ломают голову над головоломками, которые им подбросил, уходя в вечность, Василий Павлович. Некоторые персонажи легко узнаваемы: сам автор (Аксён Ваксон), Ян Тушинский (Евгений Евтушенко), Антон Андреотис (Андрей Вознесенский), Нэлла Аххо (Белла Ахмадулина), Влад Вертикалов (Владимир Высоцкий), Кукуш Октава (Булат Окуджава) и другие. А кто, например, боевые подруги наших героев, неотразимые красотки Катя Человекова и Милка Колокольцева? Похоже, любознательные поклонники аксёновской прозы не пришли пока к общему знаменателю. Если, конечно, это не просто собирательные образы, вышедшие из-под пера лукавого сочинителя...

Презентация книги Василия Аксёнова «Таинственная страсть: Роман о шестидесятниках» (Москва, 2009) состоялась на заседании литобъединения КГМУ «Белая Ворона», когда были ещё свежи впечатления от очередного «Аксёнов-феста». Молодые авторы из «Белой Вороны» Альбина Абсаямова, Олеся Бондаревская, Юлия Сандлер, Дина Садыкова, Наталия Иванова, Диана Кинозёрова, пройдя конкурсный отбор, участвовали в мастер-классах московских писателей, друзей В.П. Аксёнова – Евгения Попова, Светланы Васильевой, Игоря Иртенёва и Александра Кабакова. А сейчас перечитывают их книги с

автографами и надеются на то, что в дальнейшем эти встречи не останутся всего лишь яркими эпизодами...

На презентации присутствовала и архитектор, доцент Казанского государственного архитектурно-строительного университета Ирина Аксёнова, которая имеет самое непосредственное отношение к возрождению Дома Аксёнова. Она – автор проекта этого Дома, который в будущем должен стать и музеем, и обителью музыкантов, литераторов, художников; в подвале появится джазовое кафе, а под крышей – небольшая гостиница. Будут проводиться творческие вечера, вернисажи, «литературные посиделки», подобно тем, которые так живописно и любовно описаны Василием Павловичем в романе «Таинственная страсть».

Благодаря Ирине Аксёновой «белые вороны» смогли поближе познакомиться со средой обитания знаменитого земляка в казанский период жизни, загорелись желанием помочь Дому-музею в пополнении его фондов и даже принесли уже первые раритетные книги и пластинки. (Как хотелось бы, чтобы Дом Аксёнова стал настоящим пристанищем творческих людей, как Дом творчества в Коктебеле, которому Василий Павлович посвятил немало страниц в своём романе!) Наверняка у многих казанцев дома и на даче хранятся вещи 30-50-х годов: предметы быта, открытки, пластинки... Директор музея Светлана Беднарская очень рада мемориальным экспонатам – подаркам от сына писателя, Алексея Васильевича: мебели, пишущей машинке «Колибри»; и очень надеется на помощь горожан и всех поклонников творчества В.П. Аксёнова. А портативная эта машинка, кстати, присутствует и в книге «Таинственная страсть», на одной из прижизненных фотографий автора... И кажется, что её клавиатура ещё хранит энергетику великого романиста.

*Наиля Ахунова,
Казань*

Зеница ока

рассказ

54

Бабушка Евдокия, она же Авдотья, она же Баба Дуня, как её звали в коммунальной квартире, родилась в глубинной Рязанщине в 1860 году, в крестьянской семье, то есть до годовалого возраста в записях числилась как крепостная помещиков Лесковых. В вольнокрестьянском сословии возросла, вышла замуж за беспокойного Збайковичева Василия, что слыл «пьющим, драчливым и до чужбинки охочим», и прижила с ним двенадцать чад, из коих зрелых лет достигли четверо.

К 1942 году из этих четверых только одна Аксинья оказалась опорой бабы Дуниной старости в чуждом её крестьянской душе мире, в переполненных эвакуацией Булгарах, большом трамвайном городе на Волге. Дочь Мария с семейством неизвестно как страдали в Донбассе, под игом неприятеля. Младший сын Адриаша в профессорских чинах учительствовал в самой сердцеvine Азии и там хотя бы не унижался голодом. Старший же Павлуша, грянув в прах с большевицкой верхотуры, уж пять лет как полностью не присутствовал, прими его под свой покров, Пресвятая Богородица.

В тот ужасный, тёмный, голодный и дьявольски морозный год, когда все уличные фонари были погашены, а окна плотно занавешены в ожидании авианалётов, старушка упала в свежотрытую траншею и сломала себе шейку бедра. Дальнейшее – двухсторонняя пневмония и сердечная недостаточность. Два дня она умирала на главной

кровати, где в обычное время спала труженица Аксинья со своими собственными двумя малыыми внучатами. Всё разношёрстное семейство, включая и Павлушиных детей, шестнадцатилетнюю дочь и девятилетнего сына, сидело вокруг. Смерть Бабы Дуни открыла для них пучину горя и какую-то дотолё неведомую округу любви.

Прошёл ещё год войны. Вдруг pokazалось, что выжили. Вечно сосущее чувство голода стало отступать по мере проникновения в мизерные пайки коекаких лендлизовских продуктов, в частности яичного порошка и сала лярд. Павлушиному сыну шёл уже одиннадцатый год. Он увлекался Джеком Лондоном, а также выпусками боевика «Тайна профессора Бураго». О судьбе своих родителей, отца Павла и матери Евгении, он ничего не знал. Взрослые говорили ему, что те уехали в долгосрочную командировку на Дальний Север, то есть примкнули к общеизвестным «героям-полярникам». Он догадывался, что от него что-то утаивают, и потому старался не задавать взрослым вопросов о своих родителях. Детство шло в активных играх со сверстниками. Дома соединялись проходными дворами, и пацаны носились по таинственным углам грязного мира, а также по чердакам и крышам, то группируясь во враждующие клики, то распадаясь на одиночек, когда приходила пора погружаться в книги или обмениваться треугольными марками государства Тува. Такая в общем шла обычная па-

цанская жизнь, и только иногда возникало что-то необъяснимое, то щемящее, жалкое, как у заброшенного щенка, то бессмысленно-дерзновенное, как у несущегося в неизвестном направлении бродячего пса. Такое случалось, например, при встречах с соседом по квартире, майором Околовичем. Будучи в полной форме, то есть в кителе и в фуражке с голубым верхом, этот одинокий квартирант проходил через пещерный коридор, ни с кем не здороваясь и вроде даже никого не замечая. Однако при выносе помойного ведра он выглядел не столь формально: галифе приспущены на подтяжках, бритый черепок умеренно пятнист, в свободной руке зажжённая папироса, вторая, про запас, заложена за ухо. Заметив во дворе Павлушиного сына, он нередко провожал его немигающим взглядом.

Однажды, в один из своих читальных периодов, Павлушин сын остался один в семейной комнате. Он сидел на сундуке, прислонившись к ещё тёплой печке, наслаждался неожиданным одиночеством и читал книгу «Водители фрегатов», одолженную у одноклассника Нарцисса Антонова. Вдруг сильная мысль овладела мальчиком. Этот сундук, на котором сейчас сижу, должно быть, мало отличается от корабельного сундука капитана Кука или капитана Дюмон-Дюрвиля. Тётка не зря запрещает туда залезать, не исключено, что там кроется тайна. Там может быть тайна, связанная с родителями-полярниками. Пожалуй, лучше не открывать этого местиллица: тётка может быть огорчена, если откроется такое, чего ему не полагается знать. Соблазн, однако, был велик. Мальчик знал, где тётка прячет ключ от сундука – под клеёнкой в бывшей выгородке Бабы Дуни, где сейчас устроена крохотная кухня. Через несколько секунд он уже снимал замок.

Запах нафталина был так силён, что он даже отпрянул и не в первый момент увидел то, что лежало прямо под крышкой: большую чернубурую лису с серебром и с мордочкой, выделанной

столь тщательно, что она казалась дополнительным украшением, а не частью тела истреблённого зверя. Павлушин сын несколько минут не мог оторвать взгляда от лисы, а тем более взять её в руки. Среди всеобщего убожества увидеть столь красивую и дорогую вещь было бы всё равно, что найти вместо своих перекошенных и вечно «просящих каши» башмаков великолепные ботфорты виконта де Бражелона. И всё-таки это была не совсем незнакомая ему чернубурка. Вдруг выскочило дикое слово *конфискация*, выплыла из памяти дверь, запечатанная сургучом. Он поднял лису на вытянутых руках.захотелось зарыться в неё носом. Сквозь нафталин он уловил дуновение другого запаха, если только миг сладостного счастья может пахнуть. Руки затряслись, лиса упала в сундук. Чтобы усмирить дрожь, он стал перебирать другое содержимое: старое пальто, плюшевую скатерть, статуэтку альпийского пастушка с козочкой; потом вытащил на свет божий потемневший от времени деревянный ларец с резной крышкой.

Этот ларец он видел однажды на коленях у Бабы Дуни. Она сидела в своём закутке и тихонько в нём копошилась. При виде мальчика закрыла крышку и поставила ларец на пол. Он тогда подумал, что старуха прячет в сокровенном хранилище свои крестики и иконки. Открыв ларец сейчас, он увидел лежавшие поверх всего толстые вязаные носки и варежки. Из одной варежки он вытащил страницу школьной тетрадки, на которой синим карандашом было накарябано «для васынке». И носки, и варежки были ему явно велики; значит, она связала их ему на вырост, чтобы не замерзал в будущем.

Следующее открытие осветило и первое, то есть чернубурку. Перед ним лежала большая матовая фотография в паспарту из серого картона. До войны такие выставлялись в витрине главной городской фотомастерской, которую старые люди до сих пор называли «электровелографией Самсонова». На ней изображена была цветущая пара

благополучных людей: чуть повыше Он, в зимнем кепи из каракуля и в пальто с таким же воротником, и Она, чуть пониже, в шляпке и с чернобуркой на плечах, той самой чернобуркой, что сейчас лежала рядом. И тут мальчик с пронзительной ясностью понял, что видит своих родителей, светлоглазого отца и темноглазую маму. Вот так же он видел их, когда они возвращались из Москвы и, не сняв верхней одежды, проходили в детскую. Он просыпался от звонка в дверях, от шума их шагов и весёлых голосов. Потом вся детская заполнялась запахами духов, табака, отцовского автомобиля. Мама брала его на руки, и он неизменно зарывал свой нос в её лису, стараясь всё-таки не попасть в зубастую лисиную мордочку, между тем как отец сваливал в его кровать пакеты и коробки с шелковыми лентами – московские подарки. Прибегали старшие дети, дочь отца и сын матери, начинались прыжки и дикие танцы, всё переносилось в большую комнату, где не было кроватей и где часто крутили патефон. Там были обе домработницы, няня Фима и тетя Агаша, шофёр товарищ Мельников, соседка Фариды, а также весьма почтенная старушка в бархатном жакете, родительница председателя горсовета, которую тогда звали не Бабой Дуней, а Евдокией Власьевной. Мальчик сжимал в руках фотографию и, потрясённый, поднимал локти, словно пытался заслониться от вспышек памяти, от возникавших с удивительной ясностью имён и лиц из той его крохотной, тогда ещё не засургученной, не *конфискованной*, а потом вроде бы стёртой до основания жизни.

Вслед за фотографией явилась небольшая старинная дощечка с изображением юной девы в короне, державшей на руках младенца тоже в короне; он догадался, что это была бабкина икона, которой она шептала по ночам в переполненной спящими телами комнате: «Царица Небесная, Пресвятая Богородица, прости нас и ПОМИЛУЙ, спаси и защити!» Затем он вытащил пачку бумаг, вложенную в свёрнутую и уже

основательно пожелтевшую газету. Это был праздничный выпуск «Красного Поволжья» за июль 1937 года; день Военно-морского флота СССР. Первую полосу украшал большой снимок флагмана, линкора «Марат» с его 16-дюймовыми орудиями; обычно он наслаждался изображениями кораблей, теперь сей водяной чертог его перепугал. Он перевернул газету и на четвёртой полосе, среди второстепенных сообщений, в небольшой заметке вдруг увидел собственную фамилию. Лишь несколько секунд спустя он сообразил, что речь идёт не о нём, а о его отце. «В Доме культуры им. Менжинского завершился судебный процесс по делу группы предателей родины, окопавшейся в горсовете... Главарь преступной банды... Збайковичев... приговорен к смертной казни... Приговор окончательный, обжалованию не подлежит...» Ну, вот и всё, они предатели, их больше нет, теперь осталось лишь влезть в сундук и закрыться крышкой. Тут он увидел, что у него на ладони лежит маленький деревянный кубик. Он хотел было отшвырнуть этот кубик – что ещё может сообщить какой-то кубик после того, что он узнал, что разрушило детские сказки о «героях-полярниках»? Однако любопытство возобладало над отчаянием. В голове почему-то закрутилось слово «карат». Он не очень-то отчётливо представлял себе, что такое «карат», хотя и знал, что это относится к драгоценностям. Может быть, бабка в этом кубике какой-нибудь карат спасла от *конфискации*, от засургучивания?

Открыв крышечку кубика, он увидел внутри не «карат», а глаз. Довольно крупное, в прекрасной сохранности, белое яичко глаза с ярким голубым зрачком смотрело на него со слегка пожелтевшей ватной подушечки. Перехватило дыхание. В животе, как в капкане, задёргалось существо желудка со всеми кишками. Подкосились ноги, и он упал сначала на колени, а потом ничком. Подбородок с диким стуком ударился об пол. Голова померкла. Во мраке, словно медуза в глубинах моря, дро-

жал и светился голубой глаз. Он приближался, увеличивался вплоть до того, что стали видны тончайшие красные ниточки. Закрыв весь обзор, а потом начал быстро удаляться, падать в тёмную пустоту, превращаться в еле видимую голубую звёздочку. Погас.

С тех пор прошло ещё тринадцать лет. В 1956 году за два месяца до Венгерского народного восстания мне исполнилось двадцать четыре года. Я редко вспоминал детство, а когда вспоминал, мне не верилось, что тот «казанский сирота» и я, стильный питерский парень, – это одно и то же существо. Скорее уж чувство некоего родства связывало меня с тем «Павлушиным сыном», родства и неизбежного наследничества, но отнюдь не полная идентичность. Так странно это происходит по ходу жизни, когда реальные страхи переходят в зону снов.

Нужно ли говорить о том, что я был по уши в своих молодых делах, столь далёких от лет военной юдоли, да и вообще от родного города. Питер, в лице своей учащейся молодёжи, живо откликнувшийся на послесталинское пробуждение, бурлил дискуссиями, стычками с «обскурантами» на выставках современной живописи, выходящими из подполья стильными танцами, чтениями в литобъединениях, и я со своими стихами, исполнявшимися под гитару в ритме блюза, был в центре этого бурления. Погода преобладала оттепельная, влажная, кучевые облака шли в устье Невы скорее из Англии, чем из Коми. На Невском проспекте то и дело происходили удивительные, как бы случайные встречи, хотя в нашей компании Невский нередко называли Авеню Встреч. Там как раз я и познакомился с венгерской девушкой Гизеллой, то есть по-нашему Жизелью. Она только что окончила Будапештский университет и приехала в Союз как корреспондентка спортивной газеты. Мы разговаривали с ней на варварской смеси языков, а понимали друг друга в основном при помощи взглядов и прикосновений.

После её отъезда домой я стал замышлять побег в Европу. Можно было – разумеется, с риском угодить в тюрьму – пробраться на польский торговый корабль, достичь Гданьска, а потом с помощью польских ребят, недавно окончивших наш факультет, отправиться в Будапешт. Если бы план удался, я бы скорее всего угадал к самому началу восстания, то есть всё равно угодил бы в тюрьму, ту или другую, или был бы подстрелен то ли шальной, то ли нацеленной пулей. Пока что я никаких боёв не предполагал, а только лишь грезил великолепной антисталинской революцией духа, в которую мы с Жизелью вольёмся, как некие киногерои поколения.

Однажды, ближе уже к осени, пришла телеграмма от тётки Ксении: «Срочно приезжай. Ожидаются важные события». Признаться, мне вовсе не светило остаток лета провести на периферии в ожидании важных событий. Уже не раз тётка меня вызывала подобными телеграммами, я не приезжал, маялся муками совести, события же не происходили, и муки совести рассеивались. Речь шла всякий раз о возможности приезда отца. Тётка не верила, что его нет в живых. За все эти бесконечные годы от него не было ни единой весточки, однако временами доходили какие-то странные слухи, что его видели в лагерях то ли вблизи Сыктывкара, то ли на Таймыре, то ли в Казахстане. Полгода назад тётка решила сделать запрос в краевой прокуратуре, ответа, однако, до сих пор не было.

Мама моя уцелела в лагерях благодаря своей медицинской профессии. Она никогда не исчезала, постоянно присылала мне с Колымы короткие письма, а когда я поступил в Горный институт, оттуда стали приходиться ежемесячные денежные переводы. Однажды, ещё при жизни Сталина, я умудрился на летнюю практику оказаться на Севере Якутии, всего лишь в трёхстах километрах от посёлка, где в ссылке жила мама. Тогда мы и встретились после пятнадцатилетней разлуки. У неё

была другая семья. Вдвоём с мужем, тоже бывшим заключённым, горным инженером, они воспитывали его маленькую дочь, отправленную после смерти её заключённой матери в лагерьный детприёмник. О моём отце мама ничего не знала, хотя и до неё иногда доходили слухи, что он жив. Кто-то в лагерях опровергал сообщение о «высшей мере», кто-то говорил, что «вышка» была заменена пятнадцатю годами, а третий тут же добавлял, что «без права переписки». Увы, мой мальчик, говорила мама, поглаживая меня по волосам, словно маленького, ты же знаешь, что «без права переписки» – это эвфемизм для убийства. Я не знал: так же, как и слово «эвфемизм», – это было для меня открытием.

В этот раз я решил увидеться с тёткой, и вот я у неё. За те несколько лет, что я её не видел, она вроде бы не постарела, только чёлочка засеребрилась. Увидев меня, расцвела васильковой, «збайковичевской» улыбкой. Конечно, подтащила к дверному косяку, чтобы показать зарубки роста. Ну и вымахал ты, Васок! Я давно заметил, что ей всё время хочется прикоснуться ко мне, потрепать, скажем, вихор, но по каким-то, видимо, важным для неё причинам она сдерживалась. Сейчас я наклонился и боднул её в плечо. Боже, она чуть не расплакалась, эта моя вторая мама! Впрочем, тут же поджала свои узенькие губки и перешла к делу, то есть к причине столь экстренного телеграфного вызова. Времена меняются, Васок, многие возвращаются из мест заключения. Некоторых, говорят, даже ре-алиби-тирируют. А мы ничего не знаем о Павлуше. На моё письмо они не отвечают. Я думаю, что теперь, как ты уже окончивши институт, ты должен сам туда зайти. Вот именно прямо туда, где он и канул, на «Бурый овраг». Она сжала губы. Во всём облике её проявилось упорство. Именно с этим выражением бесконечного упорства в сорок втором году она каждое утро отправлялась на базар Скворцы и стояла там часами в любую

погоду с вещами эвакуированных ленинградцев. С каждой продажи она получала десять процентов денег и покупала для нас то кирпич хлеба, то сумочку картошки, то вязку лука. А мы, дети, сидели на подоконнике и ждали, когда она появится. Уже по тому, как она передвигала свои опухшие ноги, мы понимали, будем ли ужинать.

«Бурый оврагом» в нашем городе называли штаб-квартиру местного НКВД, поскольку размещалась она на краю городского оврага. Длинное, в целый квартал, трёхэтажное здание с кокетливыми канителями по фасаду, по слухам, имело ещё шесть этажей подвалов с камерами для подсудимых. На дне этого оврага был городской каток, где в военные зимы бесчинствовала шпана с железными палками, а после войны под сладкий голосок Зои Рождественской кружили румяные барышни. Вспомнив эту топографию, я представил, откуда можно было бы повести отряд молодёжи на штурм гадского гнезда.

– Ну, конечно, тётка. Обязательно схожу в это... учреждение. Прямо завтра туда и отправлюсь, запишусь на приём к какому-нибудь... тузу. Заодно и посмотрю... как там всё расположено.

Тут она снова воссияла збайковичевской голубизною.

– Вот и умник! Вот какой ты умник, Васок! Я бы и сама туда пошла, но кто ж будет со мной разговаривать, – говорила тётка. – Отфутболят куда-нибудь в нижние инстанции, в лучшем случае. А вот от тебя-то им не получится отмахнуться. Тем более что ты стал такой известной персоной.

– Это ещё что, тётка? О чём ты говоришь? Какой ещё такой известной персоной? Кто меня знает, кроме нескольких сотен бродяг в Ленинграде? Ну, может быть, пары тысяч.

– Тебя весь комсомол знает, – с важностью возразила она и вынула из фартука свёрнутую газету.

Это была «Юность Поволжья», на третьей её странице действительно фигурировала моя фотография «шесть на

восемь», с гитарой на сцене институтского клуба. Текст гласил: «С большим успехом проходят в Ленинграде спектакли комсомольского коллектива Горного института «Капустник Горного». На снимке студент-выпускник В. Збайковичев исполняет песни собственного сочинения».

– Мне соседи эту газету принесли, – сказала тётка, – а ведь небось и в «Буром враге» есть читатели.

Я взглянул ещё раз на довольно мутное фото подозрительной личности с ивмонтаповской «стрижкой каторжника» и представил себе, с каким восторгом сотрудники вражеского учреждения встретят новоиспечённую знаменитость.

Вечером всё семейство собралось вокруг стола с целой грудой пышущих жаром пирожков. В процессе их поглощения полагалось громко восхвалять предмет поглощения и их автора. Жить стало всё-таки лучше даже в волжских провинциях. Ещё недавно муку «выкидывали» только к праздникам, и за ней выстаивались вековые российские очереди с номерами чернильным карандашом между большим и указательным пальцами. С жильём, однако, прогресса не было. Все они, тётка и дочь её, которую я тоже звал тётей, тётей Тилей, и дети дочери, что, будучи моими племянниками, по возрасту больше подходили мне в кузены, и их отец дядя Гена, и его сестра тётя Ната, которая из-за развода лишилась местожительства, – все они жили в той же одной комнате, в которой прошло и моё детство.

Были, впрочем, и некоторые новшества: например, маленький холодильник «Север», телевизор с линзой и – о, чудо! – настоящий телефон, появившийся тут благодаря тому, что дядя Гена выдвинулся в замзавы своего строительного треста.

Ближе к полуночи, когда литровый графин настойки был уже пуст, стали раскладываться на ночлег. Мне принесли подружку юности, раскладушку Шахерезаду. На ней я провёл не менее ты-

сячи ночей до того, как отправился в город на Неве. Будучи в раскладе, она на половину своей длины уходила под обеденный стол. Тётка без конца мне говорила, чтобы я укладывался головой наружу, но я предпочитал обратную позицию: всё-таки своего рода личная спальня. Привычка спать под столом так укоренилась, что я, попадая в какую-нибудь незнакомую квартиру, машинально оценивал обеденный стол на предмет ночёвки.

В ту ночь под столом мне пришла безумная для комсомольца идея. А почему бы не позвонить сейчас в Будапешт, не проверить нашу «оттепель» на вшивость? Я стащил дяди-Генин номенклатурный аппарат с тумбочки на пол и, подделываясь под какой-то иностранный акцент, заказал столицу братского государства. После этого накрыл аппарат подушкой и стал ждать. Не прошло и десяти минут, как послышалась нежная трель. В контраст с ней прозвучал грубый голос нашей болгарской телефонистки: «Будапешт заказывали? Говорите!» Боги, боги мадьярские, мордвинские и чувашские! На проводе была моя несравненная, чуть-чуть хрипловатая Жизель! Ах, Васко, говорила она, у нас тут всё бурлит. По всему городу митинги, стачки, демонстрации. Как мне тебя тут не хватает, Васко мой! Жизель моя, отвечал я. Же тью эм! Их либе дих. Ай лав ю! Люблю! Обе «ю» долго ещё гудели над пространствами Европы после того, как разговор прервался. С ними я и уснул.

Рассвет уже сквозил через тюлевые шторы, но все ещё спали, когда я мощным дельфиньим движением выбросился из провисшей Шахерезады. Стукнулся макушкой о нижние доски стола. Что пробудило меня от сладких снов в такую рань? Кто-то стучал в дверь или кто-то настучал в «Бурый враг»? Стук повторился уже наяву. Тётка, кряхтя, сползла с кровати, прошлёпала по паркету.

– Кто там в такую рань?

Мужской голос прозвучал из коридора:

Збайковичевы, Котелковские тут проживают?

Отлетела задвижка, скрипнула дверь, жуткий вопль тётки потряс дряхлое жильё. Как был, в трусах и в майке баскетбольной команды «Горняк», я побежал к дверям и увидел, что тётка трясётся в объятиях какого-то человека, что ноги её не держат и она вот-вот сыграет на пол.

– Сестра, сестра, ну-ка, возьми себя в руки, – бормотал человек. Он ещё не переступил порога, и в полутьме коридора блестели его очки. Вдруг он и сам завопил: – Родная моя! – и сам весь затрясся.

Утробный вой тётки перешёл, слава богу, в словесные рыдания:

– Павлушка, Павлушка, ужельча это ты?!

Ещё в детстве я заметил, что в моменты волнений она переходила от городского говора к родной деревенщине.

– Васок! – закричала она, не видя, что я стою прямо за её спиной. – Отца твой приехал!

Приезжий переступил порог. На голове у него была бесформенная меховушка. Одет он был в стёганный азиатский халат, подпоясанный солдатским ремнём. Обут в галоши. Вместе с ним вступил в комнату кубометр ошеломляющего запаха. Полуседая щетина покрывала нижнюю часть его мокрого от слёз лица. За стеклом очков невыносимой голубизной сиял его правый глаз, а левый был сморщен, как будто от ослепляющего света. Тётка теперь свисала с его левого плеча, она всё ещё была в полуневменяемой дрожи. Теперь настала и моя очередь трястись. Вдруг я осознал невероятность этого дня, этого возвращения из ада. Я не мог произнести слово «Отец» и не мог утихомирить своих конечностей.

– А это кто ж такой передо мной стоит, толико высоченный? – спросил приезжий.

– Дык сын твой родной, Васок перед тобой! – всё пуце и пуце рыдала тётка.

– Ужельча правда?! – разрыдался и он.

Тут мы трое, главные участники события, заметили, что все члены семьи уже стоят вокруг нас в своих ночных одеяниях: и тётя Тиля, и дядя Гена, и юная Польшка, и подростковый Колик, и тётя Ната, и кот Махно, хвост трубой. В большей или меньшей степени тряслись все присутствующие.

Приезжий отец, очевидно, не всех ещё ясно фокусировал. Он тянул свои руки ко мне.

– Каков разбойник, – бормотал он. – Вот разбойник каковский!

Наконец мы обнялись. Он весь пропах потом, уриной, рыбьим жиром, угольной пылью и множеством других нечистых, нечитаемых запахов.

– Что ж вы, дядя Павлуша, телеграмму не прислали? – вдруг светским тоном спросила тётя Тиля. – Мы бы вас встретили на вокзале.

– Телеграмму?! – вздрогнул отец. Он посмотрел на потолок, как будто телеграмма свисала с люстры. Впоследствии выяснилось, что это слово полностью выпало из его лексикона уже много лет назад. Оказалось, что он много дней уже добирается из глубин Красноярского края, сначала пешком, потом на лошадях, на попутных машинах, на множестве поездов, товарных и «пятсот-весёлых» и вот наконец добрался до Булгар, выпростался из плацкартного и просто пошёл со своим мешком по смутно знакомым улицам города, где был когда-то красным головою и где чуть голову свою не утратил.

Мешок этот достоин отдельного описания. Он был ростом в две трети отца и скроен частично из брезентов, частично из шкур. Сверху завязывался обрывком кабеля. Среди его более-менее обычного содержимого: рукавиц, одеяла, фуфайки, пары растоптанных до полного уродства унт, потемневшей оловянной посуды с остатками пищи – были предметы довольно неожиданные, в частности топор, пила, вязанка дров, ведёрко угля, бутыль с керосином.

– А это добро-то тебе зачем? – с болезненной жалостью вопрошала тётка. – Пошто тебе растопка-то?

– А как же без этого?! – воскликнул он, потом осветился какой-то тёмной нечитаемой ухмылкой, потом стал суетливо завязывать мешок, заталкивать его ногами куда-то в угол, потом уронил голову в ладони и несколько минут сидел не шевелясь.

Позднее, придя в себя, он поведал о своих главных этапах. После приговора он провёл чуть ли не месяц в смертной камере «Бурого оврага», где по ночам ему казалось, что казнь уже совершилась и он пребывает вне земных пределов. Потом его отконвоировали наверх, зачитали указ о замене высшей меры на пятнадцать лет лагерей и пять лет ссылки без права переписки и немедленно отправили в шахты на Воркуту. Там, в едва ли не крошечной тьме, он быстро скапутился в доходягу и чуть ли не всё позабыл, что когда-нибудь с ним было в жизни, за исключением нескольких лет деревенского детства. Вдруг однажды во время какой-то переписки его опознал однополчанин, с которым вместе штурмовали Перекоп. Товарищ этот и в лагере не пропал, придумывался по финансовой части. Он спас отцу жизнь, устроив к себе счетоводом. С тех пор в течение двенадцати лет каждое утро отец приходил в свой закуток, щёлкал счётами и крутил арифмометр. Когда основной срок кончился, его погнали из Воркуты в Красноярский край и выбросили в тайгу. Вот там он чуть не загнулся. Чудо снова спасло его, когда, издыхая от голода, он вышел к костру, вокруг которого кучковались такие же, как он, «робинзоны». Кабы не все эти чудеса, не сидел бы я сейчас среди вас, родные мои, живой и чистый! И тут он поведал нам ещё одну удивительную историю.

После оглашения приговора конвой повёл его по коридору клуба им. Менжинского на посадку в «воронки». И вдруг эту процессию обогнала крошотная старушечка, не кто иная, как родная его матушка Евдокия Власьевна Збайковичева. Забежав вперёд, она повернулась и осенила его крестным знаменем.

– Не бойсь, Павлушка, ничего не бойсь! – вскричала она прежде неведомым мощным голосом. – Без Божьей воли ни один волосок не упадёт с головы человеческой!

С тех пор в минуты крайнего отчаяния возникала перед ним, марксистом-ленинцем, фигура матушки с перстом над головою.

В лагере, зная прекрасно смысл приговора «без права переписки», он поставил себе правилом навсегда забыть о почте. Вдруг позабудут о нём, куда-нибудь в другое место дело переложат. В лагерной системе всё-таки царил халтура, чекисты чувствовали себя здесь скорее крепостниками, чем палачами революции. Давайте, друзья, выпьем за нашу родную халтуру, она всё-таки спасла много человеческих жизней!

Он поднял стакан с водкой. Правый глаз его сиял, левый отсвечивал стеклышком. Голова моя шла кругом, то ли от водки, то ли от невероятности этого застолья.

– Bravo, старик! – вскричал я. – Нет-нет, ты вовсе не старик, так мы друг друга называем в Питере. Обещаю тебе, отец, выйти с твоим лозунгом на Октябрьскую демонстрацию!

Ночью я проснулся, не очень отчётливо понимая, где нахожусь, да и вообще, очнулся ли или грежу. При свете ночника на тумбочке, прямо напротив моего изголовья, в воде или какой-то другой прозрачной жидкости, на дне тонкостенного стакана переливалось то самое яичко глаза с голубым зрачком из моего детского кошмара. Уже много лет этот сон не возвращался, и вот теперь сердце забухало по всему телу, как это случалось в детстве.

– Васок, ты тоже не спишь? – услышал я голос отца. – Пойдём прогуляемся? – Он сел на диване, взял с тумбочки стакан, двумя пальцами извлек глаз и весьма ловким движением вправил его в левую глазницу.

Ночная улица была пуста, только за парком медленно вёз свои огни в сторону пристани четвёртый номер трам-

вая да возле газетного стенда маячила какая-то долговязая фигура в майке, сползающей с худого плеча. Мы пошли по улице Энгельса к её пересечению с Ворошиловской.

– Освещение как было говённое, так и осталось, – весело заметил отец.

– Расскажи мне про глаз, – попросил я. Он тут же рассказал:

– Дело нехитрое. Я потерял левый, когда наша Пензенская форсировала Сиваш. Двенадцать лет спустя твоя мама купила мне два великолепных протеза у старорежимного офтальмолога Бергштольца. «Чтобы ты чувствовал себя полноценным красавцем социализма» – так сказала она. После первого же удара в лицо там, на «Буром овраге», протез вылетел и покатился по паркету. Лёжа на полу, я видел, как хромовый сапог раздавил глаз. Все присутствовавшие товарищи истерически хохотали. Что касается запасного, то это бабушка твоя спасла его при конфискации нашего имущества. Сестра берегла его все эти годы, смешно сказать, но именно как зеницу ока... Послушай, кто это всё время тащится вслед за нами?

– Это тот самый хромовый сапог, – сказал я и повернулся к приближающемуся Околовичу.

– Прошу прощения, – проскрипел тот. – Вышли спички. Нет ли огоньку?

Я зажёл свой большой огонь в зажигалке «Зиппо» и поднёс её к его лицу.

– Узнаёшь, отец? – Дрожащее, но негасимое пламя осветило бессмысленное лицо с набором морщин, вполне годным для сапога. Оно чмокало от предвкушения затяжки, но всякий раз, когда папироса приближалась к огню, я поднимал его вверх или отводил в сторону. – Узнаёшь?

Отец молчал. Я захлопнул «Зиппо». Тогда он чиркнул спичкой и протянул. Мы пошли прочь от гада.

– Если кто-то просит спичку, а у тебя они есть, нельзя отказать, – сказал отец.

Теперь молчал я.

– Знаешь, если бы глаз не вернулся, я, быть может, узнал бы этого, но теперь, когда и сын, и глаз, и все остальные со мною, я так счастлив, что до тех мне просто никакого дела нет, понимаешь?

– Ах, отец! – с досадой воскликнул я. – Много ли счастья прибавляет незрячий глаз?!

Он вдруг обнял меня за плечи. Впервые я это испытал, если не считать детских ласк – объятие отца.

– Знаешь, Васок, иногда мне кажется, что этот незрячий глаз давал мне какое-то удивительное зрение, – проговорил он с некоторой дрожью в голосе. – В те давние времена, когда мы все были вместе, мне казалось, что он помогает мне видеть будущее, а сейчас этот неотличимый дубликат будто бы освещает давно забытое, задавленное мною самим прошлое. – Он замолчал, закашлялся, заплакал, а потом продолжил сквозь слёзы: – Иногда освещает даже неведомое прошлое. Вот, например, я вижу десятилетнего мальчика, стоящего над раскрытым сундуком и смотрящего мне прямо в глаз.

Через три месяца на Октябрьской демонстрации в Питере вместо шутки о «нашей родной халтуре» мы с кучкой друзей подняли другой лозунг: «Руки прочь от Венгрии!» Тут же, на Дворцовой площади, мы были арестованы. Суд, короткий и ухмыльчивый, распределил сроки, от трёх до семи лет. Я получил семь и оттрубил их в Потьме от звонка до звонка.

Прошло ещё сорок с чем-то лет. Окончательно рухнул социализм. Моложавый старик, рассказавший эту историю, до сих пор играет на рояле в московском клубе «Лорд Байрон» и поёт песенки на английском языке. Нельзя не отметить, что он пользуется льготами как жертва политических репрессий и, в частности, бесплатным проездом на общественном транспорте.

Наиль Ишмухаметов

Утоли мои печали

63

Сергею Малышеву

утоли мои печали утоли
от вокзалов говорливых отдали

где на солнце будет радуга цвести
где сумею грусть от сердца отвести

тихим шелестом рябиновых ветвей
неизбывную тоску мою развей

здесь покой мой осенит сосновый крест
тише сельского погоста нету мест

Ниязу Акмалу

Как много девушек хороших... но
Исклёван воздух до канвы.
Как много чепчиков подброшено
В пасть ненасытной синевы.

Как много шахт небесных пройдено...
Добыча – пригоршня руды,
Награда – дырочка от ордена
«За бесполезные труды»...

Осколком облачного мрамора
Пришпилен, прохрипишь – Пора...
И фото ветра в рамке траура
Снесут подальше со двора...

непослушные пряди волос
намекали вот бог вот порог
обмануться хотел
удалось
обогреться хотелось
продрог

паутинкою мятной слюны
затянулись морские узлы
полнолунием накалены
прогорали слова до золы

не возшло из золы ни одно
да и ты мне не снишься
и пусть
впереди беспробудное дно
где забуду тебя наизусть

Детская верность инжиру...
Не искушай, говорю,
Твой теремок невысок.
Плесенью выплеснись жирной
Сам-себе-царь-главарю
На окаянный висок.

Детская верность кошмару
Скрипа ночных половиц...
Хватит терзать, – говорю.
Сажай безбожья измаран,
Сам-себя-в-сети-ловец,
Червем ползу к алтарю.

Детская верность полётам,
Долгим полётам во сне,
Ты не умрёшь, – говорю,
Станешь крылом, амулетом,
Пропуском к вечной весне,
Тропкой к душе-тропарю.

Посол суверенного рая,
Пророк в суверенном аду,
О чём ты щебечешь, сгорая
В чужбинном геенском саду?

В какие оглохшие уши
Вливаешь, как в прорву, нектар?
Горохом стены не разрушишь,
Совочком не вспашешь гектар.

Божественной жертвенной трели
Нельзя ни купить, ни украсть.
Молчанья златым ожерельем
Болтливое горло укрась!

И будем безмолвьем богаты,
Беременны всклянть тишиной...
Стихов наведённые гати
Не выдюжат ноши иной,

Чем ржавая дудочка божья.
Не знаю другого пути –
Асфальтовым ложнодорожьем
К себе никогда не прийти.

Чёрный квадрат

Съеденный до корней берег заболоченной старицы,
Наивные мальчик и девочка прячутся в ивняке.
Из миллиона кувшинок одна девчонке подарится –
Белое-белое солнышко на тоненьком поводке.

Мальчик, пропахший тиною, облепленный ряской, рад,
Девочка и кувшинка красотой своей так похожи!
И наплевать пацану, что зияет чёрный квадрат,
Где сияло солнце, да и кожа отмоется тоже.

И теперь, всякий раз, когда я смотрю в ночное окно,
Запахи тухлой воды облепляют одрябшее тело...
Белое солнышко детства... вырвано с корнем оно,
Больно хлестнув по щеке поводком, к старице прошелестело...

закончится воздух и вытечет время
как ртуть на дубовый паркет
отправится в топку бумажное бремя
судьбы рукописный макет

разверзнутся своды в лепнине точёной
над
холодеющим
лбом
и смерть-королева заявится в чёрном
и свита её в голубом

а ты – бездыханный
ты – изжелта-синий
овсяный кисель в голове
когда-то – желанный
когда-то – красивый
когда-то – живой человек

отныне не нужный смазливим подругам
не слышишь, как плачет она
твоя простофиля-дурнушка-супруга
твоя золотая жена

Провинциальное кафе «Уют-муют»,
Пяток голодных у раздатки, трое в зале
Шашлык-машлык самоотверженно жуют,
Который, скинувшись по-братски-мратски, взяли.

Скрижаль взывает: «Не сорить и не шуметь!»
И по традиции под нею – сор шумящий...
Какую ж душу-мушу надобно иметь,
Чтоб испарить из сердца-херца лёд щемящий,

Чтоб воспарить, поправ любовью жизнь без прав,
Опровергая притяжения закончик,
На журавля родное небо обокрав,
Пичугу счастья ухватить за кончик-мончик???

Между солнцем и луной
жизнь проходит стороной...
почему,
кто даст ответ –
жизнь идёт, а жизни нет?

Глобус круглый, город плоский,
Каждый первый одинок,
Режут воздух на полоски
Ножницы спешащих ног.

В складках любопытной кожи
Память лёгкого курка.
Жив ли, помер – всюду то же:
Вечный праздник – День сурка.

Прокуратор распинает,
Грудь служивая в крестах..
Всяк охотник твёрдо знает,
Что фазан сидит в кустах.

Боль фантомная тревожит
Плечи каждого креста.
Жить нельзя казнить...
О, боже!
Пли!
Курок мой, запята...

Где-то там, за черешневой радужкой глаз,
Вызревает диктат азиатских кровей,
Из булатных желёз вырывается глас,
Рассекающий надвое колос бровей.

Типографским клише пустоты – темнотой
Проштампованы орды воинственных лиц...
Бредит степью акын, пьёт полынный настой
В пику триумвирату верижных столиц.

За лесистым бугром, за облезлым плетнём,
За кровавой войной созревает страна –
Зуб за зуб,
глаз за глаз,
боль за боль день за днём.
Созревает страна, непонятна, странна.

На ажурных подвязках её фонарей
Обгорелые коды заоблачных мечт...
Бередят синеву аппликаторы рей...
И над венчиком розог – полуночный меч...

Для неё для одной ловим жемчуг со дна,
Для неё мы сбиваем алмазы с небес...
Созревает страна, ни к чему не годна...
С нею бог, с нею чёрт, с нею ангел и бес.

В начале было слово и в конце,
А между ними – троп огня сырого.
Провален с треском Боль-минор-концерт,
И слово-дирижёр глядит сурово.

Прощайте, лона суррогатных муз,
Сочащиеся жаркой терпкой речью.
До скорого, расстроенный комуз,
Я ухожу с надеждою на встречу.

Прощай, подлунный мир, ты был жесток,
Любовь к тебе угаснет понемножку.
Пригладь слова-занозы, крест-шесток,
Душа-сверчок присядет на дорожку.

Плоскорезы альбатросов пашут толщу лазурита,
Выкорчёвывая корни летней перистой слюны,
Точит капельница солнца парапеты лазарета,
Рвутся паюсные мысли, бритвой сна оскоплены.

По бесплодной голограмме целят стрелы арбалетов,
Вислобрюхие амуры щерят пухленькие рты,
Взгляд за оптикой прицела беспощадно фиолетов,
В тетиве бескомпромиссность горизонтовой черты.

Стрел цианистые тени разлетятся против ветра
Мимо тела, мимо сердца, к трёхкопеечной душе...
Осень...
Скоро грянет осень, станет ночь мудрее утра,
Жёлтый лист коснётся лужи мягким бархатным туше.

Уильям Шекспир:

«Слова, слова, слова...

Эта цитата из великого Шекспира стала девизом 75-го Всемирного конгресса писателей в австрийском городе Линце, организованного Международным ПЕН-клубом.

На этом конгрессе был избран новый президент Международного ПЕН-клуба – Джон Релстон Сэйул. На пленарном заседании форума мировому сообществу литераторов был представлен новый президент Татарского ПЕН-центра – писатель Разиль Валеев.

В семью Международного ПЕНа были приняты новые члены – Албанский и Монгольский ПЕН-центры. В библиотеку конгресса переданы книги татарских авторов на английском языке

Вена

В австрийском Линце, объявленном ЮНЕСКО культурной столицей Европы 2009 года, в конце октября прошлого года на Всемирный конгресс писателей собрались интеллектуалы из 107 стран. Из Татарстана в Линц отправились писатели Туфан Миннуллин, Разиль Валеев и ваш покорный слуга. В Москве к нам присоединился представитель Татарского ПЕН-центра в столице Борис Пантелеев. Русский ПЕН-центр делегировал на конгресс Андрея Битова и Екатерину Турчанинову.

С ними вместе мы испытали все «прелести» подготовки к поездке в столицу бывшей могущественной империи Вену, то есть нервотрёпку, пожалуй, в самом привередливом в мире посольстве при оформлении виз. Стало складываться негативное отношение к Австрии. Но оно держалось только в Москве. В пути это чувство быстро развеялось, не говоря уж о самой Австрийской Республике, куда мы отправились

поездом, а наши друзья – Битов с Турчаниновой – самолётом.

Мы стали уже привыкать, что во всех столицах, где проходят всемирные писательские форумы, нас встречают наши соплеменники. Так было в Хельсинки, Берлине... Так же, только в единственном лице, было и в Вене. Рано утром на столичном вокзале нас ждала руководитель татарской общины в Австрии фрау Рива Рюдиссер. Она сама не так давно живёт здесь, и ей при нашей первой прогулке по Вене часто приходилось обращаться к горожанам за путеводными разъяснениями. Отзывчивость, доброжелательность, дотошность, с которыми венцы объясняли, как нам пройти к тому или иному историческому объекту, заставили нас усомниться в правильности устойчивой у нас максимы: чем дальше от Москвы на восток, тем добрее народ. Оказывается, чем дальше от Москвы на запад то же самое.

Вена поражает размахом, монументальностью, обилием скульптурных, архитектурных, культурно-исторических

на всемирном конгрессе
писателей

Ничего выше слов!»

памятников. Ничего не скажешь, столица бывшей крупнейшей империи Европы сохранила своё лицо, несмотря на войны и многочисленные геополитические пертурбации. Вена росла вширь, как дерево, кольцеобразно, сохранив в сердцевине средневековый старый город, устремлённый ввысь бесчисленными соборами и дворцами. Наряду с просторными площадями и проспектами в центре часты узкие, похожие на ущелья, улицы. Но вездесущий здесь белый мрамор, украшенный золотом, делают город двух тысячелетий лёгким, светлым, солнечным. Кстати сказать, солнце, ясное небо сопровождали нас на протяжении всей недели пребывания в Центральной Европе, кроме одного дня... Но о нём позже.

В Вене мы были почти два дня в день приезда и в день отъезда, благо расписание поездов благоволило нам. В первый день побывали в Национальной библиотеке и в здании Парламента Австрии. Одно из старейших книгохранилищ Европы впечатлило своей грандиозностью и великолепием. Площадь героев и Йозефс-плац с конными статуями великих сыновей Австрии с обеих сторон библиотеки, золотые орлы и бюсты над главным входом, неохватная взглядом колоннада фасадной части, роскошная красота парадного зала, который признан самым большим библиотечным залом Старого Света и в котором хранится более двух миллионов томов уникальных изданий, а также собрания рукописей, нотных фолиантов, географических карт, глобусов. Всё это заставляет задуматься о той роли, которая в империи отводилась Её Величеству Книге, литературе, образо-

ванию... И ведь вся эта гряда зданий библиотеки со всеми её площадями, статуями, великолепными залами, музеями (оружия, музыкальных инструментов) заблаговременно спланирована государственными мужьями, а затем, представьте себе, ещё и построена.

71

Разиль Валеев, Борис Пантелеев, Туфан Миннуллин, Ахат Мушинский у здания Парламента Австрии

Парламент Австрийской Республики на кольце Ринг-штрассе, в ряду с университетом, музеями, театрами... Говоря о его здании, построенном в неогреческом стиле (Древняя Греция ведь мать демократии), не подобрать других эпитетов, как те же самые грандиозно, фундаментально, великолепно. Добавлю только, как и в других столицах Центральной Европы, парламент в Вене удивляет своей открытостью и доступностью. При нас, это был понедельник, сформировалась экскурсионная группа

С президентом Русского ПЕН-центра А.Битовым и президентом Монгольского ПЕН-центра Я.Муджарголом

Рабочие минуты в здании «Дизайн-конгресса» в Линце

Устроители литературного вечера в Российском центре столицы Чехии (справа налево): Владимир Сбирунов, Эдуард Трескин, Сергей Левицкий

школьников. Беломраморное изваяние античной богини мудрости Афины Паллады удивлённо взирало на весело щебечущих ребятишек, проследовавших в высокие дубовые двери законодательного собрания государства.

По Вене мы гуляли, стало быть, и в день отъезда. Опять было солнечно, относительно тепло, и мы взяли пеший ход по улицам и скверам Вены к летней имперской резиденции – к дворцово-парковому ансамблю Шёнбрунн, построенному по образцу и подобию Версаля в эпоху легендарной в Австрии эрцгерцогини Марии Терезии. Парадные императорские покои открыты для посетителей круглогодично. Здесь можно не только любоваться роскошью интерьеров и уникальными произведениями искусства, но и послушать концертную музыку Моцарта, Штрауса... А по проспектам и лабиринтам парковых аллей бесплатно заблудиться и, заведя парочку, которой лет сто шестьдесят на двоих, трусящих навстречу в спортивных трусах-майках и кроссовках, подумать о вечном.

В главном здании дворца останавливался и жил император Наполеон Бонапарт. Наверное, он сравнивал Шёнбрунн с Версалем. А мы сравнивали дворец, необъятные его лесопарки и сады, череду скульптур и фонтанов с Петергофом, который тоже воздвигнут по версальскому образцу и примерно в одно время в начале XVIII века. Я высказал мнение, что Петергоф, его фонтаны и каскады, его более сгруппированные и охватные взглядом скульптуры, берущие начало с золотого Самсона, разрывающего пасть золотому льву, богаче и выразительней необъятного Шёнбрунна. Аксакал татарской литературы Туфан-ага Миннуллин не согласился. Ему, рождённому на просторах Камского Устья, больше по душе пришёлся бескрайний Шёнбрунн. Кстати, шёнбруннские Самсон со львом теснятся в холле главного дворца, и совсем они там не золотые, как у нас, а какие-то тусклые. Но, повторяю, масштабы Шёнбрунна гигантские, просто фантастические.

И это ведь не где-то далеко за городом, а в сорока минутах ходьбы от центрального вокзала. А по пути мы миновали ещё один огромный парк с вековыми дубами и разлапистыми каштанами. Уму непостижимо, как живая природа в Австрии уживается с каменными городами!

Но встречаются в австрийских городах и дома, являющие собой наглядный симбиоз холодного камня и зелёной природы. Это здания с так называемыми висячими садами. Показательный образец такого дома в Вене Хундертвассерхауз. Проект художника Ф. Хундертвассера осуществлён городским муниципалитетом в 1985 году. В этом разновысотном доме-фантазии 50 квартир, 13 висячих садиков, ресторан, кафе... Но вы, безусловно, понимаете, что висячие сады совсем не висят, а произрастают на плоских крышах, всевозможных уступах, террасах, а если свисают, то лишь своими ветвями и вьющимися стеблями. Подобные дома с шевелюрами садов мы видели и в Линце. Особенно запомнилась сказочная постройка-сад у моста Нибелунгов, через Дунай, по которому мы каждый день топали из своей гостиницы «Goldener Adler» («Золотой орёл») на заседания конгресса на другой берег быстрой реки.

«Дизайн-конгресс»

В Линце, в его ангароподобном здании «Дизайн-конгресса», где проходил форум, мы опять встретились с нашими друзьями Битовым и Турчаниновой. И не только с ними. Мы обнялись со старым другом ТатПЕНа, приехавшим в Казань, будучи Генеральным секретарём Международного ПЕН-клуба, Жаном Бло из Парижа, тепло приветствовали Элизабет Нордгрэн (Финляндия), Владимира Сергиенко (Украина-Германия), Дальмиру Тиленбергену

Председатель Общественного совета Национальной библиотеки Республики Татарстан Разиль Валеев у Национальной библиотеки Австрии

С пражанином Эдуардом Трескиным на главной пражской площади у Городской ратуши

Подписание меморандума о сотрудничестве «Пражского графомана» (гл. редактор С.Левецкий – слева) и «Казанского альманаха»

Туфан Миннуллин с руководителем татарской общины в Австрии фрау Ривой Рюдиссер

на Всемирном конгрессе

(Киргизия), Каната Кабдрахманова (Казахстан) и многих других. На этом конгрессе мы много и очень душевно общались с президентом Уйгурского ПЕН-центра в изгнании, нашедшим приют в Швеции, Кайсаром Озгуном и Тариком Гунерселем из Турции. Дело в том, что Туфан-ага Миннуллин в первый же рабочий день конгресса без задних мыслей, как и два года назад в Берлине, надел наш национальный головной убор – каляпуш. И тут же в просторном холле «Дизайн-конгресса» к нему, как к человеку, предъявившему некий пароль, подошёл Тарик Гунерсель и по-свойски заговорил. Никакой переводчик не нужен был. Татарский и уйгурский языки так близки, что в этом отношении с уйгурским может поспорить только башкирский. Тарик, высокий красивый молодой человек, великолепно владеющий несколькими европейскими языками, был одним из организаторов объединения «Урал-Алтай», в которое вошли писатели алтайской семьи языков, то есть тюркской, монгольской, тунгусо-маньчжурской лингвистических групп. Первая международная конфе-

ренция урал-алтайцев прошла в Стамбуле за два месяца до Всемирного конгресса в Линце. В списках её участников значились Турецкий, Уйгурский, Татарский, Киргизский, Казахский, Финский ПЕН-центры. В Линце объединение продолжило свою работу. Руководитель ТатПЕНа Разиль Валеев считает участие в деятельности объединения «Урал-Алтай» для нас приоритетным. Вторую его конференцию намечено провести в Бишкеке.

Наша делегация на этом конгрессе стала инициатором создания секции русскоговорящих участников ежегодных всемирных конгрессов ПЕН-клуба. Многолетняя практика работы на конгрессах показала необходимость создания её. «Русскоговорящих» не означает «русскоязычных», то есть пишущих на русском. Русский язык здесь – язык общения литераторов постсоветского пространства плюс стран так называемого бывшего соцлагеря. «В свою очередь пишущий на русском, говорится в резолюции заседания, которая, кстати, была принята единогласно, может быть представителем любой национальной принадлежности». Участники заседания констатировали, что в дальнейшем следует вести широкий международный диалог, говорить о защите, сохранении и развитии, как русского, так и татарского, киргизского, казахского, украинского и других языков, поднимать вопросы свободы слова, самовыражения, независимого выбора народами своего языка, алфавита. В резолюции заседания отмечается необходимость информирования друг друга по поводу проблем своих ПЕН-центров, национальных языков, образования, книгоиздания.

В этом году в новой секции приняли участие русский, татарский, казахский, киргизский, украинский, а также чешский и словацкий центры. В период между всемирными конгрессами секция предполагает вести работу на конференциях. Первую такую конференцию планируется провести в Москве. С развёрнутой информацией о новой секции, её

задачах и планах выступил на пленарном заседании конгресса Андрей Битов.

На конгрессе были приняты резолюции по странам, проблемным в отношении свободы слова, прав литераторов и журналистов, Китаю, Кубе, Вьетнаму, Венесуэле, Турции, Венгрии, Грузии, России. В РФ начиная с 2000 года было убито 18 журналистов. Семь десятков журналистов лишены свободы в Турции. В Венгрии – проблемы этнического характера.

В библиотеке конгресса мы выставили привезённую с собой литературу: «Шурале» Г. Тукая, «Татарские народные сказки» – оба издания на английском языке, «Устами татарского народа» (пословицы, поговорки, афоризмы, литературные миниатюры) – трёхтомник на татарском, русском и английском языках, «Альмандар из Альдермеша» Т. Миннуллина – также на трёх языках и другие книги.

Линц

Третий по численности город Австрии Линц раскинулся по двум сторонам Дуная. Бывает, так и пишут, не просто «Линц», а «Линц-на-Дунае», или кратко, как делают австрийцы: «Linz a. d. D». Линц и город-история, и расположенный несколько в стороне от старой части столицы промышленный центр. Я не оговорился, сказав «столицы», ЮНЕСКО, повторяю, объявил Линц культурной столицей Европы 2009 года. И в самом деле, идёшь по Гёте-, Шиллер-, Кант-, Моцарт-штрассе и уж не сомневаешься, что находишься в столице культуры Старого Света. По сторонам старинных, мощёных улиц возвышаются массивные готические соборы, исторические здания, скульптурные памятники – среди древних памятников встречаются и современные, выполненные в стиле «поп-арта», скажем, композиция

из металлолома около одного из дворцов на Музеум-штрассе. И всюду символ культурной столицы Европы-09 – точка с запятой. Что бы они значили? С одной стороны, точка с запятой похожи на «09», с другой стороны, это, вроде бы говорит, что Линц – культурная столица Европы неокончательная, эстафета продолжится.

Здесь, в Линце, как и по всей Австрии, безоговорочный культ Моцарта, живописца Гюстава Климта и эрцгерцогини-реформатора Марии Терезии. Они повсюду во дворцах и сувенирных магазинах, на картинах, обложках альбомов, тарелках, кружках, брелоках... Ну, Моцарт – понятно, Мария Терезия, вроде бы, тоже... А вот культ моего любимого художника Г. Климта, работавшего в стиле «сецессион» (разновидность «модерна»), приятно удивил. Его знаменитый «Поцелуй», можно сказать, на каждом шагу. Другого моего любимца, художника Э. Фукса, так сказать, австрийского Сальвадора Дали, нет и в помине. Удивительно, рядом, в Вене, одна из крупнейших картинных галерей мира, сокровищницу которой, наряду с Тицианом, Рафаэлем, Веласкесом, составляет, например, самая большая коллекция полотен Питера Брейгеля. В Музее современного искусства Леопольда самое большое в мире собрание работ Эгона Шиле. Но никого из них в обыденной Австрии не видать, как и знаменитого австрийского экспрессиониста О. Кокошки. Ну да ладно, сполна наслаждался Гюставом Климпом, напокупал здесь, в Линце, его шедевров в разных сувенирных видах. А вот Туфан-ага Миннуллин купил на базаре в Линце кабачок, а также кое-каких семян: «Что за урожай, интересно, дадут они на татарстанской земле?»

«Интересно» – любимое слово Туфана Миннуллина. «Интересно!» – произносит он в растяжку, рассматривая тот или иной исторический памятник или незнакомый овощ на рынке. Его неутомимое любопытство просто удивляет. Всё-то ему интересно, всё-то он разглядит со всех сторон, а если мож-

но, то и пощупает, и попробует. Поразила и его выносливость в наших пеших экспедициях. Всё-таки немало километров накручивали мы день за днём, даже с точки зрения меня, бывшего альпиниста. На протяжении всего путешествия он рассказывал разные истории из жизни татарского села, города, литературной среды, театра, вспоминал типажи, окружавшие его в период обучения в Москве, а уж смешным случаям (всегда по поводу) и просто анекдотам не было конца. Недаром он написал целую юмористическую книгу из своей и подслушанной им жизни.

Каждый день в Линце мы ходили мимо дома со срезанной штукатуркой. Штукатурка эта, как живая кожа, испытала на себе ужасы Второй мировой войны. Куски её бережно хранятся в витринах первого этажа этого дома и служат не очень выразительным, но предметным напоминанием безумной трагедии XX века.

Нельзя не сказать и о том, что в Линце провёл своё детство Адольф Гитлер. В селении под Линцем похоронены его родители. Но об этом австрийцы вспоминать не любят, и задавать какие-либо вопросы на эту тему считается некорректным.

Австрийцы

Австрийцы в Австрии среди толп туристов узнаются сразу. В Линце больше, чем в Вене. На них, особенно на людях солидного возраста, характерные австрийские шляпы с вензелями на затылке. Если говорить об этногенезе австрийцев, то основной компонент их бавары. Вся западная часть Австрии, в том числе и Линц, и Зальцбург – это бывшая Бавария. Австрийцы родственны немцам по языку, но представляют собой самостоятельную нацию, как и баварцы, немцами себя не считающие. Восточную часть заселяли славяне, но были колонизованы германцами. Всё перемешалось на будущей австрийской

земле. Австрия больше и дольше других стран была подвержена Великому переселению народов. Зародышем австрийского государства становится образовавшаяся в X веке баварская *Восточная марка*, впервые названная *Австрией*, то есть *Восточной областью*. Восточной областью чего, спрашивается, Баварии, Германии, Центральной Европы?

В XVIII веке Австрия начала интенсивно расширяться. Под её власть перешли Венгрия, Трансильвания, Хорватия, Южные Нидерланды, часть Италии, Словении, Чехии, Боснии, Польши... Таким образом, Австрия заняла по территории второе (после России) место в Европе и превратилась в многонациональную империю. Но все империи, как известно, рано или поздно рушатся... То же самое произошло и с Австрийской державой. Республикой она стала в 1918 году. В 1938–1945 годах Австрия оказалась под властью фашистской Германии. В апреле 1945 года после тяжёлых, разрушительных боёв Вена была взята Советской Армией. Страна была разделена на четыре зоны оккупации: советскую, американскую, английскую и французскую. 25 октября 1955 года оккупационные войска были выведены из Австрии, и она стала независимой республикой.

Из Вены в Линц мы ехали на электричке. Нашему взору открылись диковинные, какие-то даже мультяшные по красочности леса, поля, озёра, возвышенности с чередой современных ветряных мельниц, точнее, ветродвигателей, которые с помощью компьютеров поворачивали свои размашистые крылья навстречу капризным потокам ветра. А вдали белели на первых альпийских высотах снега.

Летели навстречу нам селения с игрушечными домиками, покрытыми красной черепицей. И каждая пядь земли вокруг и около обработана, ухожена, обласкана. Как выкристаллизовалось такое отношение к родной земле в этом вареве народов, в этом вселенском кро-

восмешении? Всё-таки не многовековая же эта моно-Англия!

Те же порядок и ухоженность в городе. Сидим как-то в центре Линца на лавочке у фонтана. Идёт австриец, естественно, в австрийской шляпе с вензелем. Средней такой помятости мужичок. Из бассейна фонтана достал использованный пластиковый бокал, мимо нас к пивному киоску направился... Думаю, бомж австрийский. Купит сейчас пива, на бокале сэкономит. Нет, поравнялся с урной для мусора у киоска, бросил туда подобранный в фонтане пластик и пошёл своей дорогой дальше. У нас в стране я такого не видел. Вот и весь сказ, почему у них там всё так, а у нас всё этак.

Маутхаузен

Так называется городок недалеко от Линца. Но о нём мало кто знает. Зато все знают о расположенном вблизи городка и взявшем его имя нацистском концлагере. Такие вот гримасы судьбы. Действовал концлагерь в 1938–1945 годах. В 1948 году он превращён в музей памяти.

Экскурсионная поездка туда была запланирована для всех участников конгресса. Когда в назначенный час колонна автобусов тронулась, солнце спряталось за серые, осенние облака и закрапал дождь. Это был единственный дождливый день за всё время нашего десятидневного путешествия. Зонтов по привычке мы не взяли. Не знаю, кто как, но я промок основательно, что обострило впечатление от увиденного.

Лагерь для военнопленных близ города Маутхаузен, а позже и для людей «неполноценных» наций построен на верхотуре местной возвышенности, можно сказать, горы. Глухая каменная стена, колючая проволока, дозорные вышки, бараки, крематорий с высокой кирпичной трубой... Рядом каменоломня, обусловившая месторасположение

лагеря. Здесь заключённые работали с шести утра и до позднего вечера. Утром их кормили пустой баландой, в обед к баланде прилагался кусок мяса. В рационе также были сосиски (с добавлением в них отрубей), на праздники давали мармелад... Труба крематория дымила недолго... Местные жители стали жаловаться на зловоние, и крематорий погасили. Но от этого фабрика смерти свои обороты не умерила. В Маутхаузене замучено и умерщвлено 122 тысячи человек. Среди них крещёный татарин, генерал-лейтенант инженерных войск Дмитрий Михайлович Карбышев. Он вёл подрывную работу в лагерях. В Маутхаузене зимой его облили из брандспойтов холодной водой, превратив в ледяную статую.

Находимся в одном из бараков лагеря. Ряды лежаков в два яруса... Один лежак с одним одеялом предназначены для двух заключённых. Помещение не отапливается. Рядом, в другом помещении, среди цементного пола большой каменный чан для умывания. Далее по коридору общий туалет. Из этого барака бежало 75 советских офицеров. По объявленной тревоге их переловили местные жители, вооружённые охотничьими ружьями и топорами. Спаслись удалось только двум. Их укрыла фрау, у которой оба сына погибли на Восточном фронте.

К подножию памятника генералу Карбышеву наша делегация возложила цветы. От Международного ПЕН-клуба цветы были возложены к памятнику жертвам Маутхаузена в центре лагеря, где состоялся митинг. На нём выступили писатели разных стран и национальностей. Они затронули, в частности, проблему финансирования подобных музеев. На некоторых территориях содержать их отказываются, заявляя: кто это построил, тот пусть и содержит. Я подумал: тех сил, что это построили, давно уж на свете нет. И содержать их должны живые – себе же в назидание. Впрочем, в бараке я услышал негромкое опасение, что такие музеи могут послужить и неофашистам.

Прага

В последний день работы конгресса мы отправились в Прагу по приглашению чешских коллег. За нами приехали легковой автомобиль, и мы поехали в чешскую столицу, отказав себе в прощальном банкете форума. За рулём издатель и очень интересный человек Зденек Варжечка. Он несколько лет работал в России, и наше общение было взаимноинтересным.

Красавица-Прага встретила нас толпами туристов и пивными застольями прямо на улице. За одним из столов привлекал внимание зевак и телевизионщик турецкий певец Таркан. На Староместской площади били орлы (курранты). В вышине, на колокольне Городской ратуши под курантами двигались в полукружье игрушечные фигурки различных персонажей. За боем часов на площади под собором началось сражение пеших рыцарей – блестели мечи, звенели щиты и доспехи. Мы стояли ошеломлённые, будто машина времени перенесла нас в средневековье. Но встречавший нашу делегацию в Праге наш земляк и пражанин Эдуард Трескин вернул нас в настоящее время – гостей уже ждали в Российском центре науки и культуры Праги.

Российский центр расположился в тихом, уютном местечке столицы Чехии, рядом с посольством России. У входа нас радушно встретили директор Российского центра, советник посольства РФ в ЧР Владимир Сбирунов, президент Союза русскоязычных писателей в Чехии, главный редактор журнала «Пражский графоман» Сергей Левицкий, поэтесса Галина Свинцова и, конечно же, наши вездесущие соплеменники, сотрудники татаро-башкирской редакции «Радио Свобода» директор редакции Рим Гильфан, корреспонденты Алсу Курмаш, Али Гильми, Дильбар Исламова, Индира Биктимерова.

Первым делом нас провели в библиотеку центра, где мы передали

друзьям «груз №1» – книги, журналы и номера «Казанского альманаха».

Намеченная встреча прошла в одном из просторных залов центра, где мы рассказали собравшимся о работе 75-го Всемирного конгресса писателей в Линце, ответили на многочисленные вопросы, среди которых центральным довольно неожиданно для русскоязычной бублики стал вопрос о латинице применительно к татарскому языку. А именно: на самом ли деле латинская графика письма больше, чем арабица, соответствует татарскому языку и лучше передаёт его нюансы? Также собравшихся интересовали вопросы книгоиздания на татарском языке и национальное образование в Татарстане. Развёрнутые ответы на них дали Туфан Миннуллин и Разиль Валеев. Автору этих строк пришлось опровергнуть вопрос-утверждение, что Русский ПЕН-центр сдаёт свои позиции в Международном ПЕН-клубе. Безусловно, с уходом из жизни генерального директора Русского ПЕНА Александра Ткаченко ситуация там не улучшилась. Однако надо заметить, что Международный ПЕН-клуб – это живой организм, объединяющий более ста национальных ПЕНов, и не всё в нём односложно и монолитно. Россию же сегодня по-прежнему на международной литературной арене представляют два ПЕН-центра русский и татарский.

Отдельный разговор был об особо почитаемом в Чехии и Татарстане Ярославе Гашеке. В Чехии хорошо знают о татарстанской главе жизни Гашека. В 1918–19 годах в нашей Бугульме он был помощником военного коменданта города и уезда. Сегодня здесь работает музей всемирно известного писателя. Сергей Левицкий, специализирующийся в своём творчестве большей частью в юмористическом жанре, сказал мне, что раз десять перечитал «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны». Я ответил, что прочёл роман один раз, зато потом продолжительное время перечитывал отдельные главы, особенно главу о «бра-

вом симулянте» и методах борьбы с симуляцией в госпиталях австро-венгерской армии, куда Швейк был мобилизован. А вот старший брат мой точно перечитал «Швейка», как и Левицкий, не меньше десяти раз. Я знаю немало людей, для которых эта книга – одна из любимых.

По большому счёту в Российском центре Праги состоялась встреча двух редколлегий – «Казанского альманаха» и «Пражского графомана». Напомним, что Туфан Миннуллин, Разиль Валеев являются членами редколлегии «Казанского альманаха», Б. Пантелеев обеспечивает юридическое сопровождение издания, а народный артист Татарстана, ныне солист Пражской оперы Эдуард Трескин состоит членом одновременно обеих редколлегий. Оба издания представляют собой современную литературу на русском языке, хотя авторский состав их многонационален. Например, Разиль Валеев на встрече читал стихи на татарском и русском языках... Результатом же диалога двух изданий стало подписание главными редакторами Сергеем Левицким и вашим покорным слугой меморандума о сотрудничестве альманахов – обмене материалами, проведении совместных литературных акций в Чехии и Татарстане*. Также было отмечено, что наши издания не останутся в долгу перед памятью замечательного писателя Ярослава Гашека.

Встреча завершилась ужином в одном из близлежащих ресторанов, где, как уже не в первый раз в Европе, нам предложили «мясо по-татарски», то есть сырой фарш с соленьями. Мы посмеялись: у татар нет такого блюда. И заказали что-нибудь из чешской кухни. Мне досталась жареная утка с картошкой и овощами. Вкусно! А из напитков мы попробовали сливовицу, бехеровку и как же в Чехии без пива!

А тем временем нас ждали уже в татаро-башкирской редакции «Radio Liberty».

* Повесть пражанина В. Куземко «Из записок районного опера» читайте на с. 178.

С сотрудниками татаро-башкирской редакции «Радио Свобода»

Вид на один из залов «Радио Свобода»

Радио Свобода

Это громадное современное здание, недавно построенное не в самом центре Праги. А до этого было заимствованное, старое здание в центре Чешской столицы. А ещё до этого «Радио Свобода», как многие помнят, базировалось в Мюнхене.

Чтобы пройти на радио, мы прошли два контрольно-пропускных пункта на территорию и в само здание. При этом пропуск на территорию впоследствии на входе в здание был заменён на новый. Строго, ничего не скажешь!

Как описать увиденное? Представьте себе фантастически-огромный стеклянно-прозрачный муравейник с непрозрачными разве что туалетами. Всё – и всё на виду. Всюду скрадывающая шум шагов ковровая дорожка. По коридорам портреты гостей, побывавших на радио: Джон Кеннеди, Мартин Лютер Кинг, Ангела Меркель... Всех не перечесать, фотогалерея из коридора в коридор продолжается и продолжается. Нас сопровождают наши новые знакомые, встречавшие нас в Российском центре Праги, сотрудники татаро-башкирской редакции. Оживлённо беседуем. Они прекрасно владеют и татарским, и русским, и другими европейскими языками. Совсем молодые, симпатичные ребята и девчата, выходцы из разных районов Татарстана, большинство окончили Казанский государственный университет. Спрашиваем, не скучаете ли по отчим местам? Скучаем, отвечают, но работа есть работа. Как часто бываете на родине? Бываем, вздыхают, раз в году...

Несмотря на позднее время, то тут, то там, в студиях работают. Корреспон-

денты различных редакций с любопытством смотрят на нас, откидывают наушники, будто хотят услышать, на каком языке мы говорим... Экскурсии, видать, в этом стеклянном дворце не так часты.

Пора, однако, и нам поработать. Рим Гильфан приглашает Туфана Миннуллина и Разилия Валеева в прозрачную со всех сторон радиорубку. Как-то это слово «радиорубка» не совсем здесь подходит. Точнее будет сказать – «радиоаквариум», начинённый современной радиийной техникой.

Тишина. Микрофон включён!..

«Круглый стол» за прямоугольным студийным столиком берёт с места в карьер. Чувствуется, директор татаро-башкирской редакции хорошо знает общественно-политическую ситуацию в Татарстане. Но в литературной, культурной жизни республики есть нюансы, не так всё просто в вопросах науки, образования... Гости студии терпеливо и подробно отвечают на вопросы, вносят ясность в не совсем понятное не только здесь, вдали от родины, но и там, у себя дома. Быть может, и в самом деле на расстоянии что-то видится лучше?

На прощание Туфан-ага Миннуллин дарит на память Риму Гильфану свой каляпуш. Рим спешит к личному шкафчику, возвращается и вручает нашему аксакалу бейсболку.

На улице поздний вечер. Над Прагой зажглись яркие осенние звёзды. Уютный рыдван Зденека Варжечки ждёт, чтобы с ветерком доставить нас обратно в Линц.

Ахат Мушинский

*Казань – Вена – Линц – Прага – Казань
Октябрь, 2009*

Итак, скажу...

В этом году, в августе, исполнилось 75 лет аксакалу татарской литературы Туфану Миннуллину. Нет смысла перечислять все его государственные, общественные и прочие должности, обязанности, регалии... Напомним только, Туфан-ага первый (ныне Почётный) президент Татарского ПЕН-центра, член редакционного совета нашего альманаха и активный его автор. В Таткнигоиздате по заказу Татарского ПЕН-центра вышла в свет юмористическая книга писателя «Насыйбулла боткасы» («Каша Насыйбуллы»). Это искромётно-остроумный разножанровый сборник рассказов, баек, взятых из жизни земляков-односельчан, коллег писательского цеха... Заметим, немало персонажей книги узнаваемы любителями литературы, так что, читать её интересно и смешно. Мы же предлагаем из этого сборника выборку афоризмов и полезных советов аксакала. Заметим, что публикация подготовлена по рукописи, до выхода книги в свет.

афоризмы

82

туфану миннуллину – 75

1. Среди немых и заика краснобай.
2. Государство создано для того, чтобы много брать и мало давать.
3. Если тебя не ревнуют, значит, ты гроша ломаного не стоишь.
4. Человек, который боится тебя, не может быть тебе другом.
5. Убиенный поэт сильнее живого.
6. Татары всё делают основательно, только вот жениться и замуж выходить не умеют.
7. Когда садишься писать, две вещи подстерегают тебя: первая – неверие в свои силы, вторая – чрезмерная самоуверенность.
8. Не хвастай быстротой своего бега, может, ты не наперегонки бежишь с кем-то, а от кого-то с испугу.
9. Только написав пьесу, понимаешь, как надо было её писать.
10. Заблудиться хочу, не показывайте дороги.
11. За несчастьем в очередь не становятся.
12. Для мяса зубы надо иметь.
13. Упаси Всевышний от безошибочного человека.
14. Жизнь в бесконечных мечтах – удел бездельника.
15. Сильному человеку нельзя падать – слабаки затопчут.
16. Любить любимую слаще, не мудрствуя.
17. Бедняжкам и горемыкам достаётся только милостыня.
18. Человека человеком делает чувство стеснения.
19. Несчастен снег, падающий на город.
20. Неправда кроется в словах о служении народу. Людям помогать надо.
21. Жить и бояться своего счастья, разве это жизнь!
22. Молодому человеку не говорят, что он молодо выглядит.
23. Ладно, что горло не стеклянное – не видать, что глотаешь.
24. Небывалое дело, чтобы женщина сказала «я виновата».
25. Над сумасшедшими сначала смеются, потом их с благоговением вспоминают.
26. Только умеющий подчиняться может подчинять.
27. Чтобы быть счастливым, надо уметь им быть.
28. Человек изобретает небывалое что-то и тут же становится его рабом.
29. Вот времена: мать русский язык не знает, дитя – татарский.
30. Сегодня оставаться в ладу с совестью – большое мужество.
31. С любовницей – хобби, с женой – должность.
32. Самая красивая женщина – с ребёнком на груди.
33. Козлиные песни о капусте.
34. Такая уж человеческая сущность: сделай его министром – мнит себя президентом, сделай президентом – уже Всевышним себя считает.
35. За то, что язык болтлив, уши накручиваются.
36. За шестьдесят лет жизни и дурак одно умное слово скажет.
37. Любой человек мечтает стать псом, любая гнида – вошью.
38. Наша жизнь – комариный след на листе тысячетомника.
39. Будто и видел где-то, будто и видеть не хотел.
40. Когда муж с женой ссорятся, истина отдыхает.
41. Однажды погнутому гвоздю суждено гнуться.
42. Не сверли взглядом, щекотно становится.
43. Продажные души хорошо знают себе цену.

44. Репей не прилипает к стеклу.
45. Придёшь незамеченным – незамеченным уйдёшь.
46. До женитьбы не знаешь, что ты круглый дурак.
47. Побои стерпим, похвалу не перетерпеть.
48. Чем жиже мозг, тем жёстче сердце.
49. Высочайший подарок Всевышнего человеку – возможность мыслить свободно. Его никто отнять не может.
50. Не уважающий себя человек – мусор, не уважающий себя народ – куча мусора.
51. В стране, исполняющей приказы дураков, неизбежна революция.
52. Быть чрезмерно искренним всё равно, что ходить голым.
53. Какая вина человечества в том, что ты посадил занозу в палец?
54. Мы любим только то, что нравится другим.
55. Твоё счастье – моё счастье, твоя беда – моя беда. Это и есть любовь.
56. Народ, довольствующийся малым, не способен на большие дела.
57. Тогда человек поумнеет, когда поймёт, что он дурак.
58. Словами «довольно», «хватит» человек останавливает свою жизнь.
59. Сила капли в её частоте.
60. Соберутся умные вместе – дурака ругают.
61. Некоторым женщинам глупость к лицу.
62. Заблуждений много – истина одна.
63. Костёр, прячась от ветра, разжигается – на открытом ветру разгорается.
64. Каждому слову моему поддакивающий друг не нужен мне.
65. У бомжей родственников не бывает.
66. Презирающего смерть смертью не убьёшь.
67. Чем больше законов, тем больше беспорядка.
68. На мужчину, говорящего, что не изменял жене, смотрю с подозрением.
69. У меня нет врагов, но, чтобы душа не дремала, ищу их.
70. Если хочешь отличить подлинное произведение искусства от фальши, узнай, сколько за них заплатили. За подлинное всегда меньше платят.
71. Хорошо, что ангелы невидимы, а то давно бы всех перестреляли и крыльшками их полы подметали.
72. Хорошо, что я не начальник, давно бы стихи писать забросил.
73. Что-то мама приснилась. Не получила ли она, интересно, пенсию?
74. Дурак всё знает.
75. Чем богаче, тем больше потерь.
76. Любой вид оружия – орудие смерти.
77. Народ не знает, что ему нужно, – это начальство знает.
78. Я твой враг? Нет, до этого звания ещё дорасти надо.
79. Грешных мужчин женщины осуждают, над безгрешными смеются.
80. Надо, в тюрьму посажу, надо, голову отрублю, но демократии научу.
81. Персонаж пьесы по имени Иванов Фасхетдин Соломонович.
82. Коль разыгрался, значит, не сплю.
83. Если человек произошёл от обезьяны, тогда почему ты такая свинья?
84. О, Всевышний, не отбирай того, что дал!
85. Какие возможности, такие сани.
86. Жизнь империи, как жизнь человека, бывает короткой, бывает долгой, но одинаково смертной.

ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ

84

туфану миннуллину – 75

- a. Слава женского рода, подойдёт к тебе – будь осторожен.
- b. Хочешь помереть – помри, не хочешь – пляши.
- c. Пусть твоя рабочая одежда смех вызывает, праздничная – зависть.
- d. Завидев красавицу, воскликнуть «о-о-о!» не забудь.
- e. Запомни: мною придуманный закон не в твою пользу.
- f. Ум заблудится – у сердца дорогу спроси.
- g. Не хвастай, что ты впереди, кучер всегда впереди хозяина сидит-правит.
- h. Истина – огонь, слишком близко не приближайся.
- i. Не кидайся за всеми.
- j. Не ищи в жизни слишком удобного места – вообще без места останешься.
- k. Качаешься – качайся, только не падай.
- l. Когда двое разговаривают, не подслушивай, вдруг они правду о тебе говорят.
- m. Влюблённой до смерти женщины остерегайся.
- n. Скажи, женщина, кого ты любишь, и я скажу, кто ты.
- o. Хочешь, чтобы сон твой был крепок, обними чистую совесть свою.
- p. Не переносишь критики – не выставляй свой товар на базар.
- q. Если ты комар, помни – можешь быть раздавленным.
- r. Намотай на ус: разделишь яблоко на пятерых – спасибо скажут, разделишь тысячу яблок на двоих – не избежать ссоры.
- s. Не чеши долго, беду начнешь.
- t. Посеял рожь – не ищи пшеницы.
- u. Не целуй того, кого видеть не хочешь.
- v. Смейся, чтобы враг плакал.
- w. Хочешь ум свой испытать – с дураком поговори.
- x. Не гляди на мир сквозь прищур, не китаец же.
- y. От стыда красней – не почернеешь.
- z. Не пропивай деньги жены – оставь на алименты детям от первой жены.
- aa. Проснулся от страшного сна – ткни старуху свою под ребро, пусть не кайфует одна во сне.
- bb. Утром чай попить не осталось сахара – не теряйся, накапай в ананасовый сок коньяка и все дела.
- cc. Хочешь стать писателем – вступи в Союз писателей. Потом писать научишься.
- dd. Хочешь узнать национальность попутчиков по купе – заговори на татарском. Тот, кто взглянет на тебя косо, будет соплеменником.
- ee. Когда заберёшь у матери пенсию, не забудь передать ей по радио музыкальный привет.
- ff. Если от удара судьбы посыплются искры из глаз, хоть сигарету успеи прикурить.
- gg. Если жена говорит, что мёрзнет и просит тебя согреть её, удовлетвори – накинь шубу.
- hh. Не будь свиньёй, пожалуйста, хватит с тебя собаки.
- ii. Лучше один раз у Всевышнего спросить, чем десять раз у муллы.
- jj. Не бойся хозяина дома, бойся сторожащей его ишака собаки.
- kk. Хочешь быть умным, говори только с умными.
- ll. Не раздевай раздетого.
- mm. Насколько себя ценишь, настолько и я тебя ценю.
- nn. Не учи рыбу плавать.

- oo. Хочешь жить – готовься к смерти.
 pp. Плачь вдоволь, самая быстровысыхающая жидкость – слёзы.
 qq. Женясь, помни: если жена твоя останется девственницей – не она виновата.
 rr. То, что не успел сделать в молодости, не старайся наверстать в старости.
 ss. Не учи дебила.
 tt. Не требуй от базара честности.
 uu. Хочешь избавиться от любовницы мужа, будь как она.
 vv. При замужестве года должны быть девичьи, ум – старушечий.
 ww. Уважай врага, только он знает настоящую тебе цену.
 xx. Пьянство – большой грех, но если уж шайтан попутал и, напившись, падаешь, падай в сторону Мекки.
 yy. Не учи, Туфан, до тебя всё сказано.

Перевёл с татарского Ахат Мушинский

ГЛОТОК ЧИСТОГО ВОЗДУХА

о новой книге Туфана Миннуллина
«Незаконченный монолог»

Как это ни прискорбно сознавать, но мы живём во времена духовного упадка и безвременья. На наших глазах уходят в небытие выработанные веками традиции, обычаи, нравственные устои народа. Ослабеваает главный источник культуры – язык, а с ним – литература, искусство, просвещение... Наша система культурных ценностей сегодня необыкновенно бедна, если не сказать – убога. Смыслом жизни стал

чистоган. Современный человек убеждён, что деньги решают всё. Он озабочен карьерным ростом, заработком, вещиизмом. Его идеал, в конечном счёте, – стать благополучным потребителем, обеспечить себя и своих близких сытой, комфортной жизнью. Как сказал в своём интервью влиятельному журналу один известный московский профессор-антрополог: «Для нас важны только три вещи – еда, размножение и

доминирование». Под доминированием он понимает карьерное продвижение, власть, господство, популярность, которые ведут опять-таки к деньгам. А что такое деньги? – это пища, материальное благополучие, это успешное самовоспроизведение. Круг замкнулся. Человек, значит, – явление чисто биологическое, одним словом, животное. К сожалению, современная массовая культура, телевидение, кино, с их пропагандой секса, насилия, наживы, низменных инстинктов лишь подтверждают тезис профессора, насаждают откровенный примитив, призывают к стадному образу жизни: одеваться надо так-то, слушать надо такую-то вот музыку, говорить и писать следует вот на таком языке... Одним словом, псевдо... даже антикультура безгранично доминирует.

Трудно современному человеку, очень трудно, когда всё вокруг идёт вразрез с моралью твоих отцов и дедов, когда всех нас под одну гребёнку хотят сделать Иванами, не помнящими родства. И в этом безвоздушном пространстве истинным глотком чистого, свежего воздуха является недавно вышедшая в свет книга аксакала татарской литературы Туфана Миннуллина «Незаконченный монолог». Эта книга сравнима с сундуком его матери, в котором хранила она дорогие её сердцу вещи, и о котором писатель не раз рассказывал. И вот открываешь эту книгу, как тот самый сундук, и обнаруживаешь какие-то давно позабытые, не употребляемые в нынешнем обиходе вещи – честь, совесть, стыд, долг, любовь, верность... И чем больше углубляешься в неё, тем больше понимаешь, насколько сильно втянулись мы в гонку повседневной жизни, когда нет времени остановиться, оглянуться, когда ты не можешь взвесить свои поступки на весах родителей и всё оцениваешь по курсу денежных единиц.

Подзаголовок «Жизнь в рассказах и мыслях вслух» наиболее полно очерчивает задачи, за которые взялся писатель. И в самом деле, в сборнике из рассказа в рассказ отображается жизнь

главного героя, по сути дела, автора книги, его односельчан, родственников, современников, людей старшего поколения, фронтовиков, а ещё больше тех, кто голодал, холодал и трудился в тылу. Книга во многом автобиографична, но много дано в ней и судеб, рассказанных писателю в письмах-исповедях, при случайных и неслучайных встречах, во время задушевных разговоров, где естественным образом превалирует главная тема художественной прозы – любовь. Есть в сборнике и исторические повествования – о Бату-хане, Екатерине II, Владимире Ульянове-Ленине, и публицистика, и сатирический взгляд на мир, когда писатель начинает давать добрым молодцам уроки от обратного, то есть советовать то, что совершенно не надо делать, как бы вторя упомянутым выше законам временщика и потребителя. Вся эта жанровая многообразность, с одной стороны, объединена настоящей большой любовью к своему народу, с другой – острой болью за великую татарскую культуру, вековые духовные ценности нации, которые день ото дня сужаются, как шагреновая кожа.

Мысли вслух... Да, писатель делится с читателем своими размышлениями. Он говорит: «Где бы я ни был, кем бы ни работал, всегда и везде я ощущаю себя деревенским человеком. Именно с точки зрения деревенского человека я смотрю на события и явления и даже на политику в стране». Туфан-ага бесконечно переживает за уходящую татарскую деревню, которая, подобно чистому, живому ключу, из поколения в поколение питала нашу литературу, искусство, науку, просвещение, одаривала город своей духовной силой. И не только духовной. Сколько ребят и девчат ушло в город, на его заводы и стройки! Но всё взаимосвязано. Теперь город со страшной силой влияет на деревню. Писатель сокрушается: «Не знаю, в какой степени деревня переняла хорошие стороны городской цивилизации, однако её отрицательные стороны деревню окончательно испортили. Разрушились родствен-

ные связи, исчезла традиция совместного проживания трёх поколений, обеспечивавшая целостность семьи, забываются добрые отношения между соседями». Писатель хорошо знает болевые точки деревни. И не только татарской. Она просто-напросто вырождается. Но всё-таки в статье «Прощай деревня?» он не случайно ставит знак вопроса и говорит: «Всё же мне не хочется терять надежду. Может быть, однажды деревня вновь оживёт».

Подавляющее большинство писателей в своих произведениях стремится показать себя с лучшей стороны, скромно опуская личные ошибки и недостатки. Не таков Туфан-ага Миннуллин. Его тексты не только поражают откровенностью, но и удивляют особой заостренностью на собственных жизненных промахах, он не боится показать себя и своих родственников в невыгодном свете. Эта особенность его письма наглядно прослеживается в первых же рассказах книги. Прямо скажу, не каждый автор публикации решится на такую обнажённость, какую позволяет себе Т. Миннуллин, совершенно не за-

ботясь об имидже аксакала татарской литературы.

В рассказе «Младший брат» Туфан-ага пишет: «Нельзя любить кого-то больше, чем положено. Ни своего ребёнка, ни даже отца с матерью, ни свой народ, ни Родину свою. Потому что из-за слепой любви забываешь других, превознося одного единственного, не замечая в нём недостатков, теряя способность трезво видеть и здраво мыслить». На мой взгляд, эти слова – лучшее кредо для любого литератора, который думает писать честно, не боясь обвинений в отсутствии почитания святынь.

Остаётся добавить, что книга собрана из опубликованных в «Казанском альманахе» и «Звезде Поволжья» рассказов, которые добротнo перевели на русский язык А. Мушинский, А. Сафиуллин, Г. Хасанова, Р. Сабиров, Ф. Фаизов, Ф. Макарова. Предисловие А. Мушинского. Сборник увидел свет в издательстве «Магариф» при активном содействии ОАО «Татмедиа». Особую респектабельность книге придало издательство «Идел-Пресс».

Нур Исхаков

Душа опоминается от прозы

ПОЭЗИЯ

*Владимир
Леонович*

* * *

Вещей священный распорядок
в житейский хаос превращён.
Мой век земной обидно краток,
но властью Долга облечён.

Она неявна и безвестна,
в заботах малых без конца...
Но ставить надлежит на место
Стол, стул, лжеца и наглеца

незамедлительно и прямо.
Так действует пружинный спуск.
Так выгонял менял из Храма
под зад коленом Иисус.

Лотки с товаром богомерзким
круша и повергая в грязь,
на греческом и арамейском
победоносно матерясь!

Апостол

Была Гражданская война,
и рассудительные люди
воздвигли памятник Иуде
на все века и времена.

Апостол каменно и тяжко
восстал на площади Свяжска,
являя миру без вранья
глубокий корень бытия.

Предай, продай, и дело чисто.
За что ж великого марксиста
снесла предательская власть?
Безмерно Волга раздалась,

и городишко островной
совсем безвиден и безлюден,
лишь призрак монумент Иудин
над ним, над Волгой, над страной...

Я впал в нечаянный восторг,
прочтя безвыходное МОРГ
налево справа: вышел ГРОМ.
Прекрасно! Значит, поживём.
Какое золотое средство
нам дарит мудрое еврейство!
У Чёрной Сотни есть мотив:
кто на Руси жидолюбив,
тот ненавистнее жида –
дак это я ведь, господа.
Есть любопытное преданье
про ЧИСТОРУССКОЕ собрание
коллег, отмытых добела:
не выпив, встал из-за стола,
услышав про жидомасонов,
Андрей Платонович Платонов
и, обернувшись у дверей,
сказал: Простите, я еврей.

Шаг вперёд

Я шагнул ей навстречу. Она
замерла и на шаг отступила,
потому что смертельная сила
иногда против нас не сильна.

На мгновенье, как будто, смешалась...
Но последние несколько дней
ОТСТУПАЯ ОНА ПРИБЛИЖАЛАСЬ.
Уж такая повадка у ней.

А сегодня ни с места. Стоит,
распахнув костяные объятия.
Вот обнимемся – окостенит,
и конец. Оцените, собратья,

эту пару. А вам, сыновья,
оставляю в наследство, в науку:
ШАГ ВПЕРЕД. А не сыну – так внуку.
Для характера. Для бытия.

Сергей Бессмертный

В начале утра было Слово:
бригоголовые ребята
под управлением комбата
орут речовку Михалкова.
И я ослышался едва ли,
когда из рыканья и гарка:
Умрём за Русь и Патриарха! –
такие гуси выплывали.
Маэстро ведал, но не выдал
национальную идейку:
Умрём, ребята, за копейку!
В гробу, ребята, вас он видел.
И я сижу на скверной лавке
и разрушаюсь в ветхой коже:
Тебе-то что! А я-то дожил
до этой гнусной переплавки...

Долгий звук

Вот после мусорного дележа,
мою испытывая душу,
побольше бомж бьёт меньшего бомжа,
как бьют боксёры кожаную грушу.

(И груша обнаруживает ритм –
в ней скрытый скоростной пиррихий плотный,
биясь-отскакивая РАЗ и ТРИ,
и ПЯТЬ – с отрывистостью пулемётной.)

Большой ударит, плюнет, подождёт,
а бомжик, принимающий удары,
лишь молча в сторону башкой мотнёт,
достойный, может быть, и худшей кары.

Однако справедливость или месть
не могут быть столь явно безобразны,
и мне бы сразу в это дело влезть,
а я стою как соглядатай праздный.

Вот малый избиваемый упал.
Большому парой воздано заушин.
Меньшого поднимаем – еле встал.
Домой... А дома ты уже не нужен.

Дверь заперта. Оттуда: Гад такой!
Пошёл!.. И детский рёв, и мат подробный.
Лежи в крови, под дверью... И с тоской,
какой-то раковой тоской утробной,
сказав «прости» избитому бомжу,
из нищего барака выхожу.
Иии БОММЖЖЖШшш!..
И долллко держит звукггустой
ПОЗОРНЫЙ КОЛОКОЛ Руси Святой.

Не опоздай к концу

92

От тараканов озверелых
в сиротском доме престарелых,
от старости и от тоски
одно спасенье – Соловки.
В деянии простом и важном,
в оранжевом ремне монтажном,
на исчезающей черте,
на колокольной высоте –
скользи, скользи, канатоходец:
весь полон высоты колодец.
Неволю жизни отлюбя,
не опоздай к концу. Сегодня
ты в руки предаёшь Господни
трудоспособного себя.

Тринадцать пуль отлей мне, оружейник!

Г.Табидзе

Лесная родина. Июль.
– Галактион, семнадцать пуль
в моей груди сорокалетней!
Какая жизнь – хоть не живи,
опять предвестие Любви –
всегда великой и последней...
– Какое счастье, милый мой!
семнадцать пуль. Как жизнь прекрасна
и в час последнего соблазна,
когда достаточно одной.
– Беда, беда, галактион:
леса горят и сохнут реки.
Ты видел буйный лес знамён,
а я – обугленные древки.
– Семнадцать раз переживи.
ЦАМЕБА* – помни эти звуки.
Лес на огне. Храм на крови.
И всё и вся – на смертной муке.

* Цамеба (груз.) – мука, страдание (праведные).

Дочери Кате

Опилочная каменеет грязь,
и дремлют на приколе лесовозы.
В лесу свежо и тихо. Ободрясь,
душа опоминается от прозы.

Ломаю звонкий утренний ледок.
Октябрь, ноябрь. Серебряной порою
я наконец-то ничего не строю,
не затеваю. Нероботь, ходок.

Слежу, как льдом становится вода,
торчу над замерзающею лужей,
соображая битый час досужий,
как трудится внутри изнанка льда,

где в анкерные стяжки и прожилья
воплощены разумные усилья
и чёрно-белый ледяной витраж
Катюшке в Рим пошлю – такая блажь.

Кологривский отшельник и ему подобные

Летом 2008 года в непролазную глушь кологривских лесов на окраине Костромской области в четырехстах километрах на северо-восток от колыбели Дома Романовых, забратья меня заставила нужда увидеть близких людей, которые там поселились. Не столько по своей воле и не совсем так, как эмигрируют из России за границу в поисках лучшей доли. Скорее, эта внутренняя эмиграция произошла под натиском социума, не терпящего противостояния дурному ходу вещей и событий...

Здесь в первозданном виде сохранилась тайга, лес не вырубался несколько столетий. Есть места, куда до сих пор не ступала нога человека. Большая часть Кологривского леса в междуречье Унжи и Виги – девственные ельники.

Не лесной я человек, однако этот Лес покорила. Его дивную чистоту, красоту и тишину запомнила, как помнят музыку... Величественные пейзажи реликтовых лесов по обе стороны Унжи так и стоят в глазах...

А глядеть тогда пришлось «про запас» – фотоаппарат отказал ещё при подъезде к этим дивным местам, а другого не купишь – магазинов-то нет... Глухое место... Даже мобильник получил «выходной», сообщив: нет сети

В одной из деревень России

Шестилетняя Люся живёт в деревеньке Илешево: с десяток жилых домов и столько же брошенных.

Нет школы, детского сада, больницы. Добраться до Илешева сложно: междугородных автобусных рейсов нет.

А продуктовый магазин есть в соседнем селе. Пошли пешком по тропке, с обочин которой сбегают маслята, корзинку наполнили, не сходя с тропы...

Луговые травы сплошь в колокольчиках, часиках, ромашках. Идём, а Люся рассказывает:

– В прошлом году пошли по бруснику, а нет её – медведи съели.

– Как так медведи, – спрашиваю, – откуда знаешь, что они?

– А я их кашки видела!

– Большие? – от неожиданности не нахожу, что умного сказать.

– Ага, – говорит Люся. – Воот такие!.. Наполовину из брусники.

Люся удивила, когда я ещё только одной ногой из такси на землю ступила. Опередив взрослых, подлетела к машине первая со словами:

– Вера! Мне перед тобой неудоб-

но: бретелька от сарафана оторвалась, а переодеться не успела!

– Ничего, голубка, пустяки, – пришьётся! – утешила я.

– Пришьётся? – хитро сощурив сияющие глазки, переспросила девочка.

– Конечно, пришьётся, – подтвердила, не чуя подвоха.

– Неужели пришьётся?.. САМА?! – Люська расхохоталась.

Ишь, срезала! Дитя литераторов...

Люсин дом на берегу Унжи. Живёт с мамой, отчимом, которого зовёт папой, и полуторагодовой сестрой Машенькой. Отец Маши большой русский поэт Владимир Леонович. Кстати, журнал «Казань» в июне 2008-го достойно, на два разворота, отметил его 75-летний юбилей. Потому что и Казани есть за что сказать поэту спасибо, как многим другим городам и весям от Карелии до Соловков, от Грузии до Украины.

Он не только по части переводов иноязычных поэтов непревзойденный мастер, но и топориком так машет, что профессиональные плотники-столяры позавидуют. «Завтра, – говорит, – на лодке кататься будем – сам согнул». Печь сложить или стихи про «дыма женские повадки» – всё у него получается! Труженик Господень: и перед Всевышним предстанет трудоспособным...

Второго июня новый костромской губернатор решил лично поздравить поэта с 75-летием. Заказал вертолёт в Москве (на автомобильную дорогу от Костромы до этих мест ушёл бы день). Однако Ярославский аэрофлот не дал разрешения лететь. Сколько ни звонил костромской губернатор в Москву – небесными дорогами тут распоряжаются ярославцы...

Мы с Владимиром Николаевичем сидим в «Кабинете» – так называют дом, расположенный рядом с тем, где живёт семья; здесь поэт работает. С утра протопил печку, и тёплый её дух витает, лаская душу, напоминая детство...

– Нормальное состояние нормального гражданина есть состояние Гражданской войны с отечественной чернью, – читает он вслух свою последнюю статью «Вор в доме». Пишет о костромской чиновной «черни». Есть о чём писать: «подвигов» на ниве культуры ею понаделано немерено...

Последний таков: собирали люди по личной инициативе деньги на памятник Бобке – костромскому пожарному псу, который спасал детей из огня. В именных конвертах они хранились в сейфе Литмузея. Да не самостоятельного уже, а превращённого в отдел Художественного и выживаемого с центральной площади Костромы доходного места! Музей денег не приносит; здесь в самый раз ресторан открывать и грести их лопатой... Леонович встал стеной, единомышленники поддержали: нельзя ликвидировать музей! Да куда там... Больные воспоминания, – началась-то эта история ещё в последние месяцы моей костромской жизни в 2006 году...

Но давайте о Бобке. Не будет, видимо, ему памятника. Владимир Николаевич пишет: «Конверты вскрыли. Идёт ревизия Литмузея; за нею последует административное шельмование его работников... Ошельмованный музей легче разорять».

Деньги-то были нигде неучтённые, состав «преступления» налицо. Правда, нечистые ручки, вскрывшие конвер-

ты и арестовавшие святые эти рубли, протянулись было с «деловым» предложением: если директор музея напишет заявление об уходе, деньги тут же вернут радетелям будущего памятника псу-спасителю.

Известный расклад: нет штатной единицы – нет препятствий для разорения музея... Что говорить о Литмузее, которому всего 10 лет, если выбросили буквально на улицу Историко-архитектурный музей-заповедник «Ипатьевский монастырь» с его пятьюстами тысячами единиц хранения! В три разных неприиспособленных помещения. Новому мускулистому духовенству захотелось получить Ипатьевский монастырь – памятник федерального значения, в единичное пользование. И преуспели. Получили. Ни голодовки музейных работников, ни публикации в центральных СМИ не помогли... Отношение к великому историческому наследию специфическое. Вскоре сгорела деревянная, без единого гвоздя срубленная церковь Спаса-Преображения на Старом Дворе Ипатьевского ансамбля. 400-летний уникальный памятник вошёл в историю русского зодчества и, спасенный в своё время от затопления усилиями одержимых, в хорошем смысле, людей, погиб в одночасье.

Перебираем горькие утраты некогда культурообильного костромского края, а Люська вокруг вертится, ушко своё вострое то и дело освобождает от золотой копны волос, чтобы лучше слышать. Я смотрю из окна на Унжу, и если бы не её целительная красота, да не Люся, разревалась бы...

Вся костромская культурная инфраструктура ещё на моих глазах ушла в небытие, как Атлантида... В филармонии торгуют тряпками, в Литмузее ювелиркой и т.д. Кострома с начала прошлого века была озабочена работой чёрной: выталкивать тех, кто мог её улучшить, очеловечить. Тут достаточно упомянуть исход интеллигенции в 60-70-х годах... Началось, не соврать бы, с Николая Скатова?.. Они были одним сообществом в Костроме: препода-

Владимир Леонович с дочерью Машей

Распахнутое окно поэта

даватель Скатов, художник Шувалов, архивариус Бочков, литературный критик Дедков, искусствовед Игнатъев, архитектор Шевелев, гобеленщик Радченко... Когда Скатова из Костромы вытеснили, он уехал в Ленинград и стал впоследствии директором Пушкинского Дома...

Да, каждый из перечисленных внёс свой невоспроизводимый вклад в мировую культуру. Однако Кострома либо выталкивала, либо убивала, оставляя без работы, или напрямую, физически, как Шувалова, ещё в 1970-х доказавшего мёртворождённость соцреализма... Тридцать лет прожил там Дедков, а всё ж уехал: «Писать о провинции легко, жить в ней трудно...»

Но полно, хватит о грустном... Из другого окна, что за спиной Володи, виден замечательной чистоты зелёный луг, а над ним искрится, переливается слепой дождь. И уж не слёзы горечи, а счастья от такой красоты просятся на глаза...

Люся ведёт на чердак – там её царство. Переодевается в разные платья и танцует, а я должна смотреть. Я люблюсь девочкой – настоящей русской красавицей. Эх, Люся, у кого же ты в такой глуши учиться танцам-то будешь?..

Поверяет Люся свои секреты: появилась у неё подруга Катя, она обязательно познакомит нас...

Ну, наконец-то у Люси есть подруга! Соседи удочерили интернатского ребёнка. Так здесь многие поступают: приходит дитя в семью, по пословице, с краюшкой под мышкой. Государство платит пособие. А иначе не выжить – работы нет, совсем обезлюдели места кологривские...

Появляется подруга. С вестью: а у соседской Ленки-то ночью ребёнок умер в Кологривском роддоме! Говорили ей, не ходи с голым пузом-то, не перетягайся джинсиками, а ей ни к чему! Вот и помер ребёночек-то. Плохо она с ним ходила. Я вот когда забеременею, буду хорошо ходить целых три года!.. – хвалится Катя.

После ухода детей Леонович вздыхает: «Как мы ждали появления этого единственного младенца на несколько деревень – в округе молодёжи нет, в города уезжает...»

Неподалёку в деревне Шаблово живёт несколько семей, взявших на воспитание сирот. Это родина Ефима Честнякова, мудреца, сказочника и поэта, художника и целителя, кудесника пушкинского толка. Прожил он свою жизнь до конца благодаря колпаку юродивого. Спас его колпак.

«Вооружённая властная чернь, – пишет Леонович, – его сестру Александру, не имеющую братниной склонности к лицедейству, 18 лет в лагерях держала».

Есть в Шаблово Ефимов ключик, люди исцеляются, побывав там да на могилке Ефима... Шаблово обезлюдело, но поселилась на родине человека, который страстно желал и устраивал счастливую жизнь для крестьянских

детей, многодетная семья Матюхиных. Восемь ребятишек своих и приёмных. Семья Моисеевых рядом появилась – ещё четверо детей. Рассказывал Леонович, как сглатывал слёзы, видя, что семилетняя Юленька, когда-то «трудная» девочка, ни слова не говорящая, теперь здоровый веселый ребёнок – танцует!

«Втравил» Леонович в шабловские дела Александра Гордона, человека известного, потому как вся наша страна, за небольшим исключением, – телезрители. Благодаря Гордону появились в Шаблово ещё два дома: для гостей и семьи врача Росляковой; у неё четверо ребят... Строится в Шаблово сказка, о которой мечтал Ефим, живут люди кучно, соборно... Да ведь мы делаем как лучше, а выходит как всегда!

Есть, вернее, был в Шаблово Дом-музей Ефима Честнякова. Дом народный: снесли жители туда всё, что на память о Ефиме хранили, из поколения в поколение передавали, как реликвию: его неповторимые глиняные игрушки, картины, рукописи, личные вещи. Многодетная мать открывала Дом в любое время каждому приезжающему. У нашего юродивого-то мировая слава! Только в родной стране известен не очень. «Русский Леонардо», «Русский Кампанелла» – писала о нём европейская пресса, когда в 1968 году костромской искусствовед Игнатъев «открыл» миру честняковское наследие... За это и многое другое Международным биографическим центром вписан Виктор Игнатъев в число двухсот выдающихся людей планеты XX века...

Так вот, командным языком областное начальство объяснило матерям, что занимаются они самодеятельностью, с этим надо кончать. Подарили шабловскому дому несколько штатных должностей, отняв у него имя «Дом Ефима» и сделав его ОТДЕЛЕНИЕМ Кологривского ОТДЕЛЕНИЯ областного музея...

«Деревенские условия жизни музея, – говорит Володя, – власти перепутали с условиями городской жизни. Теперь музей работает от и до, конкретно в

среду и воскресенье, с 10.30 до 14.30. Ну и вообще всё расчертили – кто что должен, а кто нет. Принять туфтовые должности за смешные деньги многодетные матери отказались. Директор дважды в неделю по расписанию прибывает из Кологрива. Открывать музей каждому паломнику в любое время запретили.

Некогда, повествует Леонович, Аракчеев переселил крестьян в военные городки, распланировал их жизнь по-немецки и в ответ получил русский бунт. Беспощадный, но осмысленный. Вот и матери взяли да вынесли из музея все экспонаты, ведь окрестные старухи дарили их не музею, а лично им, их ребятишкам. Так что, СВОЁ забрали. И когда костромское культурное начальство приехало, в бывшем Доме-музее остался портрет Ефима, да ещё кое-какие малозначительные экспонаты. И всё.

– Эх, жалко, Вера, – говорит Люська, – не успела ты поглядеть на Ефимкин дом. Туда зайдёшь танцевать хочется, так легко делалось...

Такие вот дела в костромской кологривской глуши, в деревеньках, принадлежащих к исчезающему меньшинству исчезающей уж не один десяток лет деревенской России...

Расстрелянный Христос

А летом 2009 года поездка в Илешево принесла знакомство с потрясающим открытием, на которое уже отреагировали московские искусствоведы, называя его сенсацией мирового значения.

Сначала не поверилось: на краю цивилизации, в храме заброшенного села, вкусившем все прелести отечественной истории, обнаружены образцы рафинированного европейского классицизма в виде фресок?.. Но вот они перед глазами: классическая интегральная европейская живопись в храме, построенном в 1796 году в стиле

ничем не примечательного традиционного провинциального барокко.

Год назад инок Леонид открыл окна, приводя помещение в богоугодный вид. Внутрь ворвался влажный воздух и... советская штукатурка, отсырев, начала осыпаться, открывая древние фрески. В 1918 году большевики доказывали народу, что Бога нет, стреляли в изображённые на стенах лики. Одна из пуль угодила в лоб Иисусу, след от неё хорошо виден и на снимке... Потом фрески заштукатурили. Однако и в настоящий момент они в достаточно хорошем состоянии. Выпадение красочного слоя локальное.

Мы пришли в храм не вовремя: Леонид встретил не то чтоб неприятливо, но явно был чем-то озабочен. Оказывается, мы прервали ежедневную молитву: «Я могу вам всё показать сейчас, но мне ещё четыре часа надо молиться, а если я не буду это делать, может вспыхнуть пожар или ещё что хуже стрясётся...» Мы переглянулись. Он кротко заметил: «Вы можете счесть меня за сумасшедшего, но я ведь с оптинскими старцами общаюсь».

Без малейшего неудовольствия мы отложили осмотр до окончания молитв инока за всех нас. А пока сходили на могилу Ефима Честнякова – художника, учившегося в Академии художеств у Репина. После он вернулся из Питера в родную деревню.

А крещён он был в Илешевском храме... «Вот всё и связалось, – говорит моя подруга, ныне поселившаяся с семьёй в Илешево. – Ефим, оказывается, не на пустом месте возник, он с детства видел эти великолепные фрески. Да и судьбу их автора повторил: Сила Иванов, крепостной, по окончании Академии в Питере расписывал тамошние храмы, а потом вернулся на родину и расписал храм в Илешево. Может, Иванов не фамилия – отчество. О нём мало что известно...» Илешевский краевед Александр Хробостов в записях Честнякова встретил упоминание о том, что Сила родился в Шаблове крепостным. Его отправили «учиться на худож-

ника» (по стилю судя, принадлежал к кругу Боровиковского). Вернувшись, поставил себе колоритный дом с золотым репеем на шпиле. Получил нагоняй от старосты: как можно крепостному жить в доме краше, чем у барина?! Вот и всё, что известно о Силе.

А фрески его не просто высокопрофессиональная работа живописца столетнего уровня, но – духовное откровение. Сила Иванов думает о духе. Он выше простого мастерства. Оказывается, в глухой российской провинции жили живописцы на уровне самых высоких образцов Ренессанса...

В этом убедились, вернувшись в храм и застав инока Леонида уже в другом настроении: приветливый, стройный и лёгкий, как юноша, 76-летний инок в алтарь меня, конечно, не пустил. «Тайную вечерю» (крупная фресковая форма) снял на мой аппарат сам.

Искусствоведу есть здесь чему подивиться. Такое можно, казалось бы, увидеть лишь в Петербурге, Риме и Париже. Для художника нет проблем с отображением света и тени на лицах, профили расписаны мастером психоанализа. Сияющий взор Спасителя (под следом от пули во лбу)... Иуда – слева, почти спиной к зрителю. Тяжёлое недоумение угадывается и со спины. Но не предательство главная тема этой фрески, берите выше...

Снизу фреску съела соль... – был тут в советские годы и соляной склад (церковь удобно располагается на берегу сухоходной Унжи, вот её и определили перевалочной базой соляных перевозок). Но мощная кирпичная кладка выдержала удары времени. Обвалилась в одном месте, под куполом. А ещё в советское время «догадались» из храма сделать двухэтажное помещение, горизонтальной перегородкой разделив надвое. Поэтому нижняя часть фресок видна снизу, а верхнюю можно увидеть, только взобравшись на второй этаж.

Туда, а потом под купол храма мы забирались по нескольким приставным лестницам. Измазались, руки-ноги дрожали от таких упражнений, но доволь-

ны были необычайно. На втором этаже изящная гризайль имитирует орнамент фресок серо-белой росписью. С первого взгляда на фреску «Нагорная проповедь», верхняя часть которой видна отсюда, подумалось: она уникальна. Иисус не просто восседает, он словно парит над землёй. Разводит руки, не просто благословляет, а вдохновенно принимая мир людей. На лице – сочетание незащитности и мужественности. В искусстве всегда потрясает контрапункт. Но здесь он такой силы! Это чистейший, вдохновенный образ Христа! Фреска достойна стать святыней.

Здесь же можно увидеть, что процесс освобождения фресок продолжается. Появляются новые фигуры! Одну такую, уже смутно угадываемую сфотографировала. Она расположена симметрично большому изображению Богородицы. Та изображена в полупрофиль, что вообще несвойственно, кажется, русским храмовым росписям... Глядя на неё, невозможно не восхититься Мастером...

* * *

В этот приезд удалось заснять всё: и великолепные фрески, и дивную Унжу, и мёртвые дома покинутого жителями соседнего села Мичурино, далеко не единственного в этих краях, и жизнь, теплящуюся здесь вопреки условиям для вымирания... Жизнь нелёгкая. За прошедший год Владимир Николаевич заметно сдал. Ему уже 76. Но, тем не менее, косит траву, заготавливает веники, переложил печь в баньке теперь она и в морозы по три дня хранит тепло. Вместе в Сергеем Яковлевым издает журнал «Письма из России»... Изредка выезжает по делам в Москву.

И кто бы знал, что через несколько месяцев после моей поездки он будет в Казани проездом в Елабугу. Об этом ниже. Кологривские очерки мои, таким образом, расширяют свою «географию»... А кологривский отшельник Владимир Леонович предстаёт в ещё одной своей ипостаси.

Обременённые памятью

Есть события и События. О событиях можно написать сразу и тут достаточно жанра сугубо информационного. А Событие необходимо осмыслить, отодвинувшись от него во времени в обе стороны: прошлое и будущее. Таковым, на мой взгляд, явилось открытие в Елабуге памятника жертвам политических репрессий 29 ноября 2009 года, участие в котором приняли представители государственной власти Татарстана и России, члены совета Ассамблеи народов РТ и, разумеется, общественных организаций жертв политических репрессий обоих уровней. Сюда были приглашены и литераторы Виталий Шенталинский и Владимир Леонович – два последних «могикана» из Комиссии по творческому наследию репрессированных писателей (коротко Репком), которой в своё время помогали Булат Окуджава, Анатолий Приставкин, Анатолий Жигулин, Олег Волков, Юрий Карякин и многие другие. «Иных уж нет»...

Последние годы своего существования Репком занимал маленькую комнатку в Ростовском доме Союза писателей. На неё так или иначе велись атаки руководства, желающего то отдать площадь арендаторам типа фирмы «Израильское золото», расположенной здесь же, то отнять номер телефона, то уволить сотрудницу, ведущую переписку с выжившими политзаключёнными-литераторами, ещё проживающими на необозримых просторах родины нашей. Ольга Сушкова была поистине «ангелом», поддерживающим их связь с центром. Готовила их публикации, утешала морально. Её таки мизерный оклад понадобился на «другие нужды» некогда уважаемого союза, а теперь занятого разборками и дележом наследства Союза писателей СССР, в том числе дач и иных ценностей. Но об этом достаточно написано и прочитано, а речь о другом.

Виталий Шенталинский – инициатор и руководитель Репкома, автор трилогии о репрессированных писателях, начатой «Рабами свободы. В литературных архивах КГБ» (1995) и продолженной «Доносом на Сократа» (2001). Эти книги сначала увидели свет за границей, последняя «Преступление без наказания» издана сразу в России в 2007 году. Поэт и путешественник, действительный член Географического общества, полярный исследователь (зимовал на острове Врангеля, участвовал в экспедициях на Землю Франца Иосифа и Северную Землю) оказался первым литератором, который добровольно переступил в 1980-х годах порог Лубянки в надежде восстановить насильственно оборванные писательские судьбы.

А поэзия Владимира Леоновича принадлежит к поэзии духовного опыта, что сближает её с творчеством репрессированных, многие представители которого, кстати, при жизни не опубликовали ни строчки... Ему тоже не сиделось в Москве, и вся его жизнь, как уже упоминалось, крепко связана насколько с пером, настолько и с другими инструментами: топориком, монтажным поясом, мастерком, косой и лопатой. То в Карелии на Пелусозёре («водушка серебряна!») ставил в одиночку часовню взамен разрушенной, расчищал тамшние обиталища, то на Соловках после изучения архивных материалов СЛОНа (Соловецкий лагерь особого назначения) крыл купола храмов осиновым лемехом, складывал печи, чистил дорогу на соловецкую Голгофу, ставил обетные кресты с собственноручной чеканкой «Спаси, сохрани, вразуми».

С Шенталинским они составили и издали книгу «ЗА ЧТО? Проза. Поэзия. Документы», куда вошли произведения и воспоминания, документы, спасённые от забвения в годы работы в Лубянских архивах. Издана она была в 1999 году на деньги российского каторжника № 1 Александра Солженицына. Все произведения, вошедшие в книгу, несут печать таланта, будь автор всенародно известен, как Борис Чичибабин, Варлам

Шаламов, Анатолий Жигулин или неизвестен даже специалисту-гуманитарию, потому что его работы не видели света, оставаясь в архивах НКВД.

* * *

Решётка ржавая, спасибо,
Спасибо, старая тюрьма!
Такую волю дать могли бы
Мне только посох да сума.
Не напрягая больше слуха,
Чтоб уцелеть в тревоге дня,
Я слышу всё томленье духа
С Екклесиаста до меня.
Запоры крепкие, спасибо!
Спасибо, лезвие штока!
Такую мудрость дать могли бы
Мне только долгие века.

102

Когда б не эта книга, кто бы узнал, что автор стихов песни, положенной Петром Старчиком на музыку, Александр Солодовников (1893–1974), в Гражданскую войну деникинец, позже многолетний сиделец. Именно особой эзковской мудростью сильны и умны стихи и проза книги. У лагерной литературы сила особая. ГУЛАГ породил «дантовские» шедевры Солженицына и Шаламова, но и многие менее талантливые авторы мудры тою же мудростью. Их слово прорастает из опыта... Подчеркнём – исторического народного опыта, о котором, как подразумевает надпись на стене елабужского мемориала, нельзя забывать, потому что «Это не должно повториться». Потому что забвение – путь к повторению.

– Эту правду мы должны рассказать новому поколению. Не для того, чтобы очернить наше прошлое, а ради того, чтобы сбылись слова, которые вы написали здесь: «Это не должно повториться», – сказал на открытии мемориала в Елабуге глава Госсовета РТ Фарид Мухаметшин.

Ну а что рассказывать новому поколению, если не будет таких книг и таких мемориалов, и таких писателей, для которых личный успех и душевный покой значит так мало, что они спускаются за этим опытом в подвалы, где хранятся архивы, читать документы, про-

токолы допросов, и не свихнуться от запечатлённого там ужаса трудно...

Вот Челябинский центральный образца 1937 года в отрывке из повести Михаила Шангина «Тюрьмы». Шангину было семнадцать, когда он стал узником. Арестован в 1937 году по доносу. Реабилитирован в 1957 году. Литературное дилетанство, как бы теперь сказали, преодолевается фактурой.

«Круглые сутки шевелится голая масса, копошатся люди, как черви в банке... Некоторые стоя дремлют. Ноги у них синие, опухшие, зато они первыми выходят на прогулки и возвращаются последними. Им достаётся лишний глоток воздуха. Под койками тоже жильё: там лежат валетом по восемь человек... Подкожные чаще умирали. Живые день-два спали рядом с мертвецами, чтобы получить за них пайку хлеба да разделить на несколько человек. Трупы в конце концов вытаскивали волоком.... Пытали не всех и взрослых, но КРЕСТ я видел. Крест – это холл при пересечении коридоров. То ли здесь стены скреплены растяжкой железным прутом в руку толщиной, то ли прут был прилажен специально для пыток. На нём подвешивали узников: кого за руки, кого за ноги, кого за руку и за ногу. Тут же на полу валялись заделанные в смиренные рубахи. Рубаха эта наподобие комбинезона, только широкая. В неё заделывают «клиента», воду туда заливают, кладут на живот и стягивают ноги к голове. В тюрьме около пятнадцати тысяч заключённых. Не успевают всех вывести на прогулку. Стали водить и ночью. Тогда-то я и увидел его, крест... В ужасе проходим мимо. Висят люди, ещё живые, глаза выкачены, пена с кровью изо рта. Жертвы «свежие» орут на весь этаж, остальные, уже доходящие «до кондиции», просто мычат. ...Сидим, 286 узников вместо тридцати, на которых была рассчитана камера».

О судьбе автора мы бы не узнали, когда бы её не «вынули» из подвалов НКВД. Так же, как и о других судьбах, «заставляющих сжиматься сердце любого человека, если он ещё не потерял

его в наши последние слишком пёстрые годы», пишет Юрий Курбатов в рецензии на книгу «За что?», остаётся добавить: мы, как народ, живы, пока издаются и читаются такие книги. Пока «материал» для них извлекается из гробницы исторической памяти архивов НКВД, которые, как сказал Владимир Леонович, сегодня снова закрываются.

«Того, что пережили мы, говорила Анна Ахматова Лидии Чуковской 4 марта 1956 года: да, да, мы все, потому что застенок грозил каждому! не запечатлела ни одна литература. О том, что пережили казнённые или лагерники, я говорить не смею. Это неназываемо словом. Теперь арестанты вернутся, и две России глянут друг другу в глаза: та, что сажала, и та, которую посадили».

– Полвека прошло с тех пор, много воды утекло, сменилась эпоха, а «две России» по-прежнему глядят друг другу в глаза, – говорит Леонович, – Кто у нас, Пушкин или Сталин по рейтингу главный? Сталин набирает больший рейтинг. Народ замороченный... На перестроечной волне очарования свободой и надеждой эти подвалы были открыты. Сейчас архивы работают на десять процентов. Остальные – закрыты. В Питере была попытка отчуждения архивных материалов от людей, которые там работают, арестовать архив... Про трилогию Шенталинского: написана знающим человеком. У него конкретное мышление человека, который разбирается в юриспруденции, метафор немного, много трезвых оценок. Главных вещей не упускает. Жаль, молодёжь не читает. У неё отравлен интерес к книге исторической и другой, настоящей литературе – «упала» книга. По признаку серьёзности и вмешательству в жизнь...

Сам Владимир Николаевич не упускает возможности пообщаться с молодёжью. В музее им. М. Горького до поездки в Елабугу состоялась встреча казанских литераторов, молодых и не очень, с поэтом. А по возвращении из

Елабуги мы его не узнали, помолодел лет на двадцать.

– Я не предполагал, что это будет так прекрасно. Никакой показухи. Открытие мемориала – со вкусом, без помпы, хотя у нас обычно ничего без помпы не бывает. И Михалковский гимн не звучал – звучал Бетховен, Лунная соната. Открытие мемориала – свидетельство того, что здоровая сильная мысль работает: порядок вещей, забота о народе и стране в том, чтобы люди открытыми глазами смотрели на то, что происходило в годы российского средневековья в XX веке. Они непростительны, не имеют срока давности... То, что произошло у вас в Татарстане, нельзя переоценить. Это поступок мудрых людей без оглядки на то, что законодательно никто репрессий не осудил. У нас не было Нюрнбергского процесса.

Меня поразил этот чистый город, его обихоженность, и Цветаевский мемориал, большая площадь... Никто не почитал, что земля дорого стоит. Не застроили особняками... И когда мэр спросил о впечатлении, я ему сказал, что приехал удручённый тем, что происходит в городе, где я родился: закрывают, разоряют музеи, потому что они не приносят дохода! И голодовки музейных работников, протесты интеллигенции ничего не решают. Я ему сказал, что до слёз восхищён тем, что происходит в Елабуге.

А на встрече в казанском музее им. М. Горького Леонович рассказывал литераторам, грубо говоря, о роли личности в истории, только не в её хрестоматийном понятии.

Он говорил о первом поэте Грузии лауреате Ленинской премии Галактионе Табидзе, который 17 марта 1959 года на уже третье, весьма «убедительное» предложение подписать осуждение Пастернака ответил прыжком из окна больницы, чем искупил позор всех советских литераторов, его так или иначе подписавших. Он говорил о редакторе «Нового мира» Александре Твардовском, который, будучи в то время кандида-

том в президиум ЦК КПСС, не «сдал» Солженицына, хотя ходили слухи, что это так.

И одна девушка его спросила, был ли смысл в этих одиночных протестах, когда для «протестантов» дело заканчивалось так плохо, а по большому счёту ничего не меняло.

Леонович объяснил, что арифметика «один против всех» не так проста. И прочёл стихотворение каторжанки-колымчанки Елены Владимировой, опубликованное в книге «За что?»

* * *

Мы шли этапом, и не раз,
колонне крикнув: «Стой!» –
садиться наземь в снег и в грязь
приказывал конвой.

И, равнодушны и немые,
Как бессловесный скот,
На корточках сидели мы
До окрика: «Вперёд!»

Но раз случился среди нас,
Пригнувшись опять,
Один, кто выслушал приказ,
И продолжал стоять.

Минуя нижние ряды,
Конвойный взял прицел.
«Садись! – он крикнул. – Слышишь, ты?!
Садись!» – Но тот не сел.

Так было тихо, что слышать
Могли мы сердца ход...
И вдруг конвойный крикнул: «Встать!
Колонна марш вперёд!»

И мы опять месили грязь
Неведомо куда,
Кто с облегчением смеялся,
Кто бледный от стыда.

По лагерям куда кого
Нас растолкали врозь,
И даже имени его
Узнать мне не пришлось.

Но мне запомнился навек
Высокий и прямой
Над нашей согнутой толпой
Стоящий человек.

Давайте помечтаем, исходя из императива, что «Этого не должно повто-

ряться», о новой дисциплине в школе: уроке свободы. Он будет полезен и девочке, о которой рассказал Виталий Шенталинский: «У неё две бабушки были репрессированы. А она написала в сочинении: Сталин был эффективный менеджер. Она мыслит прагматичными, на грани с цинизмом мерками сегодняшнего дня. В связи с этим можно вспомнить Роберта Конквеста, который в своей книге «Большой террор» возражал тем, кто утверждал, что Сталин модернизировал страну: эту эффективную модернизацию можно сравнить с канибализмом: тоже метод улучшенного питания. Но остаётся ли после этого человек человеком?»

Итак, урок свободы. Учитель даёт задание описать, какие чувства испытали согбенные люди, когда увидели, что один человек не сел? Может быть, один подумал: сейчас конвойный даст очередь, и погибнет не только этот «герой»! Другой: ах молодец, может, подержать его? И, возможно, уже привстанет. Третий: он, как Иисус, взял на себя наш грех... Четвёртый: посмотрим, что будет, но я-то лучше спрячусь, отсижусь, так вернее...

Учитель спросит детей: а как бы вы поступили в такой ситуации?... Дети будут думать. Будут примеривать ситуацию на себя. В их душах будет совершаться свободы чёрная работа... А иначе то, что не должно повториться, повториться может.

Постскрипtum

Елабуга сделала свой выбор. А по данным Левада-центра, 40 процентов опрошенных выступают за то, чтобы не ворошить прошлое. И это в стране, два поколения которой прошли через государственный террор. Какая основная причина? «Это нас не касается». Выражаясь нынешним языком, «не грузите!» Нас там не было... Но произошло же в стране в годы репрессий преступление без наказания, которому до сих пор не

дано юридической оценки. Мы любим ругать власть. А ведь власть делает лишь то, что народ ей позволяет. И не делает того, чего народ не требует. Если юридической оценки нет, значит, она не нужна народу? Издатель «Преступления без наказания» Шенталинского Станислав Лесневский сказал: «Пусть это будет наш Нюрнберг, суд, посильный нам». Те, кто не поленится или отважится читать документальную трилогию Виталия Шенталинского, не опасаясь за своё душевное здоровье, совершит над собой эту чёрную работу свободы. Ведь, как писал управляющий с 1839 года 3-м отделением генерал Дубельт в дневнике: «Наш народ тих, а тих оттого, что несвободен». А когда это

так, с народом можно делать что угодно...»

Безусловно, трилогия Шенталинского – учебник свободы. Стихи Владимировой тоже, впрочем, как и вся поэзия Владимира Леновича, в том числе, такие строки:

...На родине моей больной
народ не чувствует позора.
Огонь ползучий, нутряной
Наружу польхнёт не скоро.
Не тронув злых, больных, заблудших,
Ни тех, кому хоть всё сгори!
Он выбирает самых лучших
И пожирает изнутри.
И от Вьетнама до Чечни
Ни времени, ни расстоянья –
Лишь одинокие огни
святого противостоянья...

За отсутствием состава преступления...

история без купюр

Рафаэль Мустафин

30 октября –
День памяти
жертв
политических
репрессий

Опасная профессия

В 2002 году в Казани вышла книга «В ногу со временем, с историей региона». Её автор – бывший заместитель начальника Управления ФСБ РФ по Республике Татарстан полковник Рустем Гайнетдинов. В книге приводятся весьма интересные факты, цифры и документы о работе службы безопасности. В частности, здесь есть справка «О работе Комитета госбезопасности Республики Татарстан по реабилитации жертв политических репрессий», составленная в августе 1998 года.

Согласно этому официальному документу, в период с 1917 по 1990 годы судебными, а в основном внесудебными органами республики по обвинению в государственной измене и другим политическим статьям Уголовного кодекса осуждено 43 460 человек (раскулаченные и сосланные в Сибирь на уничтожение в это число не входят). 3 464 из них были приговорены к расстрелу и уничтожены сразу после объявления приговора. Большинство остальных со временем были превращены в лагерную пыль.

Общее же число лиц, подвергшихся в нашей республике различного рода репрессиям, согласно той же книге, пре-

вышает 70 тысяч человек. И это, напоминая, в одной только республике! То, что это – невинные жертвы, признано сегодня самими карательными органами, ибо все они реабилитированы «за отсутствием состава преступления».

В «Татарском энциклопедическом словаре» 1999 года издания в статье «Репрессии» приводятся несколько иные цифры. Общее число репрессированных по политическим мотивам в период с 1918 по 1954 год оценивается здесь в 150–200 тысяч человек (речь, повторяю, идёт только о нашей республике и без учёта раскулаченных, о большинстве из которых не сохранилось никаких документальных данных). Не вошли в это число и жертвы так называемого красного террора, когда «к стенке» ставили всех мало-мальски подозрительных и напоминающих «буржуев» хотя бы чистой одеждой.

В этой статье прямо говорится, что карательными органами советской власти ВЧК-ОГПУ-НКВД-КГБ ПРОВОДИЛОСЬ ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОЕ ИСТРЕБЛЕНИЕ ЛУЧШЕЙ, ДУМАЮЩЕЙ ЧАСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ, ОСОБЕННО «КЛАССОВО ЧУЖДЫХ ЭЛЕМЕНТОВ» И «ИНАКОМЫСЛЯЩИХ». Это были и расстрел на месте, особенно в годы Гражданской войны, и заключение в тюрьму, и содержание в специальных концлагерях, и насильственный труд, и различного рода административные наказания в виде отлучения от профессии, запрещения жить в больших городах, конфискации имущества и т. д.

Первый концлагерь на территории республики (тогда ещё Казанской губернии) был создан в 1918 году в Свияжске. Позднее он продолжал существовать под названием «Волжлаг». В следующем 1919 году ещё более вместительный «исправительно-трудовой» лагерь был создан в Казани. А там и пошло. До начала XXI века на территории Татарстана располагались десять колоний для заключённых. Достаточно вспомнить хотя бы знаменитую Чистопольскую тюрьму для политзаключён-

ных. Но больше всего лагерей «архипелага ГУЛАГ» было расположено в соседних Мордовской, Марийской и Коми республиках.

Одной из самых опасных профессий в годы репрессий было ремесло писателя. Вместе с известным писателем и литературоведом, ныне покойным Раисом Даутовым мы подсчитали, что всего репрессиям подверглось около пятидесяти татарских писателей. В первую очередь брали самых знаменитых, самых выдающихся. Так, в августе 1934 года делегатами I съезда писателей СССР были избраны семь самых крупных татарских мастеров пера: Кави Наджми, Хасан Туфан, Лябиб Гильми, Гумер Тулумбайский, Фатих Сайфи-Казанлы, Галимджан Нигмати и Карим Тинчурин. Ни один из них не избежал ареста, пыток, издевательств. Выжили лишь двое (Х. Туфан и К. Наджми), остальные погибли в лагерях или были расстреляны.

В 1938 году из 23 членов и 15 кандидатов в члены Союза писателей Татарстана нетронутыми остались всего 9 человек. Остальных либо расстреляли сразу, либо осудили на длительные сроки заключения. Но помимо Казани, татарских писателей арестовывали и сажали и в других городах и всях – Москве, Уфе, Ленинграде и др.

В неопикуемых муках...

Незабвенный Владимир Ильич писал в своё время: «Кругом со страшным грохотом и треском надламывается и разваливается старое, и рядом в неопикуемых муках рождается новое... России пришлось особенно отчётливо наблюдать, особенно остро и мучительно переживать наиболее крутые из крутых изломов истории, поворачивающей от империализма к коммунистической революции» (В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 36. С. 78–79). Эти сло-

ва цитировались часто, но об упомянутых вождём пролетариата «неописуемых муках» предпочитали не распространяться. Да и кто обрёк Россию на эти муки и страдания, кто толкнул её на крутой перелом истории?

В татарской народной песне (в своё время за неё сажали) поётся:

Ленин-бабай маңгай чечен
Ал тасма белән үргән.
Кырык яшьтә дөнья болгап,
Илле яшендә үлгән.
(Дедушка Ленин волосы на лбу
Заплетал алой лентой.
В сорок лет он переворошил мир,
А в пятьдесят скончался.)

108

Да, в народе не ошибались насчёт авторства тех «неописуемых мук», превосходящих по своим масштабам гигантские природные катаклизмы вроде землетрясений, цунами или наводнений, на которые обрекла Россию Октябрьская революция.

Эти потрясения особенно болезненно ударили по просвещённой части населения республики. В постановлении совещания ЦК ВКП(б) с работниками национальных республик в июне 1923 года говорится: «Окраины настолько бедны местными интеллигентными работниками, что каждый из них должен быть привлекаем на сторону советской власти всеми силами». Но это – на словах. А на деле уже с первых лет советской власти шло планомерное уничтожение сначала старой, «буржуазной», а потом и новой «пролетарской» интеллигенции. У многих народов национальных окраин своей интеллигенции действительно не было или были считанные единицы. У татар же она была, причём довольно многочисленная. Но судьба её сложилась трагически. Сейчас общепризнано, что татарская литература, имеющая многовековую историю, но с разгромом Казанского ханства практически задавленная и ушедшая в подполье, после Первой российской революции 1905 года испытала мощный подъём, своего рода ренессанс. Начали издаваться десятки газет и журналов. Причём не только в Казани, но и в

добром десятке других городов – Уфе, Астрахани, Троицке, Москве, Петербурге и др. Оживилось издательское дело. До 1913 года у нас издавалось больше книг на татарском языке, чем в годы советской власти. Писатели начала XX века были подлинными просветителями своего народа, мыслителями широкого плана. Создавались романы и повести на современные темы. Писались и ставились пьесы, возник татарский профессиональный театр. Народный язык, пришедший на смену старописьменному «тюрки», проникал и в лирику, и в прозу, и особенно в драматургию. Возникла своя национальная педагогика, свободная от официальных догм, так как сельские медресе и мектебы содержались на народные деньги. Печатались школьные учебники и хрестоматии на татарском языке.

Большинство татарских писателей в дореволюционные годы были активными участниками революционно-демократических движений или стояли близко к ним. Именно они – прогрессивно мыслящие и демократически настроенные литераторы – направляли литературный процесс в ту эпоху. Особо подчёркиваю, что в дореволюционные годы журналистика и писательское дело достигли в районах компактного проживания татар вполне профессионального уровня. Литература для татарского народа была и политической трибуной, и выражением философской мысли, и своего рода кодексом общественного мнения. Особенно высокого развития достигла поэзия. Под пером гениального Тукая и ряда талантливых поэтов его окружения она стала определяющей формой национальной духовной жизни.

В татарской литературе начала века специалисты выделяют просветительское направление, течение критического реализма, романтизм и даже элементы модернизма и декаданса. Это и неудивительно, ибо практически все татарские писатели знали русский язык и активно приобщались к идеям русской революционной демократии. Они не только старались просвещать свой на-

род и приобщать его к достижениям мировой культуры, но и стояли во главе борьбы против национального гнёта. Признанными лидерами этого национально-демократического движения после Тукая были Гаяз Исхаки и Галимджан Ибрагимов.

Как сложились судьбы татарских писателей, начавших свой творческий путь до Октябрьской революции? Их можно разделить на три группы.

Первая, самая немногочисленная, – так называемые белоэмигранты: Гаяз Исхаки, Заки Валиди, Садри Максуди и др. Они потеряли родину, читателя, прежний авторитет и влияние, зато сохранили жизнь и дожили до глубокой старости.

Вторая – внутренние эмигранты, те, кто не смог или не захотел уехать. Это Ф. Амирхан, Дэрдменд, Дж. Валиди, Г. Рахим, С. Джалалял и некоторые другие. Они не приняли новую власть и не поддаживались под неё. Они тоже вынуждены были отойти от литературы. Но это не спасло их от репрессий. Арестов избежали только те, кто «своевременно» умер своей смертью или затерялся где-нибудь в пустынях Средней Азии.

И, наконец, третья, самая многочисленная группа – те, кто нашёл общий язык с новой властью: М. Гафури, Г. Ибрагимов, Г. Камал, Ш. Камал и др. Большинству из них тоже не удалось избежать репрессий. В двадцатые годы минувшего века, когда восторжествовали рапповские взгляды «классового подхода» к литературному процессу, идея преемственности литературного движения начисто отвергалась. Те, кто стоял за продолжение лучших демократических традиций национальной литературы, были объявлены сторонниками «теории единого потока». Новоявленные адепты «пролетарской литературы» утверждали, что нельзя, мол, воспринимать дореволюционную литературу без социальной дифференциации, исходя только из национальной принадлежности. По их мнению, вместе с прежней литературой в массы проникают и идеи

прошлого. Больше того, безапелляционно заявлялось, что все, кто печатался в буржуазных газетах и издательствах, «не может не быть буржуазным писателем». Тем самым готовились и теоретические обоснования массовых репрессий прежней национальной интеллигенции.

Впрочем, было бы неправомерно сваливать все наступившие вскоре беды только на пролеткультивцев и рапповцев. Да, их организации в Татарстане причинили немало общественного вреда и человеческого горя. Но за всем этим стояла политика большевистской партии и реальная практика её карательного органа – ГПУ. Тут мне хочется привести ещё одну цитату из «вечно живого» ленинского наследия: «Мы, большевики, ведя русский народ на революцию, прекрасно знали, что эта революция будет мучительной, знали, что мы понесём миллионы жертв, но мы знали, что трудящиеся массы всех стран будут за нас и что наша правда, разоблачив всю ложь, будет всё больше и больше побеждать» (В.И. Ленин. ПСС. Т. 40. С. 173).

Из ленинских слов вытекает, что большевики прекрасно знали, на что идут. Знали, что потребуются «миллионы жертв». Но готовы были пойти на это ради «прекрасного будущего». А вот сейчас мы, представители этого «прекрасного будущего», осуждаем эту политику и считаем, что никакая высокая цель не оправдывает преступные средства.

Так вот – о жертвах, безвинных и напрасных, коих и вправду были миллионы.

Первые жертвы режима

Вспоминается давний разговор с Хасаном Туфаном. Говоря о дореволюционной татарской поэзии, я неосторожно заметил: «Кого в те годы можно было

поставить рядом с Тукаем? Никого!» Хасан-абый встрепенулся: «Как никого? А Бабич? На мой взгляд, он по силе своего таланта ничуть не уступал Тукаю, а в дальнейшем мог бы и превзойти его. Если бы не погиб в 24 года...»

В «Краткой энциклопедии Башкортостана» Шаехзаде Бабич назван «классиком национальной поэзии», продолжателем традиций Тукая и Дэрдменда, одним из первых, кто начал писать стихи не только на татарском, но и на башкирском языке. А о его трагической гибели сообщается так: «28 марта 1919 года в с. Зилаир по произволу командиров Красной армии был зверски убит». Эта гибель последовала спустя месяц после того, как Бабич напечатал в виде листовок своё стихотворное послание к башкирскому народу, в котором призывал башкирское войско перейти на сторону большевиков. Но оговаривался при этом, что большевики залили кровью всю Башкирию и верить им можно с трудом. За что и поплатился.

Другим значительным поэтом из ближайшего окружения Тукая татарское литературоведение считает Сагита Сунчелея. Он был не только одним из лучших друзей Габдуллы, но и замечательным поэтом романтического склада. Именно ему критики того времени прочили лавры первого поэта дореволюционной поры и продолжателя тукаевских традиций. И именно он, Сагит Сунчелей, выразивший полную готовность сотрудничать с большевистским режимом и напечатавший несколько сборников революционных стихов, стал одной из первых жертв сталинского режима. Первый раз его арестовали в 1927 году, обвинив в «султангалиевщине». Выпустили за отсутствием улик. А в 1929 году «замели» уже основательно, судили на закрытой коллегии ОГПУ (без привлечения сторон, то есть без адвокатов и даже каких-либо свидетелей или документов) и приговорили к высшей мере наказания. Тогда, правда, приговоры ещё не приводились в исполнение немедленно. Высшая власть, сми-

ловившись, заменила расстрел на десять лет «исправительных работ». Но в 1937 году, когда срок заключения Сунчелея на Соловках уже подходил к концу, его расстреляли вместе с другими «султангалиевцами».

Всего по сфабрикованному делу «султангалиевцев» в первую волну репрессий было арестовано 77 человек. Среди них, помимо Сунчелея, были такие известные татарские литераторы, как Ф. Агеев, Х. Атласи, Г. Мансуров, И. Терегулов, Гальгаф (Нургали Галеев) и др. Судьба всех сложилась трагически, никто из них не выжил.

Писатель Рабит Батулла проследил судьбу другого ближайшего друга Тукая, поэта, прозаика, драматурга и публициста Хабира Бакира. Именно он, Х. Бакир, в годы первой русской революции организовал выпуск первой газеты на татарском языке «Нур». А после революции, оценив обстановку, отошёл от литературы и уехал в Среднюю Азию. Но недремлющее око ГПУ разыскало его и в 1926 году арестовало. Поначалу его сослали в Минусинск, и Х. Бакир «имел честь» жить в том самом доме, где когда-то отбывал ссылку Ленин. Отбыв срок, вернулся к родным. Но спустя пару лет его снова арестовали и отправили на Соловки. Каким-то чудом Х. Бакир выжил, полностью отбыл свой срок. Но домой вернуться ему не дали, снова отправили – теперь уже в сибирскую ссылку. После неё он вернулся в Самару к жене и детям, но здоровье его было подорвано. Он долго болел и в 1944 году скончался. Как рассказывают родные, через несколько дней после похорон энкавэдэшники снова заявили к нему домой, чтобы арестовать «классового врага». Но маленько опоздали...

Среди немногих чудом выживших «султангалиевцев» – знаменитый скульптор и художник Баки Урманче и литератор-публицист и общественный деятель Махмут Будаيلي. Урманче выжил благодаря тому, что, отсидев свой срок на Соловках, уехал в Среднюю Азию, переезжал с места на место и как-то

Татарский «философский пароход»

сумел избежать повторного ареста. А Будаили в общей сложности провёл в заключении и ссылке четверть века. Я встречался с ним в шестидесятые годы, и он рассказывал мне, что был осуждён на вечную ссылку. Фактически – на полное уничтожение. Но он либо устраивался куда-нибудь бухгалтером, либо, если не было работы, шёл прилаком к какой-нибудь многодетной вдове. Уполномоченный КГБ, видя, что он всё ещё жив, срывал его с насиженного места и отсылал в другой глухой угол. А он находил другую вдову – их в Сибири тоже хватало. Так и выжил...

Дело «султангалиевцев» непосредственно коснулось и моей семьи. Мой дядя, родной брат отца моей матери Исхак Амиров, бедняк из бедняков, был одним из самых первых активистов села Керале Камско-Устьинского кантона Татарии. Он ратовал за новую власть, боролся с баями, разоблачал мулл. Создал первую в кантоне комсомольскую, а затем и партийную ячейку. Его заметили, взяли в обком партии. А в 1929 году арестовали, и он сгинул бесследно. Вся его вина заключалась в том, что некоторое время он работал под началом Мирсаида Султан-Галиева – личного врага Сталина. Мама рассказывает, что её любимый Исхак-абый только что женился на изумительно красивой, умной и покладистой девушке. После ареста мужа её выгнали с работы, выселили из казанской квартиры, допрашивали и тоже собирались арестовать. А она всем сердцем любила мужа и от горя тихо помешалась. Скиталась по вокзалам и базарам и где-то пропала. Сколько было таких трагедий – не счесть. Позднее, во время новой, куда более мощной волны арестов середины тридцатых годов по надуманному обвинению в «султангалиевщине» были арестованы, расстреляны и превращены в лагерную пыль уже многие тысячи...

Как известно, почти всю думающую верхушку российской интеллигенции по распоряжению Ленина выселили из страны на знаменитом «философском пароходе». Причём пароход был не один...

У нас в Татарстане роль такого «парохода» сыграли органы ГПУ, которые провели в конце двадцатых – начале тридцатых годов основательную «чистку» республики от «буржуазной интеллигенции». Это произошло во время всё той же мощной волны арестов вскоре после укрепления диктатуры Сталина (1929–1932 годы). В отличие от второй волны середины тридцатых годов, которая в первую очередь ударила по партийной номенклатуре, во время первой больше всего пострадали представители творческой интеллигенции. В мае 1931 года арестовали таких крупных писателей, начавших свой творческий путь ещё до Октября, как Джамал Валиди, Садри Джалал, Гали Рахим и др. Джамал Валиди, не выдержав пыток, пытался покончить с собой и выбросился из тюремного окна третьего этажа. Но не умер сразу, сильно покалечился и вскоре скончался в тюремной больнице. Садри Джалал и до ареста был тяжело болен – у него был прогрессирующий паралич. Его взяли с больницы койки и поместили в тюремную лечебницу. Там он и умер. Гали Рахим ослеп в заключении и скончался вскоре после выхода из тюрьмы в нищете и безвестности.

В архивах КГБ сохранилось несколько томов обвинительных материалов по делу этой группы национальной интеллигенции. По ним видно, что в первые послереволюционные годы в республике были «инакомыслящие» – диссиденты 1920-х годов. Они выступали против смены традиционного арабского алфа-

вита на латиницу, за сохранение культурного наследия (один из главных пунктов обвинения), не во всем соглашались с политикой большевиков. В частности, Дж. Валиди на допросах говорил, что он вовсе не против советской власти, но против бессудных арестов, расстрелов и репрессий, так как они не приносят пользы новой власти, а только дискредитируют политику большевистской партии. Не против колхозов, а против насильственной коллективизации раскулачивания. Не против национальной политики партии, а против ее искажения, выражающегося в полном искоренении всего дореволюционного прошлого. И с национальной интеллигенцией, по его мнению, надо бы обращаться потактичнее, побережней, так как она не имеет никакого отношения к вредительству и готова сотрудничать с новой властью. Всё это было истолковано следствием как антисоветская пропаганда.

В годы советской власти в научных трудах и учебниках, написанных уже после реабилитации Дж. Валиди, с сожалением отмечалось, что он не был революционером-демократом, как многие другие татарские писатели. Это верно. Во время допросов на следствии писатель прямо говорил, что, по его мнению, всякая революция преступна и безнравственна. В том числе и Октябрьская. Он полагал, что, по возможности, надо избегать такого рода катаклизмов. Кроме трагедий для целых поколений простых людей они ничего не приносят.

Думаю, если бы остался жив Тукай, его ожидала бы примерно та же участь – он придерживался такого же мнения.

Иногда говорят, что у нас не было альтернативы и Октябрьская революция со всеми её бедами, голодомором и взаимными убийствами была фатально неизбежной. Но дело Дж. Валиди убеждает, что альтернатива была. Страна вполне могла пойти другим путем, менее болезненным и более плодотворным. Выбрали наихудший вариант из всех возможных.

В эту волну арестов попали практически все писатели, начавшие свой творческий путь в дооктябрьские годы, за исключением тех, повторю, кто сумел эмигрировать за границу или бежать куда-нибудь в отдаленные среднеазиатские кишлаки, где ещё не было паспортной системы. Это были талантливые писатели, своеобразно мыслящие, одержимые стремлением служить своему народу, но в одночасье оказавшиеся вне закона. С ними могли делать все, что угодно, – травить в печати, вытирать о них ноги, убивать сначала морально, а потом и физически.

Читаешь периодическую прессу тех лет и видишь, как не в меру рьяные сторонники новой власти обкладывают их со всех сторон, как волков. Кое-кто пытался нажить себе политический капитал на их травле, не думая о том, что вскоре наступит и его черед...

Но разносные статьи – это ещё не самое страшное. Страшное наступило, когда дело взяло в свои руки ГПУ.

Я давно догадывался, что эти аресты проводились планомерно и целенаправленно. Мои подозрения вскоре подтвердились, хотя и неофициальными источниками.

Лет десять назад я лежал в больнице и оказался в одной палате с дряхлым стариком, которому тогда было уже далеко за восемьдесят. Старик поразили меня своим прекрасным знанием татарской литературы, особенно старой, дореволюционной. Он помнил не только чуть ли не все конкретные произведения писателей, но даже такие факты их биографии, которые не найдешь и в специальной литературе.

О своём прошлом старик говорил неохотно. Но всё же выяснилось, что он был штатным сотрудником «органов». В минуты откровенности старик признался, что вырос в зажиточной крестьянской семье, учился в медресе, много читал и вообще интересовался литературой. В годы коллективизации их семью раскулачили и сослали в Сибирь на уничтожение. Никто из этой многодетной трудовой семьи, кроме

него, не выжил. А он выжил только потому, что вскоре после ареста с ним беседовал один из высокопоставленных сотрудников ГПУ. Выяснил, что он знает арабский шрифт, разбирается в татарской литературе, и предложил пойти к ним на службу.

Выбора у него не было, и он согласился. «Я никого не расстреливал, не пытал и даже не допрашивал, – говорил старик. – Я только читал старые книги, газеты, журналы и выявлял тех, кто печатался в «буржуазной прессе». А что было потом, это меня уже не касается...».

ГПУ, в свою очередь, было лишь карательным орудием в руках руководящей и направляющей партии. Она же проводила в Татарстане весьма тонкую политику: разделить национальную интеллигенцию на «правых» и «левых», стравить их между собой так, чтобы руками одних расправиться с другими. А потом разделаться с «правыми» за то, что они «правые», с «левыми» – за то, что они «левые». Кстати говоря, Дж. Валиди, судя по материалам его дела, уже тогда чувствовал опасность подобного разделения и не примыкал ни к «правым», ни к «левым». А на вопрос следователя «Почему?» отвечал: «Не вижу между ними особой разницы». Себя и своих арестованных товарищей он называл «писателями, которые были когда-то». Он, правда, писал и в первые годы советской власти. Но его уже не печатали. А во время ареста отобрали 25 килограммов готовых рукописей. Всё это впоследствии исчезло бесследно. Как и предполагал Дж. Валиди, вал времени прошел через их головы и покатился дальше.

Когда я листал несколько томов крепко сшитых и пронумерованных документов обвинительного дела, я размышлял о верящих и неверящих. Верящие впоследствии, после разоблачения культа личности, говорили: «Мы верили всему, что нам говорила партия». Иными словами, они были простаками, позволившими оболванить себя. Но в ту же эпоху и при тех же обстоятель-

ствах были и другие, которые шли против течения. И у тех, и у других судьба сложилась в общем-то одинаково. Верящих, то есть «левых», тоже пересажали во второй вал репрессий в середине тридцатых годов. И всё-таки гораздо большее уважение у нас, потомков, вызывают неверящие. Так, Дж. Валиди не захотел жить в таком обществе и предпочел покончить с собой. Он предчувствовал, видимо, что идёт своего рода репетиция, подготовка к большому фарсу, вернее – общенациональной трагедии. В написанной от руки по поручению следователя объяснительной записке Дж. Валиди прямо говорит, что не признаёт теории обострения классовой борьбы по мере нашего продвижения к будущему коммунистическому обществу, поскольку эта теория оправдывает массовые репрессии. Больше того, он не верил в то, что к светлой цели можно прийти через насилие, через горе и несчастье масс.

Точка зрения Дж. Валиди расходится не только с официальной, но и с мировоззрением таких татарских писателей, как Г. Ибрагимов, Х. Такташ, К. Наджми, М. Джалиль и др. Неверящие почти все погибли, но сохранили при этом чувство собственного достоинства. Таковы уроки истории.

Перечитывая сегодня свежим взглядом литературно-критические и публицистические выступления таких ведущих критиков и общественных деятелей того времени, как Г. Ибрагимов, Г. Гали, Г. Нигмати, Г. Тулумбайский, Л. Гильми и др., ясно видишь оправдание и даже пропаганду насилия. Революционного, классового, благородного, пролетарского, но всё-таки насилия. А насилие, став легальным, государственным, общепризнанным, приводит к самым непредсказуемым последствиям, оборачиваясь и против тех, кто его провозглашал и культивировал.

Форменное насилие осуществлялось по отношению к служителям религиозного культа. Как стало известно в последние годы, в двадцатых – начале тридцатых годов в СССР было закрыто

14 тысяч мечетей, что составляет 99 процентов от всех существовавших прежде. 30 тысяч мусульманских священнослужителей были лишены гражданских прав, арестованы или сосланы. Подавляющее большинство из них либо сразу были расстреляны, либо погибли в лагерях и тюрьмах. Преследованиям подвергались не только они сами, но и члены их семей. Сын или дочь муллы – это звучало как некое несмываемое клеймо, за которое могли снять с работы, отлучить от любимой профессии, посадить в тюрьму.

Но, пожалуй, самое массовое и ничем не объяснимое насилие применялось по отношению к крестьянству. В годы коллективизации 10 миллионов более или менее зажиточных, то есть самых трудолюбивых, трезвых и смекалистых, крестьянских семей России подверглись раскулачиванию. У них конфисковали все имущество, как движимое, так и недвижимое, а самих вместе с семьями сослали в Сибирь или в другие отдаленные области.

Как правило, эшелоны с раскулаченными выгружали где-нибудь в тайге прямо на снег, помещали в специальные лагеря, огороженные колючей проволокой. Ни в чем неповинные люди, в том числе старики, женщины, малые дети, в массовом порядке гибли от голода и холода. Сам Сталин позднее признавал, что в ходе раскулачивания погибло примерно пять миллионов крестьян. Так уничтожался генофонд нации.

Зуд разоблачительства

У каждой эпохи свой колорит, нравы, обычаи. Самой характерной чертой конца 20-х – начала 30-х годов можно назвать глубоко проникший в сознание зуд разоблачительства. Читая газеты тех лет, диву даешься: кого только не разоблачали «неистовые ревнители» чистоты пролетарской идеологии! И каких только смертных грехов не навешивали!

В качестве наглядного примера можно привести нашумевшую и вошедшую в историю татарской литературы эпопею джидегановцев. Джидеган в переводе с татарского означает «семизвездье». Так у татар называют Большую Медведицу. А в 1929 году так именовали «антисоветскую контрреволюционную» (иные даже добавляли эпитет «фашистскую») группу писателей.

В 1929 году писатели Адель Кутуй и Габдрахман Минский приехали в Уфу. Там же в это время находились Наки Исанбет и Тухфат Ченекай. Встречались с башкирскими писателями, делились планами и замыслами, устраивали дружеские застолья. И вот во время одной из таких пирушек кто-то из писателей предложил: «Давайте жить дружно! Помогать друг другу в издании книг, обмениваться опытом и вообще...». Вот, собственно, и весь криминал.

Ну, собрались, поговорили, выпили изрядно и разъехались. На этом бы, собственно, дело и кончилось, если бы не Т. Ченекай. Этот весьма средний, можно сказать неудавшийся поэт выступил в печати с разоблачительным письмом. Вот, дескать, такие-то и такие-то писатели образовали изолированную «мелкобуржуазную» группу и обязались во всем поддерживать друг друга. А я, мол, против подобной групповщины и обособленности и заявляю о выходе из этой группы.

Что тут началось! Практически вся официальная печать того времени (а другой тогда и не было) подняла дружный крик. Группу тут же объявили заговорщиками, вынашивающими «подлые», «антисоветские» планы. Дело дошло до обкома партии, принявшего по этому поводу специальное постановление. Не остался в стороне и НКВД.

Дело доходило до смешного. В семизвездье, само собой, должно быть семь звезд. А их поначалу было только пятеро: А. Кутуй (его объявили главарем и главным зачинщиком), Т. Минский, Т. Ченекай и башкирские писатели С. Агиш и С. Кудаш. По указанию обкома шестым приписали Наки Исанбета,

Литературный процесс 20–30-х годов

ибо он тоже был в это время в Уфе, хотя и не участвовал в той злополучной пирушке. А вот с седьмым получилась заковыка. Одни предлагали считать седьмым Хади Такташа. Но он не только не был в Уфе, но и сам выступил с решительным разоблачением джидегановцев. Не пожалел даже своего лучшего друга А. Кутуя. И вот критики и писатели упражняются в том, кого считать седьмым: Ф. Бурнаша или М. Будаили, Гальгафа или Г. Рахима? Почти два года татарская пресса шумела об этом...

Однако самим джидегановцам было не до смеха. Их не только полоскали в печати, обвиняя во всех смертных грехах, но и сняли с работы, перестали печатать, а затем и арестовали. В тюрьме их старательно и умело стравливали друг с другом, заставляя давать разоблачительные показания. Внушали: если ты не разоблачаешь других значит, сам замаскировавшийся враг. Мало кто мог устоять против такого напора в тюремной камере, под угрозой расстрела... Эти показания теперь опубликованы и рисуют весьма неприглядную картину...

Но как ни старались заплечных дел мастера, обвинить джидегановцев практически было не в чем. Никто из них ни сном ни духом ни о чем крамольном даже не заикался. Дело кончилось пшиком: всех арестованных оправдали и выпустили из тюрьмы. Но биографии им успели подпортить – джидегановцев долго не печатали, не брали на работу, многие вынуждены были уехать из Казани.

А НКВД из этого неудачного опыта сделало единственно приемлемый вывод: если хочешь обвинить кого-то, не надо доискиваться истины. Главное – добиться личного признания. Любой ценой!

Когда сейчас, спустя три четверти века, листаешь пожелтевшие газетные подшивки конца 20-х – начала 30-х годов, создается впечатление, что писатели сами готовили почву для большого террора.

Один из «неистовых ревнителей» чистоты пролетарской идеологии Кави Наджми в одном из своих выступлений разделил всех своих коллег по перу на две группы (статья «В татарской пролетарской литературе начался великий перелом» / «Татар пролетар әдәбиятында бәек борылыш башланды». См.: Атака. 1930. № 8–9.). В группу «А», то есть «чистых», или «левых», он включил писателей, начавших свой путь еще до Октября, но безоговорочно принявших советскую власть. Это Г. Ибрагимов, Ф. Сайфи-Казанлы, Ш. Камал, М. Гали, К. Тинчурин и др. В группу «Б» («нечистые», или «правые») вошли Ф. Амирхан, Дәрдмәнд, С. Рамиев, Н. Думави, Н. Исанбет, С. Джалал, Т. Ченекай и др.

По логике его рассуждений получалось, что право на существование в литературе имеют только писатели группы «А», плюс молодые пролетарские писатели, к которым он причислял себя и некоторых своих товарищей по перу. Писателей же группы «Б» он назвал буржуазными, всем ходом истории обреченными на гибель. Скорее всего К. Наджми имел в виду не физическое уничтожение коллег по перу. Но многие его положения и выводы впоследствии прямоиком перековывали в обвинительные заключения.

Кави Наджми был вовсе не одинок и не оригинален в своих рассуждениях. Так, критик Г. Нигмати, анализируя в одной из своих статей дореволюционные и послереволюционные произведения Г. Газиза, М. Гали, С. Джалала и

ряда других, пришел к выводу, что «революцией от их произведений даже не пахнет». В общем-то он был недалек от истины. Но в те годы эта истина звучала как смертный приговор. С Нигмати был полностью солидарен другой крупный писатель и общественный деятель той эпохи Ф. Сайфи-Казанлы. Он считал, что часть дореволюционных татарских писателей «осталась по ту сторону баррикад» и с ними надо беспощадно бороться. Называл конкретные имена. Другую часть Сайфи-Казанлы относил к внутренней эмиграции и также отлучал их от литературы, ибо они, по его словам, «хотят использовать плоды пролетарской революции в своих буржуазных целях». К этому хору присоединились многие видные деятели той эпохи – С. Атнагулов, Г. Тулумбайский, даже Г. Ибрагимов. Во многих выступлениях предлагалось расширить список «нечистых», присоединив к ним Ф. Карими, Г. Газиза, Г. Рахима, Г. Ша-рафа и др.

Возникает вопрос: что двигало разоблачителями? Приспособленчество, карьеризм, желание погреть руки на костре классовой борьбы? Или же искреннее заблуждение, подлинная вера в идеалы пролетарской революции? Вероятно, и то, и другое. Причем в каждом конкретном случае это соотношение было различным. Были и просто запуганные, вынужденные примкнуть к общему течению.

Как уже говорилось выше, судьба как «чистых», так и «нечистых» сложилась примерно одинаково, просто одни раньше попали под жернова репрессий, другие чуть позже. Шанс выжить получили лишь те, кто своевременно «залег на дно» и уехал подальше: Н. Думави, М. Укмаси, З. Ярмэки и др. Они сохранили жизнь, но убили в себе литераторов. Впрочем, и это не всегда помогало. Так, известный писатель З.Башири после революции почти полностью отошел от литературного творчества, уехал сначала в Казахстан, потом в Ташкент, переезжал с места на место. Но караю-

щая рука органов все равно настигла его в 1938 году, он был репрессирован. Впрочем, чудом выжил, дождался реабилитации и умер своей смертью в 1962 году, прожив более семидесяти лет.

Это разделение на «чистых» и «нечистых» позволяет трезвее взглянуть на литературный процесс тех лет, яснее увидеть дежурный оптимизм официальной литературы и молчаливый протест немногих. Казенного единомыслия в двадцатые годы не было. Более того, существовало нравственное сопротивление установлению тоталитарного режима и диктаторской власти Сталина. Дореволюционное поколение татарских писателей мыслило более здраво, чем послереволюционное. У них не было показного энтузиазма и готовности кричать «ура!», вытанувшись по стойке смирно.

«Чистые» же придерживались совсем другой этики, полагали, что всё «буржуазное», старое, отжившее должно быть беспощадно отброшено, как чуждое «гегемону революции». Они исходили из того, что защита классовых интересов оправдывает все – любую гнусность, убийства, преступления против человечества. Многие из них хотели нажать себе политический капитал на разоблачении «классово чуждых элементов». Но при этом не подозревали, что роют могилу самим себе.

«Нечистые» тоже испытывали страх перед карающей рукой режима. Однако этот страх не парализовал их душу. И они, рискуя жизнью, пытались сохранить человеческий облик, противостоять произволу и начавшемуся беззаконию хотя бы тем, что не поддерживали преследования по классовым мотивам.

Да, они тоже вынуждены были порою идти на какие-то компромиссы, но лишь до определенного предела, дальше которого начиналась уже потеря достоинства, разрушение личности. На это они не шли. Но именно тех, кто не терпел дежурной фальши, вырезали в первую очередь.

Вторая волна

После того как старую интеллигенцию, в том числе писателей, начавших свой творческий путь до революции, практически почти всю пересажали и частично уничтожили, настала очередь новой «пролетарской» творческой элиты.

Во второй половине 20-х годов на небосклоне татарской литературы, по меткому замечанию талантливой критика Галимджана Нигмати (впоследствии также ставшего жертвой репрессий и погибшего в сталинских лагерях), блистало пять наиболее ярких звезд. Это Кави Наджми, Хади Такташ, Хасан Туфан, Гумер Тулумбайский, Адель Кутуй.

Хади Такташ умер своей смертью ещё в 1931 году и тем самым избежал репрессий (хотя в свое время его «разоблачали», называли «кулацким соловьем», судили на литературных судах, не раз снимали с работы и подвергали всяческим преследованиям). Адель Кутуй был также «разоблачен» как «джи-дегановец» и в тридцатые годы практически отошёл от литературы. Видимо, это его и спасло. Г. Тулумбайский в 1937 году был арестован и погиб в заключении. Х. Туфана арестовали чуть позже, в 1940 году. В Казань он вернулся только в 1956 году, проведя пятнадцать лет в заключении и сибирской ссылке.

Вовсе не случайно, что в этом списке первым назван Кави Наджми. Он и в самом деле был в это время признанным лидером татарских писателей: возглавлял сначала ТАПП (Татарскую ассоциацию пролетарских писателей), затем с 1934 года вновь созданный Союз писателей Татарстана и одновременно редактировал единственный в республике литературный журнал «Атака». К. Наджми выступал на I съезде писателей СССР с докладом о татарской литературе, поддерживал тесные деловые и дружеские связи с такими русскими писателями, как Максим Горький, Алексей Толстой и др. В Постанов-

лении бюро Татарского обкома ВКП(б) от 23 сентября 1930 года он назван «одним из наиболее выдержанных литераторов из татар» и единственным достойным занимать высокий пост руководителя татарской писательской организации. И именно против него было направлено острие удара с началом второй волны репрессий.

27 октября 1936 года бюро Татарского обкома ВКП(б) объявило К. Наджми строгий выговор «за либеральное отношение к примазавшимся к литературному фронту элементам, за отсутствие активной борьбы против идеологических извращений». Дело в том, что аресты среди писателей Татарии в это время уже начались, репрессировали таких «пролетарских» писателей, как Ф. Сайфи-Казанлы, Г. Гали и др. Но сделано это было органами НКВД помимо К. Наджми и даже при его некотором молчаливом сопротивлении. Постановление обкома прямо обязывало председателя писательской организации «систематически и последовательно разоблачать врагов пролетариата, всяческие проявления буржуазного национализма». К слову сказать, авторов этого постановления, включая первых секретарей ОК, тоже вскоре арестовали и расстреляли.

Тем не менее К. Наджми, при всей своей идеологической выдержанности и преданности советской власти, не желал включаться в раздутую по всей стране кампанию по разоблачению своих коллег по перу и соратников по убеждениям.

Тогда областной комитет ВКП(б) создал специальную комиссию во главе с Тухфатом Имамединовым. В нее вошли старейший писатель Шариф Камал и двое более молодых «ревнителей»: Лябиб Гильми и Газиз Иделле (Усманов). Комиссия работала целых три месяца. Копались в биографии каждого, взвешивали каждое слово, пытались отыскать в нём скрытый антисоветский смысл. Ш. Камал не особенно усердствовал и редко присутствовал на заседаниях комиссии. Молодые же ста-

рались всюю. Впрочем, им это не помогло – оба были впоследствии репрессированы как враги народа.

Результаты работы комиссии обкома обсуждались на писательском собрании, которое продолжалось с 28 апреля по 5 мая 1937 года. Это было самое продолжительное и самое грязное собрание в истории нашей писательской организации. Когда читаешь протокол этого собрания, волосы встают дыбом – в чём только не обвиняли писатели друг друга! Скажем, тому же К. Наджми в докладе Т. Имаметдинова было предъявлено тридцать пунктов обвинения – от чуждого классового происхождения до пропаганды антисоветских настроений в художественных произведениях. Эти обвинения поддержал писатель Фатих Хусни (он выступал дважды), прямо назвавший К.Наджми «антисоветчиком» и «контрреволюционером». Помимо К.Наджми, такой же острой критике подверглись Х. Туфан, Г. Тулумбайский, А. Файзи, Ф. Карим, М. Джалиль и др. Вскоре их всех сначала исключили из Союза писателей, а потом и арестовали (за исключением А. Файзи и М. Джалиля, поскольку они жили в то время в Москве).

1937 год – чёрный год для молодой татарской советской литературы. В этот год арестовали три состава правления СП. Сначала правление во главе с К. Наджми. После него председателем поставили одного из самых активных разоблачителей – молодого и не в меру прыткого Л. Гильми. Через несколько месяцев забрали членов правления во главе с Л. Гильми, а его самого быстро расстреляли. Председателем правления был избран Мирсай Амир. К концу года арестовали и этот состав во главе с председателем Союза.

В чём же конкретно обвиняли писателей? Либо в «буржуазном национализме», либо в шпионаже в пользу империалистических держав (Германии, Англии, Франции, Японии), либо в подготовке «военного контрреволюционного мятежа» (К. Наджми, М. Амира и др.). Уцелели немногие...

В эту безнравственную эпоху многие писатели вели себя тоже безнравственно: писали друг на друга доносы, выступали с разоблачительными статьями в печати, всячески демонстрируя «революционную бдительность» и «классовую нетерпимость». Каждый втайне рассчитывал: лучше быть разоблачителем, чем разоблачённым. В результате гибли все, ибо «органам» только это и было нужно.

Вот конкретный пример. В архиве Союза писателей СССР сохранилось письмо Наки Исанбета, озаглавленное «О ликвидации вредительства в татарской литературе» и адресованное одному из секретарей Союза писателей СССР В. Ставскому (именно он ведал в Союзе кадрами и напрямую сотрудничал с НКВД). В этом грязном доносе «вредителями» названы 36 человек, в основном татарские писатели, практически все активно действовавшие в те годы. Вот как, например, автор характеризует Галимджана Ибрагимова, уже тогда признанного «живым классиком».

По словам Н. Исанбета, это «лидер эсеров», который, «сидя в Академическом центре, не только спланировал старые, махровые реакционные силы вроде Дж. Валиди, Г. Сагди, но и готовил, и в этом его основное вредительство, из тогдашних молодых писателей-коммунистов свои кадры. Эти кадры: Г. Гали, К. Наджми, Г. Тулумбай, С. Кудаш, Л. Гильми и др. Все впоследствии оказались врагами народа. С этими кадрами Г. Ибрагимов организовал поход против латинизации, выступил со своими тезисами против сталинского учения о национальной политике».

К слову, письмо написано в самый разгар репрессий 1937 года, когда часть названных им писателей была уже арестована, а часть ещё нет (например, Г. Ибрагимов). Автор письма требует немедленно арестовать и ликвидировать «оставшихся вредителей», в числе которых названы пока что не арестованные М. Амир, М. Галяу, М. Максуд, Хан Джамиль, З. Башири, М. Крымов, С. Кудаш, М. Джалиль, А. Файзи и др.

Доносу Н. Исанбета был дан ход, и большинство из названных им «вредителей на литературном фронте» было арестовано и «ликвидировано».

С этим письмом-доносом я познакомился в конце 80-х годов прошлого века. Наки-ага тогда был тяжело болен, и я не решился травмировать его. Но всё же при случае заговорил об этом с его женой Наджибой-ханум. Как же, мол, так? Такой большой писатель, популярный драматург, учёный-фольклорист, одним словом, энциклопедист, которого в народе называют неформальным академиком, и вдруг – такой грязный донос...

Наджиба-апа признала, что факт этот имел место, но это, мол, был упреждающий удар, своего рода способ самообороны. По её словам, Н. Исанбет в свое время сильно пострадал. Его облыжно разоблачали как джидегановца, выгнали из Союза писателей, не печатали. И вообще в 1937 году он был кандидатом № 1 на арест. Благодаря этому письму органы занялись расследованием других «вредителей», а сам Н. Исанбет уцелел...

Возможно, так же рассуждали и другие доносчики, которых было немало.

«Да, были хуже времена, но не было подлей...»

Я пишу о татарской литературе, но ведь массовые репрессии прокатились по всей стране. По подсчетам критика Ю. Белтова, всего в Союзе под жерновами репрессий погибло свыше тысячи писателей. Больше всего репрессии ударили по писателям национальных республик – примерно три четверти погибших, по словам того же Белтова, составляют писатели союзных и автономных республик. Ещё около тысячи писателей, подвергшихся репрессиям, были сломлены морально и физичес-

ки, но выжили. Татарская литература как-то устояла. Одних сажали, а на смену им приходили другие молодые таланты. А многие литературы малых народов так и не оправились после столь сокрушительного удара. Иногда можно услышать: «Хватит! Сколько можно о репрессиях? Ведь были и задутые дома, и новые прокатные станы... Если бы не железная воля великого вождя, мы вряд ли выиграли бы войну...» Да, у тоталитарного режима были и положительные стороны. Но отрицательное перевешивает. К тому же есть память, память народа. И она взыщет правды, какой бы горькой она ни была.

Сейчас общепризнано, что массовые репрессии стали возможны благодаря узурпации власти Сталиным. Это позволило вождю использовать чекистов в своих политических, а вернее, карьеристских целях, то есть для удержания власти любой ценой. Многие объясняют переходы тем, что Сталин был параноиком, подозрительным, мстительным и недобрым. Именно ему принадлежит ставшее знаменитым выражение: «Есть человек – есть проблема. Нет человека – нет проблемы». Некоторые историки полагают, что Сталин был платным агентом царской охранки и массовыми репрессиями пытался убрать из жизни всех тех, кто мог знать об этом.

Одними из первых жертв сталинщины стали те чекисты, которые пытались противиться начавшемуся беззаконию. Были таковые и в Татарстане. Так, оперуполномоченный УГБ младший лейтенант Сулейман Аухадеев в октябре 1937 года отказался участвовать в массовых расстрелах политических заключенных. Более того, доложил в Прокуратуру ТАССР о том, что имеются случаи зверского обращения с заключенными, а контроля за органами НКВД нет никакого. Дело кончилось тем, что самого Аухадеева засадили в тюрьму. Материалы об этом уже в годы перестройки обнаружил сотрудник КГБ РТ Р. Кашапов. Он же нашёл в архивах весьма любопытное письмо бывшего наркома

внутренних дел ТАССР В. Михайлова своему заместителю Шелудченко, написанное в самый разгар репрессий конца тридцатых годов. Нарком призывает своего зама увязывать все политические дела со шпионажем вне зависимости от доказательств. «Грош цена будет делу, если не получим выход за кордон, в частности – Японию, Германию...» Далее нарком советует: «Низовку (имеются в виду низовые организации сфабрикованных в Центре антисоветских контрреволюционных групп. – Р.М.) немедленно изъять, причём увязывая в группу человек 150–200. Надо вычистить, вылизать все корни татарского национального фашизма. Надо нанести сокрушительный удар. Одиночек брать только в крайнем случае. Не стоит последними загружаться».

Во второй половине тридцатых годов и в самом деле арестовывали скопом, формируя не существующие «антисоветские организации» из нескольких сотен человек. Такие групповые дела имели то преимущество, что легче выполнялся спущенный сверху план. Кроме того, если в группе из двухсот человек оказывался один действительно виновный (сжёг колхозный амбар, зарезал свою корову, чтобы не отдавать в колхоз, украл несколько килограммов зерна, сломал трактор или комбайн, да мало ли что!), то его объявляли конкретным исполнителем организованного вредительства, а остальных – членами преступной организации. Нарком перечисляет категории лиц, «подлежащих немедленному изъятию»: татарские националисты-фашисты, контрреволюционное духовенство, каратели, поляки, латыши, повстанцы и повстанческие группы». Как видим, людей сажали и расстреливали не за конкретную вину, а только за то, что они принадлежат к той или иной категории. А, скажем, националистом могли назвать уже за то, что пишешь на родном языке.

Нарком советует своему заместителю: «С этой публикой церемониться не следует». Они и не церемонились. Прimenяли пытки голодом, жаждой (неде-

лю ни капли воды), бессонницей (человека ставили на «конвейер», и следователи, сменяя друг друга, допрашивали его неделями, не давая уснуть ни на минуту). Одним из самых безобидных способов считалась «выстойка». Человека ставили лицом к стене, носки на плитусе, руки вверх. И так – несколько суток. Ноги распухали так, что невозможно было снять сапоги, и их приходилось разрезать по голенищам. Существовали ещё холодный и горячий карцер, заключение в ящик. Если и это не помогало, человека просто били, раздавливали половые органы, засовывали раскалённый шомпол в анальное отверстие, стискивали голову железным обручем, закручивая винты; иной раз забивали до смерти, как, например, Шамиля Усманова, доводили до сумасшествия, как Г. Тулумбайского. А Солженицын, прошедший через подобные круги ада, подчеркивал, что возможности человека не беспредельны. Под пытками человек может подписать всё, что угодно. Не зря же в цивилизованных странах показания, вырванные под пытками, не считаются юридическим доказательством. А у нас гэпэушники руководствовались принципом генерального прокурора Вышинского: личное признание – царица доказательств.

Нередко люди признавались в самых чудовищных преступлениях (подготовка покушения на «вождя народов», отравление городского водопровода, шпионаж и пр.), только чтобы прекратились невыносимые мучения. Надеялись на то, что суд во всем разберется. Но суда-то как раз и не было. Судили так называемые «тройки», уделяя каждому не более пятнадцати минут. Нередко в день судили по 150–200 человек, причём большинство приговаривалось к ВМН, то есть высшей мере наказания.

И далее В. Михайлов продолжает: «Я думаю, что по линии только контрреволюционных националистических формирований мы должны взять 2–3 тысячи. Я буду просить 5–8 тысяч человек, так как мы работали слабо и уча-

сток ещё не начат». Каково, а? Ведь речь идёт о перевыполнении плана по арестам и убийствам. Михайлов просто хотел выслужиться и вроде бы преуспел в этом. Но ему это не помогло – лишние свидетели режиму были ни к чему. И 1 февраля 1940 года военная коллегия Верховного суда СССР приговорила В. Михайлова и М. Шелудченко к расстрелу. Приговор был немедленно приведён в исполнение.

Казачьи-разбойники

В одной из своих книг известный публицист и историк Булат Султанбеков размышляет о психологии палачей. (См.: Не навреди. Казань, 1999). Репрессии тридцатых годов напоминали ему игру в казаки-разбойники. Одни – удалые казаки – азартно ловили других – мнимых разбойников. Сажали, мучили, расстреливали. Кровашки пустили целое море. Наигрались досыта – на сто лет вперед, так что историки до сих пор не могут подсчитать точное число жертв. Так, по сообщению газеты «Комсомольская правда» (10 июня 1997 г.), за один только 1937 год арестовано около 4 миллионов 700 тысяч человек (население небольшого западноевропейского государства). 800 тысяч из них приговорены к высшей мере наказания. Без права апелляции и пересмотра приговора. Но нередко роли менялись. И тогда самих казаков ловили как разбойников. Сажали, мучили, расстреливали.

Общая же численность погибших за годы советской власти в результате Гражданской войны, голода 1921 года, вызванного не столько жёсткой засухой, сколько продрозвёрсткой, раскулачиванием, рассказыванием и, особенно, политическими репрессиями исчисляется историками в 40 миллионов человек. Это сопоставимо с тем, сколько было в те годы взрослого населения в таких мощных европейских странах, как Германия или Франция.

Когда сажали самих палачей, они тут

же признавались в любых преступлениях, в том числе и в антисоветской деятельности, ибо отлично знали, что устоять против чудовищных пыток невозможно. Понимали, что лучше сразу принять смерть.

Среди палачей попадались явные садисты. Один из таких, Сунгатулла Курбанов, добивавшийся признания в кратчайшие сроки, получил прозвище Колун. Он с подследственными не церемонился – раздевал догола, наступал кованым каблуком на половые органы и методично раздавливал их, пока человек не признается. Иногда для разнообразия зажимал пальцы дверью и нажимал плечом, то отпуская немного, то снова наваливаясь. Считался в органах на хорошем счету, так как процент «раскрываемости» у него был почти стопроцентный.

Но по большей части следователями были самые обычные люди. Даже не юристы, но непременно военнообязанные, вынужденные по долгу службы подчиняться приказам начальства. Не злодеи, но и не альтруисты. Зачастую одержимые мелким тщеславием, желанием выслужиться, получить приличный паек, более высокую зарплату и квартиру с мебелью, оставшуюся после осужденного.

Есть у человеческого ума особое свойство, размышляет Б. Султанбеков, которое можно назвать повышенной гибкостью или иезуитством – это уж кому как нравится. Любое самое чудовищное преступление против человечества можно оправдать для успокоения своей совести. Либо тем, что «мы – люди маленькие», а «начальству виднее». Либо тем, что все это делается «во имя высших целей». Следователи отлично понимали, что их жертвы ни в чем не виноваты. Но раз от них требуют осудить их во что бы то ни стало, они и осуждают, ибо к этому их обязывает «революционная дисциплина». При этом они были не прочь извлечь из своего положения и кое-какие выгоды. Скажем, человека давным-давно расстреляли, а они продолжали принимать от родных пере-

дачи. И с удовольствием попали свежую выпечку, мясные пироги или беляши. И ведь кусок не застревал в горле!

До сих пор встречаются простаки, преимущественно старшего поколения, воспитанные в рамках коммунистической идеологии и убежденные в том, что во всем виноваты местные власти, а Сталин, мол, ничего не знал. Но сейчас уже опубликованы постановления политбюро ЦК ВКП(б) о массовых репрессиях, указы, решения пленумов и прочие документы, доказывающие, что всё делалось по приказу сверху. Указывались категории лиц, подлежащих репрессиям (классово чуждые элементы, кулаки, троцкисты, белогвардейцы, эсеры и прочие), а также контрольные цифры, обязательные к безусловному выполнению. Скажем, в июле 1937 года нарком НКВД Ежов подписал приказ, согласно которому в Татарской АССР нужно было выявить и осудить по «первой категории» (т.е. приговорить к расстрелу) 500 «врагов народа», а по «второй категории» (то есть осудить как минимум на десять лет) 1500 человек.

Местные же власти старались не только выполнить, но и перевыполнить план. Как показывает приведенное выше письмо наркома Михайлова, он просил увеличить лимит на аресты до 5–6 тысяч человек и получил добро.

Сталин, конечно, не желал «светиться» и отдавал приказы преимущественно устно, предпочитал действовать через своих ставленников – Ягуду, Ежова, Берия. А когда в них отпадала надобность, сам же убирал их. Но кое-какие следы всё же остались. На одну из официальных бумаг – просьбу руководства Омской области увеличить лимит по расстрелам до 8 тысяч человек – Сталин собственноручно наложил резолюцию: «...т. Ежову. За увеличение лимита до 9 тысяч. И. Сталин». Как видим, одним росчерком пера отправить на уничтожение лишнюю тысячу человек для «великого вождя» ничего не стоило.

Если кто-то убьёт одного человека – он убийца, бандит и преступник. Никакие его прежние заслуги в расчёт не принимаются. А если убивают миллионы людей?

Амирхан Еники

Письма Мусы Джалиля*

123

Мне казалось, что неожиданные находки попадают лишь землекопам и тем, кто разбирает старые дома. Но вот я и сам оказался обладателем ценной находки. Совсем недавно (в минувшем году) довелось мне перебирать бумаги в одной из папок, к которой не прикасался лет 50, и совсем случайно обнаружил четыре письма и записку Мусы Джалиля. (Если бы не пришлось искать один документ, нужный для «Последней книги», я и теперь не удосужился бы разобрать эту папку, и она, возможно, так и осталась бы нетронутой.)

Я был поражён, даже глазам не поверил, а когда прочитал, почувствовал себя виноватым перед Мусой. Совсем забыл, что у меня есть его письма! Вот и доверься памяти! Правда, минуло более полувека со дня их написания,

что только не пережил я за это время – неудивительно, что и забылось.

И всё же я вдумываюсь и стараюсь хотя бы для себя уяснить, почему они оказались «забыты». Не секрет, когда Муса Джалиль стал широкоизвестным, храбрых задним числом, как говорится, немало нашлось – резко возросло количество друзей и близко знавших его людей. Я тоже был знаком с Мусой, но не спешил войти в число «близких друзей»... Конечно, Мусу знали многие, достаточно было у него друзей и приятелей (например, таких, как Ахмет Файзи, Гази Кашшаф), но, по-моему, дружба – особенно истинная дружба – понятие особое, она может быть лишь взаимной, тут недостаточно одностороннего утверждения. А какими были наши отношения, можно ли их назвать настоящей дружбой – особенно после того, как слава

* Этот материал предоставила редакции «КА» дочь А.Еники – Резеда Амирхановна.

о Мусе разошлась на весь мир?.. Я хочу быть максимально объективным. Вспоминаю годы, ушедшие в далёкое прошлое: Муса в Москве, я в Казани; наши встречи случались лишь тогда, когда он приезжал в Казань. Впервые мы с ним встретились, если не ошибаюсь, осенью 1928 года. Муса Джалиль всякий раз, когда приезжал в Казань, останавливался у Ченекая, а я частенько навещал этого поэта, одинокого тогда человека. У Ченекая мы с Мусой и познакомились. Помню, сразу понравились друг другу, быстро сблизились. Отношения у нас всегда были дружескими, мы охотно и подолгу беседовали. Муса был скромным парнем, к людям он относился ровно и естественно. Вот эта простота, по видимому, и привлекала меня.

Ещё помню: в один из приездов Мусы в Казань мы с разрешения хозяев квартиры, где я жил, устроили в большом зале молодёжный вечер. Собрались поэты, писатели, молодые артис-

тки. Вскладчину, по мере возможности, организовали застолье. Горячительных напитков не было (нам и в голову не приходила мысль о спиртном), зато вечер украсили песни, музыка, стихи! В другой раз, когда Муса приехал, мы сфотографировались группой в 4–5 человек – этот снимок впоследствии вошёл в альбом Мусы.

Эти замечательные встречи с Мусой продолжались до 1934 года. Но потом они, можно сказать, прекратились, потому что Муса, поступив работать в Московскую оперную студию, стал крайне редко навещать в Казань. А через год-другой мне самому пришлось уехать в Азербайджан. Когда же осенью 1939 года Муса насовсем возвратился в Казань и наши отношения могли бы возобновиться, я снова уехал. Теперь уже в Узбекистан. И хотя в первые дни войны я вернулся на родину, встретить Мусу почему-то не смог: по видимому, он успел покинуть город. А вскоре и я был мобилизован и отправлен на фронт.

Таким образом, наша связь с Мусой была прервана. Возможно, поэтому я и не осмелился считать себя его другом и, очевидно, в этом кроется причина того, что долго не вспоминал о письмах.

К счастью, письма сохранились и нашлись – пусть и через 50 лет. Теперь и вы с ними познакомитесь. Не буду заранее комментировать: прочитавший их сам многое поймёт и представит себе, какова была степень нашей близости, хочу только сразу пояснить один момент. Муса каждое письмо начинает с обращения «Амир!». Возникает вопрос: почему Амир, а не Амирхан? А дело вот в чём: с мальчишеских лет я для всех – соседей, товарищей по учебе, друзей – был Амиром (полным именем называли меня только родители), и по приезде в Казань мои близкие и друзья стали звать меня так же. Этим же сокращённым именем называл меня и Муса в своих письмах.

Примечания

1. Муса Джалиль во втором своём письме упоминает Наки Исанбета – вроде бы велит мне брать с него пример. В чём тут дело? В нашумевшем в те годы «джидегенстве» обвинялся и Наки Исанбет. Хотя эти обвинения были совершенно беспочвенны, вымышлены, он вынужден был временно расстаться с литературой.

В те годы Наки-абзый по своей воле оставил учительство и поступил черно-рабочим на фабрику «Спартак». По его словам, сначала он трудился с метлой и лопатой в руках – подметал двор фабрики... Но, несмотря ни на что, продолжал творческую деятельность и как раз в период работы на фабрике создал трагедию «Спартак» из истории Древнего Рима. Как видно из письма, Муса был хорошо осведомлён об Исанбете и одобрительно относился к его поступкам.

2. Почти в каждом письме Муса заводит разговор о пошиве зимнего пальто. Действительно, жизнь в те годы была трудная. Как видите, он даже в Москве не мог найти себе зимнюю одежду. Я, конечно, по мере сил старался выполнить его просьбу. Сшить для него шубу на меховой фабрике я не мог: на той фабрике, где я одно время работал, меховую одежду не шили. Был

единственный выход: купить с рук материал и заказать пальто у частного мастера. К сожалению, мои письма Мусе на эту тему не сохранились, а я теперь, через столько лет, уже и не вспомню, у кого и из какого материала заказал для него пальто. По словам Амины-ханум, в 1934 году на Мусе было новое пальто из чёрного сукна с каракулевым воротником. Должно быть, именно то, что сшили в Казани.

...Как-то, давно уже, пригласили меня в одну из школ – рассказать о Мусе. Пошёл, рассказал коротенько, что знал. И вот задают мне ученики вопрос:

– В чём кроется причина героизма Мусы Джалиля?

Я задумался. Как ответить? Сказать, что в основе его героизма лежит преданность Родине, верность своему народу – эти правильные слова они наверняка слышали не раз... Хотелось затронуть личные качества Мусы. И я сказал так:

– Муса прежде всего был поэт, то есть гуманист по призванию, человек огромного великодушия, сострадания к людям. И он, конечно же, не мог мириться с жестокостью и насилием – в этом, мне кажется, скрыты истоки его героизма.

Предлагаемые письма, думаю, подтвердят эту мысль.

Первое письмо

Амир! Я собирался написать тебе, как только вернусь домой, да протянул вот до сего дня: всё дела, дела. Но ничего! Если ты сам не станешь задерживать с ответом, я буду писать регулярно.

В письме прочтёшь главным образом о том, что тебя, конечно же, интересует: о жизни писателей. Я ведь говорил: при комиссии национальных меньшинств Московского оргкомитета образована группа татарских писателей. В бюро избрали Шамиля, Тулумбая и меня. Но бюро ещё не приступало к своим обязанностям. На сотрудничество с Тулумбаем я не возлагаю особых надежд. Трудно с ним будет.

У нас входит в традицию (правда, по инициативе газеты «Коммунист» и самих поэтов, а не нашего бюро) устройство вечеров поэзии. Позавчера читали и обсуждали стихи А.Фаиза. Будут вечера и других поэтов. Организовано

жюри конкурса на лучший перевод «Интернационала» на татарский язык. Вся работа на мне. Жюри должно управиться с 15/1 по 1/2. Завтра состоится обширное совещание писателей нацменьшинств. Послушаем доклад издателей. Идет подготовка к вечеру татарской литературы в масштабе всей Москвы. Не знаю, как получится...

Так что дела идут потихоньку. Писатели пишут. Живём в ладу, внимательно следим за творчеством друг друга.

Я по-прежнему в «Октябрь баласы»*. Хотя в целом у журнала дела неплохи, литературные силы, к сожалению, участия не принимают. Амир! Давай-ка напиши рассказ! Я – серьёзно, очень прошу тебя. Напиши для детворы! Большое бы дело сделал. Красиво оформим, а? Жду.

Пиши. Адрес (редакции): Москва, центр. Новая площадь, д.6/8. Издательство «Молодая гвардия», редакция «Октябрь баласы» (лично).

До свидания! Муса.
28/XI-32 г. Пиши!

126

Э, погоди-ка, Амир!

Совсем забыл: у меня к тебе небольшая просьба. Ченекей говорил, что у тебя хорошая связь с меховщиками. А ведь я остался на зиму без пальто, брат! Если ты мне друг и хочешь помочь, не окажешь ли одну услугу: не сумеешь ли заказать для меня пальто из какого-нибудь меха, как вон у тебя (и верх, и подкладка – из хорошего меха)? Ценой бы так рублей в 300–400, но главное, чтоб красиво было и добротно. Пожалуйста, сделай, если это в твоих силах!

Муса

Второе письмо

Амир!

Письмо твоё получил. Огромную радость доставил ты мне уже тем, что ответил быстро, без промедления. Вторично обрадовался я, когда прочитал письмо: оказывается, ты успел уж и просьбу мою выполнить.

Спасибо, огромное тебе спасибо! Благодарю и за письмо, и за то, что выполнил (пообещал выполнить) мою просьбу!

Сперва о деле.

Я полностью разделяю твой план. Ты же знаешь, у меня нет путной одежды. Только бы вышло, как планируешь! Раз, говоришь, и мех будет красив, я очень рад. И с ценой согласен. Мой размер – 46.

Только уж, пожалуйста, чтобы не осталось на словах! Давай-ка я действительно уже нынче обряжусь в это пальто. В начале января приеду в Казань, и мы покончим с этим, не так ли? Ты там всё подготовь, пусть пока шьётся! Как только понадобятся деньги, телеграфируй, я вышлю.

Об этом всё.

Теперь немного информации о московских писателях.

Сюда недавно приехал Г.Нигмати. Мы, татарские писатели-москвичи, собрались, чтобы послушать его доклад. Пришли все более или менее стоящие писатели, журналисты, общественные деятели. Народу было много.

Доклад Нигмати назывался «Об итогах пленума оргкомитета и работе среди советских писателей Татарстана», и в докладе было очень мало самокритики. Говорил совсем не как председатель оргкомитета, скорее как представитель науки. По докладу были долгие прения, так что собрание длилось

* «Октябрь баласы» (тат.) – «Дитя Октября».

часов 7–8. Я ведь бывал в Казани и видел, как там обстоят дела, поэтому и выступил смело. «В Казани, – говорю, – никаких перемен, ничего нового не ощущается, никакого сдвига в связи с решением ЦК партии, оргкомитет крайне пассивен, писателей не организует, материальной помощи не оказывает». Критиковал решительно. Фактов было предостаточно. Да и настроение казанских писателей я прочувствовал, так что мои слова никак нельзя было опровергнуть.

Я сказал, что оргкомитет не ищет особого подхода к отдельным писателям, чтобы привлечь, стимулировать их творчество, сплачивать в коллектив. В связи с этим я упомянул и о тебе. «Почему, – говорю, – не привлекается, например, молодой талантливый писатель Еникиев?» Конечно, не ты один – упомянул я и об обособленной жизни и Туфана, и Фатыха Хусни, да и других.

Не один я критиковал. Крепко досталось оргкомитету и от Тулумбая, и от М.Максуда. Немало нового и интересного высказали и другие, затронув широкий спектр вопросов. Отличное получилось собрание. И для Нигмати это был хороший урок. Думаем, что по возвращении он таки возьмётся за дело. Много полезного было и для нас самих. Мы, московские писатели, получили зарядку для коллективной работы.

Была выбрана комиссия из трёх человек для составления резолюции: выбрали Тулумбая, Шамиля Усманова и меня. Следи за газетой «Коммунист». Там будут напечатаны сокращённый доклад на собрании и наша резолюция.

Теперь, дружок, тебе такой совет: не сторонись литературной жизни! Пиши и печатайся! Кончай с обидами на прошлое, адаптируйся с новыми условиями! Если из-за ошибок ТАПА в прошлом ты и был отодвинут в сторону, теперь это должно стать делом минувшим. Именно так велит партия.

Говорят же: «Дитя не плачет – мать не понимает». Если не писать, не ходить, не показываться, невозможно получить и должную оценку для себя, и внимание. Наки Исанбет вон не замыкается в обиде. Он пишет в обком, сочиняет стихи и несёт их в редакцию. Вот уж если и тогда будут отстранять, можно будет не только обижаться на оргкомитет и редакции, но и протестовать.

Так что действуй посмелее. Пиши, выходи в свет! Ты, безусловно, талантливый и острый писатель. Создаёшь красивые, изящные вещи.

Тут, видишь ли, пытаются ликвидировать отделение Татиздата. А ведь в этом году планировалось напечатать мой сборник. Теперь из-за этого задержка. Как выйдет в свет, я и тебе непременно вышлю экземпляр.

Шамиль Усманов, М.Максуд, Ерикей, Фаиз*, Крымов и другие живы-здоровы. Теперь чувствуется сплочение, коллективно обсуждаются проблемы творчества. На днях мы провели вечер, посвящённый творчеству Ахмета Фаиза – прошёл очень интересно и насыщенно.

Ладно, пиши! Рассуждать можно без конца. Вот приеду – посидим поговорим вволю. Я работаю в журнале. В «Октябрь баласы». Написал бы ты мне в журнал что-нибудь такое изящное, небольшое. В 33-м году с гонорарами будет хорошо. Да и сам журнал становится очень красивым! Ладно?

Пиши письмо на адрес этого журнала.

Большой привет твоей супруге. В прошлый приезд она славно угостила нас, такой был стол богатый, такие блюда. И приняла дружески, приветливо и внимательно. Так было приятно. За всё ещё и ещё раз спасибо!

До свидания.

Муса.

26/XII-32 г.

* Имеется в виду – Ахмет Фаизи.

Третье письмо

Амир!

Я скоро приеду в Казань. Редакция «Коммуниста» и татарские писатели Москвы выдвинули меня и Фаиза делегатами на пленум Казанского оргкомитета. Но мы с Фаизом работаем в одном журнале (с 1 января Ахмет Фаиз у меня секретарём). Оставить журнал сразу нам обоим никак нельзя. Мне обязательно самому надо просмотреть январский номер журнала. Фаиз ведь пока ещё новый человек! Январский номер уже с 20 декабря в производстве. Он задержался так потому лишь, что прохворал десять дней художник. Кажется, я смогу подписать номер и отправить в печать только числа 10–11-го. И потом, меня здесь мобилизовал на 15 дней райком партии. Так что в Казани я буду где-то 13–14 января. Проживу несколько дней и продолжу путь – на Урал. А по возвращении в Казань с Урала хочу с месяц поработать в Радиоцентре.

Получив твоё письмо, я уже написал один ответ. Ты получил его? Ответа на это письмо я ждать уже не стану: буду сам. Когда приеду, подробно расскажу, что тут у нас в Москве. Считаю своим долгом и самой желанной минутой встречу с тобой, когда мы сможем посидеть у тебя и наговориться всласть.

Заканчивая, напомним о своей просьбе. Хотя я собрался в дальний путь, одеться мало-мальски сносно не могу: здесь нет возможности. А может, и есть, да я сам такой непрактичный. Это свойство моего характера знает и Ченекей. Вот и хожу в чём попало. Ты уж как-нибудь выполни своё обещание. Очень надеюсь на тебя.

Не удастся ли сделать так, чтобы я оделся как только приеду? Заказал бы заранее. Деньги я до отъезда приготовлю.

Ладно. До свидания.

Остальное по приезде.

Большой привет супруге.

5/1-33 г.

Муса

Четвёртое письмо

Амир! Получив твоё письмо, я выслал телеграфом 350 рублей. Ты сам знаешь, на что эти деньги! А мне всё ещё не удаётся выехать в Казань. Основная причина – следующая: начиная с 1 января рассматривался вопрос о том, быть или не быть нашим журналам «Октябрь баласы» и «Ударниклар». Я не смог бросить журнал и уехать, пока вопрос не решился. К тому же до прояснения судьбы журналов невозможно было взять командировку. Теперь вопрос решён. Оба издания прекращены (объединяются с журналами Казани). Я хочу съездить в Казань на собственные деньги. Но до отъезда мне надо решить, где я буду в Казани работать. Во всяком случае ты уж сделай там шубу. Если и не в этом году, пригодится носить в будущем. У нас зима очень теплая, я продолжаю ходить в своём прежнем пальто. О получении денег напиши.

Ладно, пока, до свидания.

С приветом Муса.

16/2*

* Муса не обозначил год, но на почтовом штемпеле открытки указано: 16.2.33. – А.Е.

Амир!

И тебя очень хочу увидеть, и деньги очень нужны. Неожиданно я оказался в нелёгком положении. Кончились деньги. Уехать теперь не могу. Может, ты как мой ангел-хранитель спасёшь меня?

И в самом деле, если найдёшь деньги, было бы прекрасно.

С завтрашнего дня ежедневно с 4 до 5 жду тебя.

Мой адрес: улица Проломная. Казанское подворье, ком.24.

10/X-33 г.

Муса

Пояснение.

Эта записка написана в Казани. Она без конверта. Должно быть, Муса приходил ко мне и, не застав меня дома, оставил её. Слова «с завтрашнего дня... жду» тоже об этом говорят.

Переписано верно: А.Еники.

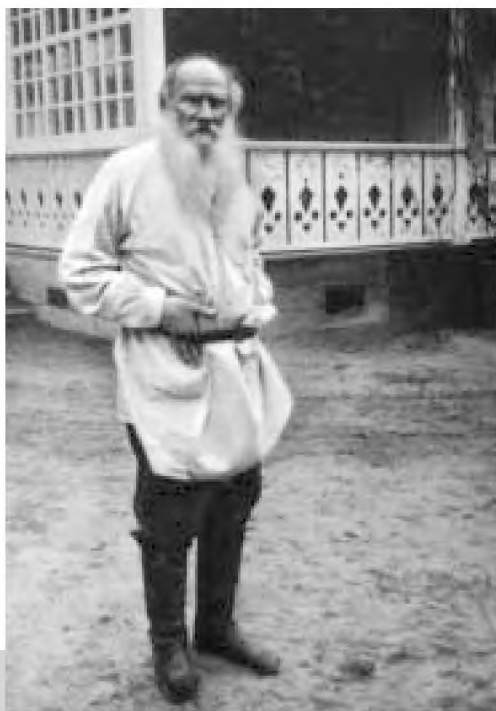
21/V-85 г.

от редакции

Эти письма были обнаружены Амирханом Еники в середине восьмидесятых годов прошлого века и тогда же были опубликованы на татарском языке. На русском языке публикуются впервые.

Современному читателю может показаться странным, что Муса Джалиль, будучи в те годы уже известным поэтом и главным редактором выходившего в Москве единственного татарского детского журнала, не имел зимнего пальто и остро нуждался в деньгах.

Амина-ханум рассказывала, что и позднее, получив маленькую одиннадцатиметровую комнатку в коммунальной квартире в Столешниковом переулке, Муса долго не мог обставить её какой-никакой мебелью. Спал на полу, на газетных подшивках, положив под голову те же подшивки. Но поэт не придавал этому значения и целиком был поглощён своим творчеством и участием в литературной и общественной жизни. Примечательно также, что Муса рано разглядел талант молодого Амирхана Еники и всемерно поддерживал его в творческих исканиях. Как позднее писал сам Еники, поддержка Мусы Джалиля помогла ему обрести веру в себя. Тем более что многие в те годы считали его чуть ли не классово чуждым элементом и в середине тридцатых годов он был вынужден отойти от литературы и скитаться за пределами своей республики.

**В ЭТОМ
ГОДУ
ИСПОЛНЯЕТСЯ
100 лет
со дня
смерти
нашего
великого
земляка
Льва
Толстого**

По «казанским правилам» жизни

Наверное, нет на свете другого писателя, который бы так глубоко копал и перепахивал свою душу, как Лев Николаевич Толстой. И это его копание, эта его внутренняя работа над собой, началась в Казани. Его дневник, начатый в студенческие годы и продлившийся до последних дней жизни писателя, являет миру бесподобный пример искренности, исповедальности и кропотливого нравственного труда великого человека

Лев Толстой переехал из Москвы в Казань осенью 1841 года. Ему было тринадцать лет, ему предстояло пережить в Казани пору отрочества и юности.

Два с половиной года Толстой готовился к поступлению в Императорский Казанский университет, на его восточное отделение. Он решил стать дипломатом. Успешно выдержал экзамены по закону Божию (мог ли набожный абитуриент предположить, что на закате жизни будет отлучён от православной церкви?), по истории, математике, статистике, логике, английскому, французскому, немецкому, латинскому, турецкому и татарскому языкам; и не совсем успешно по географии и латыни. По русской словесности будущий великий русский писатель получил «четыре».

Выдающийся востоковед, профессор Мирза Казембек, с которым Толстой занимался турецким и татарским языками, находил его способности к усвоению языков необыкновенными. И хотя первое время будущий классик литературы учился, так сказать, ни шатко ни валко (даже на один из экзаменов на первом курсе не явился), ректор университета Н. И. Лобачевский каким-то своим неевклидовым взглядом узрел в угловатом студенте «выдающиеся способности».

Потерпев неудачу на восточном разряде, Толстой перевёлся на юридический факультет. Здесь, после первого же экзамена, один из основателей частного международного права в России, профессор Д.И. Мейер поручил молодому графу написать научную работу о «Наказе» Екатерины II и сравнить её с «Духом законов» Монтескье. В результате профессор высоко оценил работу студента. Сам Толстой признавался, что эта работа его «очень заняла». Чтение в университетские годы Монтескье, Руссо, других философов оказало на юношу большое влияние. Объясняя впо-

следствии уход со второй половины второго курса университета, Толстой писал: «Работа над Наказом... открыла мне новую область умственного труда, а университет с своими требованиями не только не содействовал такой работе, но мешал ей».

К сожалению, не все педагоги в университете были такими прогрессивными, как Лобачевский, Мейер, Казембек... Но причина ухода была не только в этом.

За месяц до прошения об отчислении, 11 марта 1847 года Толстой попадает на излечение в университетскую клинику. Здесь, в одиночестве, он заводит свой знаменитый дневник, начинает переосмысливать свою жизнь, устанавливает для себя строгие правила и, можно сказать, становится тем Львом Толстым, которого знает и чтит весь мир.

Казань, таким образом, была в судьбе писателя пограничным городом. Она помнит его и навсегда светских балов, и человеком строгих правил. Подчас наивными представляются его юношеские устремления к идеальной, честной, мужественной и простой жизни (недаром, наверное, бытует поговорка «Простой, как Лев Толстой»). Вызывает улыбку то, как он учил себя «спокойно переносить все неприятности жизни», терпеть невзгоды, выдерживать боль, которой он в испытательных целях добивался искусственно. Юноша сшил себе парусиновый халат и носил его днём, а ночью превращал в подстилку и покрывало одновременно. В своём стоицизме юный философ старался не отставать от Диогена.

Но каким бы всё это наивным в начале ни выглядело, в конце жизни (скончался 20 ноября 1910 года по новому стилю), великий старец своим правилам, составленным юношей в Казани, не изменил.

Иван Кабанов

перо и время

Сердце моё как птица...

Вероника Тушнова

*И возникал перед глазами
причал на стынувшей воде
и домик в городе Казани,
в Адмиралтейской слободе.
Судьбу бродяжью проклиная,
он ждёт: скорей бы ледостав...
Но сам не свой в начале мая,
когда вода растёт в кустах
и подступает к трём оконцам
в густых гераневых огнях,
и, ослеплённый мир обняв,
весь день роскошествует солнце...*

«Не отрекаются любя...».

Эта песня известна очень многим, но далеко не всем известно, что автор, чьи стихи вошли в золотой фонд российской поэзии, имеет отношение к нашему городу

Вероника Тушнова родилась в Казани 27 марта 1911 года. Её отцом был известный профессор-микробиолог Михаил Павлович Тушнов. В музее Казанской ветеринарной академии бережно хранятся экспонаты, связанные с его именем. Казанские адреса семьи Тушновых: улица Большая Красная (б. Большая Казанская), Адмиралтейская слобода, где находился дом деда, дом на улице Миславского (рядом со старым цирком).

Первые пробы пера Вероники появились в стенгазете школы №14 имени Радищева, одной из лучших в городе. Кроме стихов юная Вероничка (позже друзья будут звать её ласково *Вареничка*) увлекалась музыкой и рисованием, особенно любила рисовать животных. В 1928 году она поступает на медицинский факультет Казанского университета (ныне КГМУ), всерьёз увлекается нейрогистологией, хочет заниматься наукой. Медицина и поэзия, два основных её увлечения, долго шли рука об руку. Но в 1944 году происходит событие, имевшее для начинающего автора огромное значение: газета «Комсомольская правда» печатает цикл стихотворений Вероники Тушновой «Стихи о дочери», который вызвал большую читательскую почту. И после войны она решает поступать в Литературный институт. «Как эти незнакомые люди помогли мне на моём

творческом пути!», – писала поэтесса впоследствии.

В Казани мединститут окончить не удалось, семья переехала в Ленинград, где Вероника продолжает учебу; затем была Москва, но военная судьба возвращает Тушнову в родной город, который она очень любила. О детстве и юности, проведённых в Казани, Вероника Тушнова вспоминала и писала неизменно тепло. С ноября 1941-го по февраль 1943 года Вероника Михайловна работает палатным врачом нейрохирургического госпиталя. Поэтические сборники В.Тушновой увидели свет уже после войны; к сожалению, многие из них были изданы лишь после её ухода из жизни после страшной, неизлечимой болезни в 1965 году. Одна из книг усилиями поклонников творчества поэтессы, клуба книголюбов под предводительством В.Шатуновой, вышла в Казани. Материалы из этой книги впоследствии увидят свет и в последующих изданиях Тушновой.

Лирика Вероники Тушновой обращена к тем, кто верит в истинную ценность любви, дружбы, верности и взаимопонимания, и потому её стихи так дороги как прошлому, так и нынешнему поколению подлинных ценителей поэзии. «Каждый выбирает для себя...» – эту строчку поэта Юрия Левитанского можно отнести и к теме выбора читателем любимого автора. «Каждый выбирает слова, которые резонируют его мыслям и чувствам. Я выбираю Веронику Тушнову. Первое, что привлекает меня в ней, это широта и глубина мыслей и чувств. Второе – высокое чувство ответственнос-

ти за близких и далёких людей, за мир в целом. Третье – это человеческое достоинство, достоинство женщины, которая не может быть унижена даже в самых тяжёлых жизненных ситуациях». Это признание безвременно ушедшей от нас Ирины Андреевны Студенцовой, исследовательницы творчества поэта, профессора кафедры фармакологии КГМУ. Она много лет неустанно занималась жизнью и творчеством любимой поэтессы, собрала огромное количество архивных материалов вместе со своими студентами, и часть из них увидела свет при её жизни... Сегодня казанский педагог и краевед Светлана Фомина вместе со своими учениками активно популяризирует творчество поэтессы посредством литературных экскурсий, уроков и исследовательской работы. А в Казанском медицинском университете работает литературное объединение «Белая ворона», под эгидой которого уже 12 лет проходит ежегодный республиканский фестиваль «Галактика любви», носящий имя Вероники Тушновой. За это время его лауреатами стали ныне известные и за пределами Казани поэты Тимур Алдошин, Анна Русс, Елена Шевченко, Альбина Абсаламова, Филипп Пираев, Айгель Гайсина, Александра Кашина, Ольга Овчинникова и многие другие. В этом году финал фестиваля пройдет в день рождения нашей замечательной землячки.

Она была необычайно хороша. В неё влюблялись, ей посвящали стихи. «Зверя редкого пушного приручила В. Тушнова», – признавался в стихотворном экспромте поэт Марк Соболев. Веронике Тушновой писали письма солдаты, студенты, начинающие и маститые авторы... Многие люди старшего поколения помнят фотографию, где поэтесса снята с первым космонавтом Юрием Гагариным: это была на редкость обаятельная и красивая пара. Вероника выделялась в любом окружении. Свидетельство тому многочисленные снимки разных лет: огромные лу-

чистые глаза, безукоризненная лепка лица, роскошная волна тёмных волос...

«Она была хороша редкой, необыкновенной красотой», – сказал мне знавший Тушнову известный критик и литературовед Лев Аннинский. Я убедилась в этом сама, когда много лет назад увидела поразивший меня прекрасный портрет Вероники Тушновой в многотиражном женском журнале, в большой статье под рубрикой «Красавицы XX века». А вот фрагмент письма Веронике Михайловне писателя Льва Копелева: «Увидел Вас впервые на телевизионном экране и мгновенно *совершенно средневеково* влюбился в стихи и в автора».

Казалось бы, роковая женщина! С такой царственной внешностью она могла бы затмить многих королей экрана. Но время и судьба распорядились иначе.

В её любовной лирике счастье и горе глазами остро чувствующей, внимательной к тонким душевным движениям женщины, тот самый «воплъ женщин всех времён»: «Знаешь ли ты, // что такое горе // Когда туюю петлёй // на горле?», «Улыбаюсь, а сердце плачет // в одинокие вечера», «Хоть однажды бы крикнуть мне // как я счастлива на земле, // Хоть однажды бы мне не таиться, // похвалиться, // да вот беда, // сердце, сердце моё // как птица, // уводящая от гнезда»...

Адресат многих стихотворений Тушновой, трогающих своей искренностью, исповедальностью, глубиной и силой чувства, светлой неизбывной печалью, – тоже поэт. Но читателю важны не биографические подробности, а сами стихи, которые и спустя почти полвека после смерти автора не оставляют нас равнодушными: «Если я от этих строчек плачу, // значит, мне они предназначались». Многие из них стали песнями, их поют, часто даже не зная имени автора или путая авторство. Своими глазами я видела в одном сборнике популярных песен её стихотворение «Ну пожалуйста, ну пожалуйста, в самолёт меня возьми...», где авторство не

только музыки, но и текста приписывалось А.Дулову. Поскольку эта песня любима многими поколениями бардов и туристов, хочется восстановить справедливость). Песни на стихи Вероники Тушновой знакомы миллионам слушателей: и «Я прощаюсь с тобой у последней черты», и «Сто часов счастья», спетые Аллой Пугачёвой. И самое теперь знаменитое её стихотворение, положенное на музыку, с которого начинается этот номер «Казанского альманаха».

Адресат и вдохновитель шедевра любовной лирики ненадолго пережил автора. И её, и его давно уже нет на свете, а эти строки волнуют всё новые и новые поколения...

Стихи Тушновой – это лирический, интимный дневник, которому она поверяет всё до донышка: «Я говорю с тобой стихами, // остановиться не могу. // Они как слёзы, как дыханье // и, значит, я ни в чём не лгу...» Можно сказать, что в жизни и в творчестве поэтесса следует своему главному принципу: «Только мне не солгать бы // ни в чём, никогда, никому!» Она предельно искренна и откровенна, но это Любовь на все времена, поэтому так трогают её строки: «Ты научил меня терпенью птицы, // готовящейся в дальний перелёт, // терпенью всех, кто знает, что случится // и молча неминуемого ждёт». Или: «Чтоб не мучиться поздней жалостью, // от которой спасенья нет, // напиши мне письмо, пожалуйста, // вперёд на тыся-

чу лет. // Не на будущее, так за прошлое, // за упокой души, // напиши обо мне хорошее. // Я уже умерла. Напиши!».

И в то же время:

Сто часов счастья...
Разве этого мало?
Я его, как песок золотой,
намывала,
собирала любовно, неутомимо,
по крупице, по капле,
по искре, по блёстке,
создавала его из тумана и дыма,
принимала в подарок
от каждой звезды и берёзки...
.....
Сто часов счастья,
чистейшего, без обмана.
Сто часов счастья!
Разве этого мало?

В России есть множество поэтов, куда более изошрённых в манере. А Тушнова писала просто, потому что зафиксировать чувство, движение души, поделиться с другими людьми своим эмоциональным опытом было для неё несравнимо более существенной задачей, нежели формальный поиск. Читатель и былой, и сегодняшний понимает и ценит это. Если он хочет насладиться стилем (у многих ли из нас появляется такое желание?), то, возможно, предпочтёт другие стихи. А если у него радость или горе, если ему нужны точное слово и понимающие глаза друга, он возьмёт томик Вероники Тушновой. Или просто споёт давно полюбившуюся песню, порой даже не зная имени автора трогающих его душу строк...

Наиля Ахунова

Литературному объединению «Белая Ворона» Казанского государственного медицинского университета, которым руководит поэтесса, лауреат литературной премии имени М.Горького Наиль Ахунова, пошёл пятнадцатый год. Многие из «воронят» стали лауреатами республиканских, российских и международных конкурсов и фестивалей: Альбина Абсалямова, Анна Русс, Ольга Овчинникова, Александра Кашина, Алексей Комлев, Дина Садыкова, Айгель Гайсина, Наиль Ишмухаметов, Эндже Алимova, Полина Осипова, Юлия Сандлер... Литобъединение ежегодно организует открытый фестиваль поэзии и авторской песни «Галактика любви» имени Вероники Тушновой в день её рождения 27 марта (кстати, в будущем году знаменитой поэтессе, нашей землячке, исполняется 100 лет). Также «Белая Ворона» проводит многочисленные творческие конкурсы и встречи в школах, вузах, библиотеках и музеях, поддерживает авторов с ограниченными физическими возможностями, устраивает мастер-классы известных деятелей культуры Татарстана. В настоящее время в «литературном гнезде» готовится к печати десятый сборник стихов – «Rara Avis», что в переводе с латыни и означает «Белая Ворона». Предлагаем читателю «Казанского альманаха» поэтическую подборку популярного литобъединения

Мария ЧУРСИНА

* * *

Жизнь моя от дороги к дороге.
И из поезда в поезд.
Жизнь моя переход, переезд, перевод
С языка на язык. Жизнь моя любопытная повесть,
И из сумки дорожной слова выпадают вразброд.
Мальчик-с-пальчик разбрасывал камушки,
Шёл к людоеду,
Чтоб спастись и дорогу обратно найти.
Я бросаю слова не затем, что обратно приеду,
А затем, чтоб не сбиться с родного пути.
Я иду, я бегу, я спешу, от себя убегаю,
Может, это и есть оправданье бессмысленных жертв
И друзей, тех, что смотрят мне вслед не мигая,
Унижая прощеньем и верою в разных божеств.
Краснощёкое солнце в бессилье свалилось,
Не дойдя к горизонту, в какой-то протухший овраг...
Или в яму? Так где я? И что я? Приснилось?
Сон как явь, явь как сон... Так бывает всегда у бродяг.
По-старушечьи чисто умытое небо Европы,
По-мальчишески в саже российского неба щека.
Жизнь моя от дороги к дороге галопом, аллюром.
Не дай боже, отречься от этого черновика!

Бессонница

От обид не пишется,
От забот не спится.
Где-то лист колыхнется –
Пролетела птица.

Из раскрытых окон
Полночь льётся в комнату.
С неба белый кокон
Тянет нити к омуту.

Искупаюсь в омуте,
Где кувшинки плавают.
Может, что-то вспомнится,
Что, как встарь, обрадует.

А рассвет займётся,
Может, всё изменится,
В душу свет прольётся,
Ночь моя развеется...

Юлия САНДЛЕР

* * *

Обними меня за плечи,
Мой прохладный летний вечер.
Рыже-огненным плащом
Понежней меня укутай.
И с тобою мы вдвоём
В даль звенящую пойдём
По лугам, росой умытым,
По тропинкам босиком.
Нас с тобою заждались
Лёгкий ветер, шум дубрав,
Запах клевера и мяты,
Сырость мха и горечь трав.

* * *

Мой совёнок кареглазый,
Птах бессонный мой,
Ждёшь меня во мгле полночной
Средь глуши лесной.

Оттого мой сон мятежен,
Что пронзён насквозь:
Зов печальный, голос нежный,
Плач – мы снова врозь.

Если б превратиться в птицу
Сильную могла,
Скрыли бы тебя в ненастье
Светлые крыла.

И в просветах лап еловых
Нам двоим одна
Колыбельную бы пела
Полная луна.

* * *

Неделю масленицы нам
Приносят дни весны;
О тесто доброе моё,
Весь день пеку блины!

И каждый блин, как солнца диск,
Округл и горяч;
О солнце доброе моё,
Лучей своих не прячь!

Лилия БОРОВСКАЯ

Мамина песня

Каплей дождь рисует ажур,
Украшая квадрат оконный.
Под оранжевым абажуром
Так уютно, тепло, спокойно.
За стеной у соседей новых
Звуки сладостной «Бимбамбуллы».
Дремлет кошка. Платок пуховый
На спине у венского стула.
Растворяются звуки, тихо
Погружается в сказку сердце,
И мама поёт про слониху...
Это память листает детство.

Нагроможденье набережной. Февраль.
Снег залетает в ноздри, слепит глаза.
За парашютом лёд облегает сталь.
Бег по хрустальной плоскости до моста.
Ярость до кончиков пальцев, до края губ.
Радость до дна оплетающих сердце вен.
Если ответ, пусть он будет предельно груб,
Если любовь, то вот это её предел.
Ветер, кидаясь, грызёт полукружья век,
Стоны на выдохе там, где на вдохе стынть.
Таёт снежинка – грань между «да» и «нет».
Аркой пролёта клянусь навсегда забыть
Это стремленье вверх от желанья вниз.
Кто-то курил здесь и, может быть, даже ждал.
Чёрная от мороза дуга перил.
Там, подо льдом, обещаьем течёт вода.

Короткометражка

Прости, но однажды, проходя мимо
Какой-то тихой и жёлтой улицы,
Ты вдруг захочешь, чтобы стало страшно
От чьего-то взгляда, и это сбудется.
И, повернувшись, ты увидишь солнце,
А кроме солнца – продолженье взгляда.
Кого-то также тошнит бессонницей,
Бессоновской бездной, предчувствием яда.
Ну пусть. Я специально отойду подальше,
Да и в цвете волос моих не разобраться.
Ты не можешь вспомнить, что будет раньше,
Что, наверное, солнце вот-вот погаснет...
А оно погаснет, задевая крыши,
Размывая картинку, лишая цвета.
Тогда я пойму, что ты не боишься.
Выкрикну имя и побегу следом.

«Белой Вороне»

Я поднимался от Кольца по старой
Покатой улице, покинутой людьми
И прочей живностью. Медлительные хлопья
Искали прошлогодние углы,
Деревья, стёкла, лица домоседок
И, не найдя, пытались повернуть
Обратно в небо, чем напоминали
Литературу. Может быть, любовь.
Во всяком случае
Брезгливость прошлой жизни
К грядущим переменам. На углу
Мерцала мгла глазами «кадиллака»
И подвизался небом тёмный лёд.

Я проходил двумя почти дворами
С ещё живым квадратным жёлтым сном,
Запутавшимся в чёрных ветках клёна.
На Муштари и чувствовал спиной,
Как смотрит сквозь шуршанье снегопада
Глубокая, большая, городская,
Ещё густая счастьем тишина.
Далекий лай обозначал участие
Забывтых горизонтов в бытии
Фонарного немёрзнущего круга,
По коему внимательный ребёнок
Хрустящую протапывал тропу.

Напротив богадельни беллетристов
Таился домик с мраморной доской.
Здесь жил студентом основатель ада,
Теперь ютился пыльный книжный лимб
И собирались нежные поэты
Помыслить вместе. Вековые сени,
Как в погребке, хранили мысль одну:
Когда б любили старые кварталы
Себя, а не воспоминанье о...
Мы жили бы гораздо лучше, впрочем,
Чего уж... Лестница скрипела,
И в юношество открывалась дверь.

* * *

Ты вернула мне город, о котором знала
Только форточка в миг растворенья.
Те же синие крыши, ангина,
Что-то жарится, кто-то смеётся...
Пропускаю школу. И дальше.

* * *

По карнизам шныряет метель.
Пишешь лодку в тропическом небе.
В ней Шагал и Шагалиха. Видишь,
перелётны лишь призраки. Просто
никому не расскажешь о большем.

* * *

Угол дома, собор, колокольня.
Небо цвета любви к физкультуре.
Человек формы мысли о смерти.
Дверь, закрытая в прошлом веке.
Две снежинки на медной ручке.

Александр КРАЙНОВ

* * *

Я сжигаю себя,
Чтобы пеплом моим
Удобрять корни трав и деревьев.
Чтоб цвели,
Чтобы дети мои
В их тени танцевали и пели.

* * *

... И пламя качалось в такт
его песни без слов.
И ветер выл вторым голосом.
Дождь выстукивал сложный ритм,
гром поддерживал изредка...
А он пел свою бессловесную песню
И думал, что его никто не слышит.
А дьявол и Бог слушали...

Эндже АЛИМОВА

* * *

Быть лимонной,
даже лимонно-серой
и в колючках.
Любить подоконник и солнце.
Только б вечером знать,
что утро будет,
И не помнить, что ночь
всё равно
вернётся.

* * *

Привычным движеньем сажусь на пустой подоконник,
Считаю застывшие окна соседнего дома;
Они, будто странные луны неправильной формы,
Погаснут, и сменит среда затянувшийся вторник.
Смотрю на фонарь, догоревший последнюю осень,
На словно забытые временем мелкие лужи;
А день на часах с каждым разом становится уже.
...Из окон напротив остались гореть только восемь.

* * *

Зимний вечер, время счастья.
Лёгкий привкус винограда,
Чуть заметная прохлада
Пальцев на моём запястье.
Тихий шёпот и знакомый
Взгляд, задумчивый и нежный,
Жест застенчиво небрежный,
Запах хвои и лимона.

Светлана ФИЛАТОВА

* * *

В тихой комнате ночь набежавшая
Погасила огни. И доверчиво,
Словно этого только и ждавшие,
Ваши руки легли вдруг на плечи мне.

Я сегодня лишь то, что Вам хочется:
Буду Вашим котом или книжкой,
Или пледом, что следом волочится,
Или маленьким глупым мальчишкой.

Я туман, из которого жадные
Лепят руки лишь то, что Вам дорого.
Лишь бы эти глаза ненаглядные
Не смотрели, отчаявшись, в сторону.

* * *

И снова дождь... Всё серо и уныло,
И вновь тоска мне душу раздирает
О том, что было дорого и мило,
О том, чего уже не повстречаю,

О том, что не успеть всего на свете,
О том, что не тебе я стала милой,
О том, что так бездушно воет ветер
Над сквером, как над старою могилой,

О том, что почему-то слишком поздно
Всё то пришло, что долго было рядом.
О том, о чём я думала серьёзно
Под этим грустным и невинным взглядом.

Дарья ЯКУНИНА

* * *

Летом этим будем –
Дождём!
Дождёмся туч
Летних и лёгких,
Мокрых,
Загорелых,
Перелётных.
Нарисуем на асфальте
Рис в полях,
И херувимов,
И солнце,
И паруса на кораблях...
Пройдёт мимо
Девочка на костылях,
Увидит,
Улыбнётся...

Анна ЧЕРЕМИСОВА

* * *

Убийственно грустное небо, если открыть окно.
Ещё грустнее, если не открывать.
В последние две недели моя кровать
стала порталом в бездну, лишённую снов.

В потоке сознания вырос коралловый риф,
мысли запутались в нём и движутся только по кругу.
Мне кажется, в мире совсем не осталось рифм,
а значит, мы никогда не поймём друг друга,

не сможем прочесть наши мысли,
не расшифруем свои ДНК,
растворимся в мёртвых чужих стихах,
захлебнёмся ложью, устав от фальши...

Я живу всё на тех же своих облаках,
но твоё небо намного дальше.

Оставайся со мной
луной,
за каменными спрятанной тучами,
оставайся моими летучими
мыслями, бредами, снами...
Не думай о том, что с нами
будет.
Не будет уже ничего
лучше
и хуже не будет тоже.
Давай что-нибудь подытожим.
Вечности злые итоги:
мы тоже боги,
а значит,
нас тоже нет
ни на одной из горячих,
ни на одной из холодных планет.
Оставайся моим непрожитым днём,
моим незажжённым огнём,
не освещающим путь.
Пожалуйста, будь
всеми моими
ненаписанными портретами,
мчащимися каретами
до двенадцатого удара часов,
полночными криками мёртвых сов.
Будь моей винтовой лестницей,
что стремится в небо и рушится под моими ногами,
будь верёвкой,
на которой я не смогу повеситься,
когда буду проклята всеми богами.
Стань моим звёздным небом,
осыпаясь на землю блестящей пылью.
Стань... не крыльями даже,
взмахами моих крыльев,
которых, впрочем,
никогда у меня не было...
Я не уверена,
что смогу научиться
жить и не верить в тебя.
Так будь моим чудом,
забытым случиться...

Константин МАКСИМОВ

* * *

Красота бабочки –
Её проклятье,
Притягивающее сачки.

* * *

Спокойно пока ещё.
Спит маленький ангел
В своём манеже.

Светлана ГРУНИС

* * *

Серая моль –
Из семейства бабочек.
Но кто её любит?

* * *

Журавлиный треугольник
Зовёт вырваться
Из круга проблем.

Одуванчики

Солнечная молодость,
Седая старость...
Всё как у людей.

ВЕЛИКИЙ И МОГУЧИЙ

Матвеевна Николаева

Как бы культура речи

147

Литературный язык, как наиболее совершенная форма речевого общения, непредставим без такого важнейшего свойства, как нормативность. При этом во всяком живом, а значит, развивающемся языке норма не есть нечто неподвижное, определившееся раз и навсегда. Ранее была возможна постановка ударения *звОнишь, звОнят*, сегодняшняя норма допускает только *звонИшь, звонИт*; совсем недавно существовала форма родительного падежа единственного числа существительных *чашка чая, килограмм изюма, много народа, много шума* и на «а», и на «у», сегодня предпочтительнее на «а»; и так далее.

Норма зависит от многих факторов как собственно лингвистического, так и внелингвистического характера. Однако без неё, постоянно меняющейся, улавливающей и узаконивающей новое, жизнеспособное и характерное, литературный язык, разумеется, немислим. И здесь возникает масса вопросов, связанных с сегодняшним бытованием языка как основного средства речевого общения. Например: как быть с просторечием? Противостоит ли оно литературному языку или является одним из его стилистических пластов? Заметим, что сам по себе термин «просторечие» недостаточен,

поскольку им обозначаются разные явления: это и совокупность находящихся вне действия литературной нормы народных речевых средств, и те просторечные лексемы и фразеологизмы, которые применяются в особых стилистических целях, оставаясь при этом в пределах литературной нормы. Противоречивость термина, кстати, отразилась и в лексикографической практике. В словаре Д.Ушакова, например, *лиса* (хитрый человек) разговорное, а *щенок* (неопытный, молодой) – просторечное, *каша* (путаница в голове) разговорное, но *петрушка* (что-то странное, нелепое) просторечное; в Малом академическом словаре под редакцией А. Евгеньевой *ворона, заяц, мартышка, медведь* разговорное, а имеющие яркую экспрессивную окрашенность *лошадь, пингвин, змея, кукушка, крокодил* не отмечены вообще. Если за критерий стилистического разделения на разговорное и просторечное принята степень экспрессии, то этот показатель не может считаться объективным, так как разговорная речь имеет слишком большую и неградуированную «амплитуду колебаний». До Пушкина просторечие использовалось писателями лишь в качестве приёма стилизации, намеренного отклонения от нормы

ради изображения народности, этнографического раскрашивания. Благодаря же Пушкину роль просторечия становится качественно иной, теперь это народная речь, составляющая основу русского литературного языка и отражающая его нормы. Не случайно в научной литературе в послепушкинский период возник термин «литературное просторечие» как обозначение разновидности разговорной литературной речи стилистически маркированного пласта литературного языка. Таким образом, существует литературное просторечие – сознательное использование просторечных слов в пределах нормы со стилистическими целями и нелитературное, обусловленное недостаточной образованностью человека, практическим отсутствием речевой культуры: *уплОчено, шОфер, дермаНтин, Сходить с трамвая, ейный, оттудова, нету, вчераь, значить...*

Приходится с сожалением констатировать, что сегодня соблюдение лексических, орфоэпических, грамматических норм в устной, и не только, речи – большая редкость. Мы постоянно слышим: «Кто крайний?», «Сделайте мне полкило сыру... *Вешайте, вешайте!*», «Подскажите, где вы взяли эти яблоки?» «Вы сходите? Вы слезаете?» «Это обезбаливающее средство», «обои» вместо «оба», ихний, *плОтят, ездют, красивЕЕ, шОфер, квАртал...*

Вот наиболее типичные речевые ошибки, выявленные в наблюдениях, в том числе за речью сотрудников радио, телевидения, деятелей культуры, науки, преподавателей и студентов.

Использование слова в не собственном ему значении: «Я буду дома в районе двух часов», «Ольга была моложе Татьяны и всегда навеселе» (из сочинений абитуриентов). Из других источников: «Госсекретарь *скоропостижно* сменил тему разговора», «В продажу поступила *плеяда* автомобилей», «*Выше* уже было сказано», «*Вперёд* представим себе»... Употребление слов, не зафиксированных в словарях: «Мне чрезвычайно *волнительно*».

Неверное, применение заимствований – вечная проблема, берущая своё начало с древних времён и особенно остро проявившаяся в эпоху Петра I. Известны высказывания о заимствованиях Сумарокова, объявившего борьбу «щеголям и щеголихам» за их чрезмерное «офранцуживание» русского языка; Карамзина, активно и скрупулёзно калькировавшего иноязычные слова; Шишкова, который категорически настаивал на изъятии иноязычных лексем из русского языка и замене *бильярда шарокатицей, фортепиано – тихогромом, фонтана – водомётом, калош – мокроступами*; Пушкина, который в «Письме к Киреевскому» говорил об использовании иностранной лексики только в случаях, когда ей нет семантических эквивалентов в русском... Процесс иноязычных заимствований был присущ всем периодам развития русского литературного языка, и здесь не раз возникала общественная полемика, суть которой сводилась, с одной стороны, к ограждению языка от иноземных влияний, а с другой, к защите их как «элементов, составляющих основу интернациональной лексики». Тот же Пушкин с радостью использовал иностранные словечки для создания иронии и эффекта непринужденности: «Она казалась верный снимок *Дю камильфо* (Шишков, прости, Не знаю, как перевести)». Наконец, известны слова Белинского, что без заимствований любой язык мёртв. Но у нас разговор не столько о том, необходимы ли иноземные слова, сколько о том, насколько правильно их (как данность) используют наши сограждане. И надо сказать, что в речи наших современников ошибки, связанные с заимствованиями, довольно часты: «Перед нами *дилемма* (вместо проблема) обеспечения пенсионеров достойными средствами для проживания», «Нам было приказано *аннулировать* (вместо ликвидировать) вражескую группировку», «Проводится *рестаурация* (починка) одежды» и др. Нередко обильное использование иноязычных лексем приводит к запутанности мысли (в данном

примере юридической): «Для характеристики приоритетных мотивационных тенденций в поведении учащегося весьма информативными являются конфликтные ситуации, спорадически функционирующие в его *modus vivendi*».

Другая распространённая ошибка – лексическая несочетаемость, вызванная так называемой контаминацией (смешением двух выражений): «Вручить (подарить) цветы», завоевать (одержжать) победу, увеличить (улучшить) качество, выполнять принципы (обязательства), наступила (началась) война, поднять (бокалы) тост (произнести), играть (роль) значение и др.

Когда-то Ломоносов в своём предисловии к «Российской грамматике» писал: «Без грамматики тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция». Тем не менее и грамматические нормы мы в своей речи часто не соблюдаем. Выражается это, например, в нарушениях управления глаголов: «Он подчеркнул о том, что необходимо исходить от этой проблемы», «Я скучаю за ним», «Они тешат себя на уничтожение России»; те же ошибки после предлогов *согласно*, *благодаря*, *вопреки*, которые требуют постановки существительного в дательном падеже, но используются с родительным: *благодаря свидетельства*, *вопреки закона*, *согласно указания*; в не соответствующем норме образования аналитической формы степеней сравнения: «Народ более теснее сплотился вокруг этого лидера»; в неверном употреблении местоимений *обои* (оба), *с обоих* (обеих) *сторон*, *ихний* (их); в неумении склонять числительные: «Более *восемьсот человек*», «Пароход с *четыреста восемьдесят семью пассажирами*»; в нарушении согласования: «Это поколение называют себя...»; в неправильном употреблении причастий: *выдающий* ученый, *пресмыкающееся* насекомое и т.д.

Изобилует сегодняшняя речь тавтологиями, плеоназмами. Это, с одной стороны, повтор однокоренных слов:

«Следует отметить следующие недостатки», «Объединить воедино», «Эти впечатления запечатлелись на все годы», «Вооружить оружием». С другой, плеоназм обнаруживает себя в словосочетаниях *свободная вакансия*, *промышленная индустрия*, *чёрная меланхолия*, *прейскурант цен*, *главная суть*, *памятный сувенир*, *очень прекрасно*, *своя автобиография*, *период времени*. А вот примеры из речи нашего бывшего Президента: «Мы заключили договор, в котором наши страны договорились», «Главный приоритет», «Преобладающее большинство», «Наиболее оптимально».

Многие люди не различают слова, близкие по звучанию, но разные по значению – явление, получившее в лингвистике название «паронимия»: *хищный-хищнический*, *эффектный-эффективный*, *главный-заглавный*, *дипломник-дипломант*, *факт-фактор*, *представить-предоставить*. Хотя известно, что благодаря тому же Пушкину даже бывшие стилистические синонимы *невежа-невежда*, означавшие одно понятие: «человек, не осведомлённый в какой-либо области» пережили семантическое разделение: *невежа* стало соотноситься с *невежливый* (невоспитанный), а *невежда* – с *невежественный* (в прежнем значении).

Бичом современной коммуникации является многословие, а также слова-паразиты, засоряющие и снижающие уровень нашей речи: *значит*, *это самое*, *ну-у*, *в общем*, *так сказать* и многие другие. «Желаю Вам личного счастья и большого человеческого благополучия», «Боюсь, что слишком тяжёлые меры должны мы предпринять, чтобы потом нам не сказали, что мы что-то не то». В последнее время весьма популярными стали вводные слова *короче*, *что ли* и, особенно, *как бы*, без которого не обходится порой даже образованный человек. Это «как бы», согласно мнению психологов, является своеобразной «передышкой» в процессе формирования мысли, однако с точки зрения речевой культуры ис-

пользование его трудно оправдать: «Я как бы поступила в университет», «Мы как бы успешно выступили в соревнованиях», «Наши политологи как бы смогли отстоять свои позиции в данном вопросе» и т.д.

Другая беда нынешней речи – избыток штампов, готовых формул, канцеляризмов, трафаретов, способствующих тому, что слово теряет свою окраску, тускнеет, стирается: «*Вышеупомянутые недостатки в системе спортивной подготовки грядущего поколения столь существенны, что требование их безотлагательного искоренения и принятия соответствующих мер по их искоренению – одна из главнейших наших задач*». Злоупотребление канцеляризмами приводит иногда к абсурду: «Мария так смеялась в адрес Кольки!», «Ты по какому вопросу плачешь?», «Все дети охвачены горячими завтраками». Иногда такая «штамповка» способствует исчезновению смысловой нити высказывания. В результате, как писал Маяковский, «мысль, яснее помидора, обволакивается туманом сизым»: «*Ввиду того, что я проживаю в упомянутом доме, он пришел почти в труху, просто одна основа осталась, поэтому снимите с меня ответственность, каковая должна произойти, ибо держится на подпорках и углы поехали в разные стороны*».

К стилевому абсурду приводит неумелое использование стилистических возможностей, нарушение пушкинского принципа «соразмерности и сообразности», согласно которому речевые средства должны соответствовать ситуации: «У Ольги и Татьяны Лариных были уха-жёры» (из сочинений абитуриентов). А вот ответ некоей жены на вопрос, что она делала дома днём: «*В течение рабочего дня я обеспечила наведение надлежащего порядка в жилом помещении. В последующий период мною было осуществлено посещение торговой точки с целью приобретения необходимых продовольственных товаров*». Фразы сами по себе вполне

грамотные, но применение канцелярского стиля в подобных обстоятельствах выглядит комично.

Следует обратить внимание и на засорение нашей речи жаргонной лексикой различных социальных, профессиональных и иных групп: *охмурёж, кимарить, тягомотина, в натуре, прикольно, гузнить* (ныть), *колбаситься* (танцевать), *сбрызнуть* (уйти), «*понты* (показные речи, бахвальство), *стасик* (таракан) и др. Так говорят наши студенты. (В своё время ещё Горький в словах-«сорняках» и выражениях типа *скукоживаться, шамать, вольтить, буза, катись квадратной колбасой* увидел опасность, грозящую речевой культуре. В статье «О словотворчестве Ильенкова» он писал: «Взбрыгнул, трушилились, встопорчил, грякнул, буруздил» и десятки таких плохо выдуманных словечек, всё это даже не мякина, не солома, а вредный сорняк, и есть опасность, что семена его дадут обильные всходы, засорят наш богатый, сочный, крепкий литературный язык»).

Тем более опасно использование ругательства, элементов аргю – явление, обнаруживающее чрезвычайную живучесть, чему, на мой взгляд, способствуют и многочисленные словари, лексиконы ненормативных слов, посылавшиеся на нас в конце XX века как из рога изобилия. Особенно те из них, которые содержат комментарии на том же ненормативном уровне.

Нередки и ситуативные логические неправильности. Например, плакат над артиллерийским училищем 1989 года, гласящий: «*Наша цель – коммунизм*», или надпись на памятнике солдату, рука которого обращена в сторону кладбища: «*Вся наша борьба – за выживание человека*». Вот выдержки из речи чиновника Госдумы: «*БОльшая половина присутствующих проголосовала «за»*»; из сочинений абитуриентов: «*Его сердце, душа способны любить не только простой народ, но и сразу двух женщин*» (о герое романа Проскурина «Судьба») или «*В нашей стране*

всё ещё встречаются лица, у которых под одеждой скрывается слабо-душие».

О соблюдении орфоэпических (произносительных) норм. Их формирование и становление шло тернистым путем (известна борьба московской и петербургской лингвистических школ, которая развернулась вокруг этой проблемы во второй половине XIX столетия). И хотя основой литературного произношения оставалось московское, рост петербургского влияния был весьма ощутим, что сказалось и на формировании современной произносительной нормы. Это устранение мягкости перед губными и заднеязычными звуками: *первый, верх*; признание приоритета произношения «чн» (в соответствии с написанием), а не «шн» *булочная, коричневый, сердечный* (итог ориентации на письмо и уменьшения воздействия деревни на речь горожан); отсутствие мягкости перед следующим мягким согласным *естественный, лавки*; в отличие от москвичей петербуржцы соблюдали нормы при склонении имен существительных в формах творительного падежа множественного числа *яблоками* (а не *яблоками*), *дочками, танками*; умеренное «аканье»; редукция предударных гласных. Все это характерно и для современной произносительной нормы.

Сегодня зафиксированы такие, например, нарушения, как неадаптированное «э» в иноязычных словах: *сантимэтр, берэт, тэма*, но *партер, бутерброд, тенденция*; употребление «шн» вместо «чн»: *яишница, скворешница, горчишный, солнечный*; вставочное «н» в иностранных лексемах: *компроментировать инцидент, прецендент, беспрецендентный*. Подвижный характер русского ударения, о котором говорил еще Третьяковский в середине восемнадцатого столетия, обусловил сложности в произношении многих слов: *Агент, аргумент, благА, засУха, красивЕЕ, квартаЛ, намерЕние, облЕгчить, угЛУбить, раКУрс, обеспЕчение,*

ходатАйствовать, средствА, хозяйвА, Эксперт, пАртер, свеклА, форУм, договорА, осУждена, феномЕн.

Особая тема – как проявляет себя литературная норма в языке массмедиа. Обычное человеческое общение это, так сказать, диалог любителей, а коммуникация через средства массовой информации – общение с помощью профессионалов. Профессионал же, обладатель журналистской или иной «языковой» профессии, по определению, должен быть куда более ревностным хранителем нормы, нежели простой обыватель.

Какова же реальная ситуация? Традиционно исследователи делят медиатексты на радиальные, телевизионные и газетно-публицистические. Очевидно, что сегодня журналистское произведение уходит от своего первоначального бытования в виде печатного текста, в наши дни это медиатекст, который существует в нескольких ипостасях: печатной, звуковой, визуальной.

Изменение нормы в медиатексте происходит прежде всего на уровне слова, чему способствуют самые разные факторы. В результате влияния социально-политических событий, отмены идеологической, а также в определенной степени литературно-языковой цензуры, следящих за чистотой языка, различия между нормативным и фактическим словоупотреблением в журналистике усиливаются, все более популярными становятся неологизмы, модернизмы, иностранные слова. Среди основных тенденций в изменении словарного состава языка массмедиа можно назвать такие:

– нашествие молодежного жаргона: *прикол, классный, крутой, туфта, предки, друган, короче, блин* (эвфемизм к ругательству), *кайф* (от турецкого *keif* «приятное безделье, ничегонеделание»), *пурга* (ерунда), *попса, чума, отстой, глюки, депресняк, простой, тусоваться, драйв, панки, фанаты, мент, в натуре, жесь!* (потрясающе хорошо и плохо), *халява* и др.

– активизация жаргона воровского: *брать на понт* (разыгрывать), *сходняк* (собрание), *понтоваться* (изображать из себя то, чем ты на самом деле не являешься), *зихер* (нехороший поступок), *пахан*, *лох*, *крышевание*, *бакланить* (разговаривать), *шевельнуть* (украсть), *нагон* (освобождение), *алес* (плохо), *братва*, *мочить в сортире*, *липовая ксива*, *беспредел* и др. Плюс достаточно широкое употребление наркоманских словечек: *колёса*, *нюха-чи*, *подсесть на иглу*, *травка*, *дурь*, *вмазаться*; лексики, пришедшей из торговли: *бабки*, *штука*, *зелёные*, *зашибать деньгу*, *отстёгивать*, *нагреть*, *накрутка*, *срубить бабла* или из речи компьютерщиков: *сидюк* (магнитофон), *чайник* (неопытный пользователь), *ламер* (некомпетентный, но претенциозный), *конфликт версий*, *железо*; а также из популярной музыки: *попса*, *петь живую*, *под фанеру*, *клипак*, *раскрутиться* и т.п.

Для чего журналистам жаргон? В первых, для того, чтобы точнее описать картину жизни определённой профессиональной или иной группы людей. Во вторых, для усиления эмоциональной, в частности иронической, оценки. Жаргонная лексика весьма экспрессивна и помогает передать большой спектр оттенков чувства. И в-третьих, насыщение текста жаргонизмами позволяет автору преодолеть дистанцию между ним и читателем, стать «своим». Это весьма сильное стилистическое средство; не случайно данная лексика появляется даже там, где раньше и представлять было невозможно, – во вполне серьёзных материалах о политике и экономике: «Самочувствие *зелёного* будет зависеть от цен на нефть», «*Сдавать своих* не принято в нашей политической *тусовке*», «Нотариусы ответят за *лажу*», «Законопослушным гражданам это достижение отечественной хирургии, конечно, *по барабану*». Тональность изложения темы при этом нередко переходит границы иронии, становится грубой, вульгарной. Жаргонизмы общего употребления (*мент*,

засветиться, *разборка*, *ботаник*, *туса* и пр.) распространены в газетном тексте довольно широко, и пресса (а вслед за ней и некоторые словари) способствует стилистической переоценке этих слов, «узаконивает» их публичное применение; в итоге вышеупомянутая сомнительная лексика приобретает некую нормативность, стилистическую нейтральность.

Другие тенденции – это, к примеру, активное использование того же просторечия, иногда продукта народной этимологии: *видак*, *совок*, *телик*, *гомо советикус*, *дерьмократия*, *развлекаловка*, *прихватизация*; или разного рода иноязычной лексики: *альтернативный*, *консенсус*, *нонконформизм*, *коррупция*, *плюрализм*, *популизм*, *брокер*, *демпинг*, *лобби*, *маркетинг*, *менеджер*, *рейтинг*, *политика аншлюса*, *мафия* (*мафиози*, *мафиозник*), *мэр*, *деполитизация*, *европеизировать*, *администрация*, *тоталитаризм*, *феминизм*, *экстремизм*, *ксенофобия* и пр.

Лексика, обозначающая реалии советского периода (*социализм*, *социалистический лагерь*, *комсомольцы*, *многостаночница*, *субботник*, *ночная смена*, *передовик*), вытесняется. Советизмы, такие, как *мудрый вождь*, *светлое будущее*, *отец всех народов*, *великий кормчий*, используются в качестве средства создания иронии. На смену старому лексикону приходят, с одной стороны, определения, более близкие реалиям нынешней политической и иной жизни: *афганец*, *застой*, *гебист*, *особист*, *омоновец*, *восьмёрка*, *горбачёвщина*, *жириновщина*, *мемориалец*, *пикет*, *аппаратчик*, *советская империя*, *демдвижение*, *деморосс*, *медведи*, *ортодоксы*, *зелёные*, *тёлка*, *бойфренд*. А с другой, возрождается исторический словесный ряд, ранее практически вышедший из употребления: *коммерция*, *коммерсант*, *торги*, *купечество*, *миллионер*, *миллиардер*, *атаман*, *гимназия*, *лицей*, *господин* (*госпожа*), *сударь* (*сударыня*), *благотворительность*, *духовность*, *милосердие*, *покаяние*. Сюда же можно отнести использование библей-

ских выражений: *каинова печать, египетская казнь, нищие духом, святая святых, крошечная тьма*.

Происходит также внедрение метафорической или эпатажной лексики в качестве средства создания иронии: «вселенский хай», «канадские халявщики», «испанские страсти в казанском притоне», «пенсия на два чиха» и стандартных социальных или национальных дефиниций: «итальянцы-макаронники», «лягушатники-французы», «загадочная русская душа», «лица кавказской национальности»...

Заметим, что употребление журналистами новой лексики сопровождается многочисленными ошибками (орфографическими, орфоэпическими, морфологическими, синтаксическими, стилистическими). В орфоэпии (особенно часто в репортажах специальных корреспондентов радио и телевидения): *вкЛЮчим, позвОним, шОфер, звОнит, осУжден, скомпромеНтировать, дермаНтин, квАртал, Эксперт, хозяевА, красивЕЕ, свеклА, договорА* и др. Однако гораздо более значимыми являются нарушения языковой нормы в области лексики, в частности иностранных слов. Ошибки вызваны прежде всего ложной интерпретацией заимствований либо низким общим языковым уровнем конкретного журналиста, что и приводит к неправильному словоупотреблению. «Шлягером сезона стала пресс-конференция, которую артисты впервые провели после концерта» (термин «шлягер» предполагает многократность явления). «В середине октября на архитектурной биеннале в Венеции Россию представляла»... (существительное «биеннале» – фестиваль, выставка относится к среднему роду), «Болельщики ярославской команды хоккеистов были шокированы поражением «Локо-

мотива», ведь они так основательно готовились к матчу с командой «Ак Барс» («шокированы», т.е. *поставлены в неловкое положение* употреблено в значении «потрясены»). «Сами о себе французы говорят, что они народ вежливый, *жонтильный*». ЖАнтильный (а не жОнтильный) у нас означает «жеманный, кокетливый, изнеженный», французское же слово «gentil» – это миловидный, любезный. «Специалисты-фармацевты *рекомендуют советы* по лечению тяжёлых недугов» (советы нельзя «рекомендовать», их можно давать). «Писатель пришел на встречу с поклонниками в кроссовках, к счастью, ему нашли приличествующие для такого случая чёрные ботинки, и *статус-кво* был восстановлен» («статус-кво» – прежнее состояние. Это сочетание было бы уместным, если бы с писателя сначала сняли, а потом надели всё те же чёрные ботинки).

Как мы видим, перемены в политической, социально-экономической жизни страны способствуют появлению новых языковых явлений, в том числе в области лексики средств массовой информации. За этим следуют и изменения в языковом вкусе общества. К чему ведут эти процессы в большей степени – к обеднению или обогащению общей культуры речи, сказать на данный момент сложно. Приведенные выше примеры, во всяком случае, свидетельствуют о неблагоприятном состоянии сегодняшней массовой речевой культуры. А ведь слово для носителей языка – ближняя реальность, влияющая на весь «внешний» мир. И от того, как они будут к слову относиться, зависит не только будущее языка, но во многом и будущее реальности внелингвистической.

Наталья Иванова

Родилась (1985)
в Казани.
Окончила
Казанский
государственный
университет.
Пишет как стихи,
так и прозу.
Несколько лет
назад под
псевдонимом
Наталья Гарда
издала книгу
«Лебединый
стяг», куда вошли
прозаические
произведения
в жанре
«фэнтези».
Стихи Натальи
Ивановой
печатались
в альманахах
поэзии
литобъединения
КГМУ «Rara avis»
(2003), «Homo
ognitus» (2004),
«Галактика
любви» (2006),
«Белая Ворона»
(2007), «Ковчег»
(2009).
В 2008–2009 годах
Наталья Иванова
принимала
участие в
«Аксёнов-фесте»
(мастер-классы
Евгения Попова
и Игоря
Иртеньева),
а также в Первом
открытом
фестивале
современной
культуры
«Kremlin live»

Имя для зыбкой тени

* * *

Сыплется зерно за межу:
Снег идёт, и время идёт.
Хочешь, я тебе расскажу,
Что такое солнцеворот?

Выцветшего неба глаза.
Свечи на холодном ветру.
Долгая дорога назад.
Стрелка, описавшая круг.

Меж землёй и небом темно,
И, держась поближе к огню,
Смотрит ночью кошка в окно,
Больше полагаясь на нюх.

Хищного крыла тёмный след,
Цепь шагов по тонкому льду...
Молодой и робкий рассвет
Самой длинной ночи в году.

* * *

На груди дыханье тени:
Сон, приманенный силком.
Тёплый след прикосновений,
Запах мёда с молоком.

Вкус вина и шоколада,
Белых плеч и тёмных губ.
Не целуй меня, не надо,
Ни в сердцах, ни на бегу...

Тихо плавится в ладони
Тонких пальцев ломкий лёд.
Скоро март, и всё утонет,
Отболит и отпоёт.

И весна, едва одета,
Невесома и хрупка.
Точно дуло пистолета
Эти губы у виска.

Скоро март, и снег растает,
И поднимется туман.
Все пройдёт, зимы не станет.
Но пока вокруг зима.

* * *

Зайчик солнечный упал с потолка:
Где-то за морем, в безмолвной дали,
Потускневшая за лето тоска
Посылает мне слабеющий блик.

Блѣкнет алое в закатных лучах.
Дай мне руку, я останусь с тобой.
В разделившую нас пропасть, крича,
Не шагну сама, не выброшу боль...

Запах дыма. Не очаг, не пожар,
Умирает сигарета в руке.
А со мною сок алоэ с ножа
Против крови на камнях и песке.

И пора бы торопиться к врачу,
Но к кому же обратиться в ночи?
Я лечу, на крыльях раны лечу
И, как прежде, не могу залечить.

Дай мне руку: что нам нынче терять?
Только то, что обрести не пришлось.
Я исчезла, я с тобою опять,
Я пропахла твоим дымом насквозь.

* * *

Пиши мне на стекле, рисуй вино и свечи.
Целуй как в первый раз, пусть все увидят, пусть!
Зови меня во тьме, и я тебе отвечу,
И не уйду туда, откуда не вернусь.

Смотри в мои глаза, как будто что-то значу;
И за руку держи, иначе оступлюсь.
Люби меня взахлёб, вслепую, наудачу,
Не отпускай туда, откуда не вернусь.

Бери меня с собой на танцы и на битвы,
На пирс, и на перрон, и в омут с головой...
Единственный каприз – последняя молитва:
Не оставляй меня. Мне не прожить одной.

* * *

От беды до беды по нелепой прямой,
По последнему взгляду, по вражьей стреле.
От звезды до звезды, как из плена домой,
По горячим углям, по летучей золе.

От мечты до мечты в полный рост, не таясь
Босиком по стеклу и пешком по воде...
От черты до черты, беззаботно смеясь,
И тем громче, чем ближе к последней черте.

* * *

До тебя чуть больше шага –
Не пройти, не пролететь.
Тлеет в сумерках бумага,
Не способная гореть.

Жгу письмо, ломаю цепи,
Пью вино в январской мгле,
Окунаю пальцы в пепел
И рисую на стекле.

* * *

Мы разные с тобой. Как всё у нас непросто:
Ты драгоценный дар, а я тебя кляню.
Там, где смеёшься ты, я сдерживаю слёзы.
Где ты предложишь мир, я объявлю войну.

Таков порядок, так устроено в природе.
Единство и борьба теперь закон для нас.
Мы слишком хорошо друг другу не подходим,
Чтоб это с рук сошло и не кололо глаз.

* * *

Как трепетно, жарко, зыбко
Кольцо ненадёжных рук...
Ты смотришь в лицо с улыбкой,
И я размыкаю круг.

Как короток взгляд прощальный,
Как скоро порвётся нить,
И не задержать дыханье,
Не время остановить.

Невольница

На мне чадра; звенят мои браслеты,
Поёт ситар под сводами шатра;
Босой ногою в лёгком танце ветра
Я трогаю узорный шёлк ковра.
Мои ладони легче крыльев птицы,
Мой смех нежнее звона бубенцов:
Всему на свете можно научиться,
Едва личиной скроется лицо.
На мне чадра, и я быстрее лани,
Сильнее льва и кротче воробья;
На мне чадра; меня ведут желанья,
Но я танцую только для тебя.
Мир тонет в кисее ночной прохлады;
Ситар смолкает в дремлющих руках;
Свой бледный лик, возлюбленных отраду,
Луна стыдливо прячет в облаках...
Лишь пожелай – твоей покорна воле,
Я танец мой продолжу до утра:
Я всё и все, и вся твоя, доколе
Скрывает слёзы верная чадра...

* * *

Здесь, у берега Белой Кости,
Я жила много лет назад;
Здесь под тяжестью спелой грозди
Припадала к земле лоза;
Здесь меня отпускало горе,
Расправляла печаль крыла
И безумное пело море
О любви, что навек ушла...
Выжигало свои узоры
Солнце дня на моём лице;
Выцвел плащ, облачась в который
Я спала на твоём крыльце,
И мои выгорали косы,
Становясь будто лён в цвету...
Кто мне пел, кто сидел на вёслах?
Я забыла свою мечту.

* * *

Что было дорого – разбито, сломано,
Осколки пущены на витражи,
И я б давно уже жила по-новому,
Но мне так нравится тобою жить.

Бессонным голодом, холодной просинью,
Последним выдохом пьяна душа.
Не хлеб, вино и соль, а ветер осени...
Но мне так нравится тобой дышать.

А голова гудит, и мир колыхается,
Как будто вечно я навеселе.
А хмель развеется – легко задышится...
Но мне так нравится тобой болеть.

Что было дорого – теперь осколками
Блестит на солнышке, где снег лежит.
А я, свободная, бреду потёмками:
Ах, как мне нравилось тобою жить.

Птица

Как тревожно смотреть на дрожанье свечи,
Если ночь, до рассвета уснуть не дано,
И как страшно одной оставаться в ночи,
Если белая птица влетает в окно.

Наши тени как будто о чём говорят,
Наши мысли пассатами прочь унесло;
Нам на плечи ложится всевидящий взгляд,
Где под сенью добра потаённое зло.

Опротивел покой; и опять, и опять
В море диких огней от темна до темна
Сердцу так надоело на месте стоять,
Сердце с криками просится вон из окна.

Всё смешалось в одно, и неясно пока:
Неужели удастся с собой совладать,
Вырвать чёрную нить из тугого клубка
И себя самоё у судьбы отобрать?..

Ничего не случится, проси не проси:
Так же шепчет в нетронутой чаше вино,
Да стучится, не в силах свечу погасить,
Сумасшедшая птица в чужое окно...

Бессонница

Дев бессонница учит лени:
Всё сиди себе со свечою,
С серым котиком на коленях
Да с распущенною косою.

Знай сиди да гляди в окошко:
Как там снег на тропинку ляжет,
Как метелица топнет ножкой –
Вдруг да суженого покажет?

Вдруг увидится ночью стылой
В снежном мареве серебристом
Самый ласковый, самый милый,
Точно снег в поднебесье чистый?

Как он взглянет, да что расскажет –
Нешто мало чудес на свете...

Сплю, и сон охраняет стража:
Котик серый, свеча и ветер.

* * *

Имя для зыбкой тени
Выбрать не поленись.
Чтоб повторять, в смятенье
Глядя с каната вниз,

Чтобы искать по свету,
Рок окликаая вслух,
Чтобы молчать ответно
Всем, кто тревожит дух,

Чтобы, дрожа от страха,
Не заблудиться в снах,
Чтобы, восстав из праха,
Не обратиться в прах,

Чтобы, смыкая веки,
Видеть хоть что-нибудь...
В танце, в покое, в беге
Имя не позабудь.

Борис Вайнер

«Всего вернее полутон...»

161

заметки о песенном тексте

1

Песенный текст есть балансирование между штампом и поэтическим открытием. Сказано это было об эстрадной песне, но справедливо, я полагаю, даже по отношению к такому жанру, как песня авторская, только шаблоны у бардов свои. А поле для баланса достаточно широкое, каждый выбирает дорогу по себе.

Я бы определил общий признак, общую черту песенного текста (в отличие от поэтического) как *неполноту*; вспомним формулу Верлена: «Всего вернее полутон, не полный тон, а лишь полтона, лишь он венчает по закону мечту с мечтою, альт, басон...» Стихи, как таковые, самодостаточны, они сами музыка и музыки не требуют (это не означает, что она не может быть написана). Текст же песни, естественно, только *часть* задуманного автором. Всякое сравнение, как известно, хромает, но всё-таки стихи готовый дом, а текст — дом недостроенный, жить в нём (то есть читать тексты как стихи) не слишком удобно. А то и вообще невозможно.

Когда я говорю «недостроенный дом», то имею в виду даже такого автора, как Окуджава. Разумеется, его пе-

сенные тексты близки к стихам, но и они в массе своей поэзией в традиционном, «книжном» значении этого слова не являются. Они вершина, но вершина именно песенной, а точнее *гитарной* поэзии. В них так же, как, скажем, в стихах представлявшего другое песенное направление Алексея Фатьянова («В городском саду играет духовой оркестр // На скамейке, где сидишь ты, нет свободных мест»), заложена неполнота. Это все-таки *дорога*, а не пункт назначения.

Кто-то из литераторов, рассуждая о песенных текстах как стихах, употребил даже слово «ущербность». Когда речь идёт о песенниках-профессионалах, это всего лишь *заданная поэтическая незавершённость*. Тексты, например, Михаила Щербакова бывают практически безупречны, но как гитарные тексты, а не поэзия в чистом виде; здесь иная, чем, возможно, было бы у того же автора в собственно стихах, ритмическая организация строки, синтаксические и орфоэпические особенности, метафорика; в конце концов автор песни просто дышит не так, как поэт, движение его чувства иное, что и фиксирует текст. Отличные тексты у мастера театральной и кинопесни Юрия Ряшенцева, за ними стоит серьёзная

поэтическая школа, но в данном случае это именно *песенная* поэзия.

Знаю многих «книжных» поэтов, написать текст для песни не способных; могу себе представить, что думает об их, абстрактно говоря, вполне неплохих стихах как возможной основе песни профессиональный поэт-песенник.

Иными словами, поэтическая «машинка» автора песни работает в режиме именно песни, а не стихотворения. И всё меняется, чтобы служить песне ясности смыслового и метафорического хода, лёгкости звука и пр., ибо песня, в отличие от книжной страницы, мимолётна. То есть задача формирует необходимые для её решения качества.

Вот замечательный детский поэт-песенник Юрий Энтин. Как вы полагаете, почему именно на его стихи удобно писать песни? Потому что эти тексты сами «просят» дополнить их ещё чем-нибудь – музыкой, вокалом, видеорядом. То же с текстами бардов, рок-поэтов, поп-текстовиков... Все они останавливаются на полпути к стихотворению как искусству, предоставляя пройти остальную часть дороги соавторам – певцу, композитору и пр. (в том числе и когда этот соавтор они сами). И если поиск нового смысла оказывается успешным, если художественное открытие всё-таки происходит, то всегда в большей или меньшей степени благодаря другим составляющим песни (мелодия, аранжировка, вокал, актёрское мастерство и пр.). При этом хороший текст стимулирует такое открытие и, следовательно, текстовик тоже является одним из его творцов.

Беда, если всего остального (того, что должно быть в данной песне сверх текста) недостаточно: чем незначительнее текст, тем большего шоу он требует. Симпатизирую «ЧайФу», но когда на канале «Культура» Шахрин с коллегой вышли однажды на сцену в качестве бардов с акустическими гитарами, зрелище получилось жалостное.

Что касается песен на высокую поэзию, прекрасно, что они есть и самим своим существованием поднимают текстовую планку до небес. Вот только

берут эту планку немногие музыканты, да и аудитория такой песни обычно невелика.

Добавлю ещё одну банальность: плохих жанров нет, есть плохие авторы. Но есть специфика. Разница между Никитиным, только на истинные стихи и пишущим, и, скажем, Митяевым состоит в том, что у Никитина музыка *абсолютно подчинена* неизменяемому поэтическому слову (что помогает ей быть тонкой и не мешает быть яркой), а у Митяева это уже *соподчинение*, взаимное согласование музыки и текста, здесь каждая составляющая может меняться ради целого, а это явный шаг от стихотворения, как такового, к песенному тексту. В поп-жанре, как правило, *слово подчинено* музыке (то есть у поэта здесь самая низкая степень свободы). А хорошая песня может получиться во всех трёх случаях. Просто итогом будут разные отношения между текстом и музыкой и разный удельный вес текста в конечном опусе. И разная, количественно и качественно, публика.

Лично я предпочитаю песенных авторов, пишущих просто. С той серьёзной оговоркой, что к этому «просто» у меня сложные требования. А из жанров тот, что пропагандирует Эдуард Успенский в «Нашей гавани». Эти песни сплошь и рядом неуклюжи, у них часто и авторов-то нет, зато жизни в них больше, чем, может быть, во всех остальных. Если же песня в этой манере создана мастером Виктором Бокковым, Юлием Кимом или, скажем, Сергеем Трофимовым, это, с моей точки зрения, лучшее, что вообще может существовать в песенном жанре.

Общего ответа на неизбежный вопрос о том, что есть сложность и что есть простота, чем последняя отличается от примитива, на каком численном показателе узкая публика становится публикой большой etc., не существует, всё решается применительно к конкретному случаю, известному тексту, определённой песне.

Есть песни, которым хочется и легко подпевать, например «Лампочке»

Любови Захарченко. А вы пробовали когда-нибудь подпеть мирзаяновской (и кузнецовской) «Мухе»? Когда смысловой и звуковой тканью песни автор отделяет себя от слушателей, то и слушатели, по крайней мере значительная их часть, от него отдаляются, как бы привлекательна в своей сложности, как бы изысканна ни была сама ткань (а зачастую именно поэтому)...

Кстати, изысканность – в песне ли, стихах ли – это что? Скажем, фольклорное заклинание «Падите, мои слёзоньки, не на землю, не на воду, не на господень храм // Падите прямо на сердце злодею моему» – разве оно при всей своей ясности не в высшей степени изысканно? С другой стороны, являются ли признаками поэтической утончённости дежурный метаметафоризм, нарочито усложнённые ритмика и синтаксис, лёгкая (о тяжёлой умолчу) эпатажность, по которым обыкновенно узнаёт «своего» нынешняя столичная и околостолечная литературная тусовка? Мне, например, кажется, что этот фейсконтроль и само местонахождение множества авторов в довлеющей стилевой матрице проистекают по большей части из человеческого несамостояния, из книжности житейского опыта, из страха безвестности и стремления поэтому во что бы то ни стало вписаться в группу. А если человек не слушает себя самого и уходит от сущностного (но «неформатного»), чтобы попасть в обойму, он обречён на неудачу.

«Не делайте мне красиво!» – говорил, помнится, Ростропович на репетициях. Делайте точно, тогда и выйдет красиво.

Другая матрица – эстетика воинствующего примитива (тоже в своём роде мейнстрим). Диву даёшься, когда невзначай прислушиваешься к этим песням (или видишь эту рифмованную риторику в журнале): ни малейшей попытки выйти за пределы стёртых, ничего уже не означающих слов и словесных конструкций! Какое уж тут балансирование... Мальчик Кай из анекдота, снова и снова пытающийся во дворце Снежной Королевы сложить слово «веч-

ность» из букв «а», «п», «о» и «ж»; песни не духа, не души, даже не тела, песни пустоты, нуль, на который всем нам предлагается себя умножать.

Цитат не привожу, невозможно хоть что-нибудь запомнить.

И ещё о простоте. Той самой, в которую поэт (а тем паче автор песен) должен впасть, как в ересь. Гёте, кажется, делил путь писателя на три этапа: сначала просто и плохо, затем сложно и плохо, и только потом просто и хорошо. Я бы добавил, что итоговой простоты, которая на самом-то деле проста только с виду, достигают очень немногие. В том числе потому, что остальные авторы сознательно или бессознательно противятся ей, ведь простота чревата для её носителя выпадением из привычной литературной среды. Эта публика от выросшего и в отличие от неё самой, *изменившегося* поэта неизбежно отвернётся.

Между прочим, у Пастернака хрестоматийными уже строчками стихотворение не заканчивается (Далее курсив мой. – Б.В.):

...В родстве со всем, что есть, уверюсь. –
И знаясь с будущим в быту,
Нельзя не впасть в конце, как в ересь,
В неслыханную простоту.

Но мы пощажены не будем,
Когда её не утаим.
Она всего нужнее людям,
Но сложное понятней им.

2

Неполнота как родовой признак, разумеется, не даёт авторам песни права на неточность. Тем не менее ошибок в песенных текстах море.

Разделить эти неточности можно на две группы.

Первую назовём «уступки звуку».

Представьте, что в вашем песенном тексте для вокалистки М. стилистически предпочтительно слово «рассвет», а не «восход». Но М. гораздо лучше выпевает звук «о», нежели звук «э». Какой из двух синонимов вы выберете для рефрена?

Ещё пример из старого шлягера:

У меня есть сердце,
А у сердца песня,
А у песни тайна,
Хочешь – отгадай.

Почему автор написал «отгадай», а на «разгадай», хотя тайну-то именно что разгадывают? Потому что звукоряд «чешьот» поётся легко, а «чешьраз» трудно произносим.

Вторая группа – это, несть им числа, разнообразные следствия невладения или недостаточного владения ремеслом. Примеры из песен разных лет, поскольку проблема из разряда вечных:

Веселья час и боль разлуки
Хочу делить с тобой всегда.

«Час веселья» и «боль разлуки» – пары никак не идентичные. Либо «веселья час» и «час разлуки», либо «веселье встреч» и «боль разлуки», дабы привести части строки хоть к какому-то единому знаменателю.

Там красой слыла
Черноглазая Лейла.
Только кверху вскинет бровь –
Закипает в жилах кровь.

Сначала невразумительное «красой слыла» (славилась красотой? слыла красавицей?). Затем «вскинет кверху» (а можно вскинуть книзу?) одна из самых распространенных ошибок плохих текстовиков и поэтов, тавтологическое топтание на месте. И ни аранжировка, ни проживание «в Истамбуле, в Константинополе» героев модной не столь давно песенки не спасает.

Но мой плот,
Свитый из песен и слов,
Всем моим бедам назло,
Вовсе не так уж плох.

Плоты не свиваются (это не гнездо), а сбиваются. Слова – часть песни, следовательно, у автора получилось: «свитый из музыки, слов... и ещё слов» (снова тавтология). «Вовсе не плох» означает «хорош», а «не так уж плох»

означает «плох, но не в такой степени, как кажется». То есть две части короткой, из пяти слов, строчки друг друга исключают.

Я шёл пешком почти весь день,
И ноги так устали,
Когда пишу тебе я эти строки.
И вот сию под деревом,
Играю на гитаре,
Влюблённый и безумно одинокий.

Неуместное «когда» заставляет предположить, что герой писал «эти строки» ногами. Можно даже догадаться, какой именно: левой задней. Отсюда результат.

У нас дома детей мал-мала,
Да и просто хотелось пожить.

«Мал-мала меньше» и «много» не синонимы, к тому же без «меньше» выражение вообще не существует.

Шлю я, шлю я ей за пакетом пакет,
Только, только нет мне ни слова в ответ.

Ну просто секретная военно-полевая почта: за пакетом пакет. И ведь легко правится: «за приветом привет». Дарю.

Где ж ты, моя темноглазая, где?
В Вологде-где-где-где, в Вологде-где,
В доме, где резной палисад.

Надо же, влюблён, а цвета глаз не помнит. Темноглазая и всё тут. Не верю!

Люди жгут на кострах уходящее лето,
И частичку души, и немного себя.

Душа, стало быть, в «себя» не входит. Зомби и есть зомби. Жуткое вообще-то зрелище, Стивен Кинг плюс.

Тёплая вода,
Золотой песок,
К северу лицом,
Сердцем на восток.

Если встать к северу лицом, как поёт Ветлицкая, то сердцем на восток получится только в одном случае: если у тебя сердце справа. И не стоит ссылаться на переносный смысл: даёшь лекарство, будь добр учитывать побочное действие.

Снегири не гири...

«Иванушкам» просто предложу варианты бессмертной строки: «Дураки не раки», «Барсуки не суки», «Глухари не хари», «Тумаки не маки», «Череп не репа», «Рыбаки не бяки» и, наконец, «Макаки не каки». Смысла не убавится.

Ей было где-то тридцать шесть,
Когда он очень тихо помер.
Ей даже не пришлось успеть
Набрать его несложный номер.

При чём тут «где-то»? Что даёт нам эта приблизительность? А что, кроме рифмы, даёт простонародное «помер»? «Шёл трамвай четвёртый номер, на площадке кто-то помер...» А почему «пришлось успеть», если достаточно простого «не успела»?

А я в пруду для Лилии
Сорвал три белых лилии,
Три лилии сорвал.
А я в окошко Лилии
Бросал под вечер лилии,
Три лилии бросАл.

«Сорвал» – глагол краткого действия, «бросал» – длительного. Почему бросать 3 (три) лилии надо долго? А если это песенка дистрофика, для коего лилии те же гири, то как он умудрился быстро сорвать?

Изгиб гитары жёлтой
ты обнимаешь нежно,
Струна осколком эха
пронзит тугую высь,
Качнётся купол неба, большой
и звёздно-снежный...
Как здорово, что все мы здесь
сегодня собрались!

Рассогласование по временам: с одной стороны, «обнимаешь», с другой – «пронзит» и «качнётся». Мотивировка отсутствует. В качестве домашнего задания предлагается подумать, как можно улучшить первые строки бардовского гимна.

Приложение

Песенные строки в силу обилия в них всякого рода несурзиц, с одной стороны, и меняющихся условий жизни публики, с другой, становятся предметом не только иронического анализа, но и пародирования, постоянного и повсеместного, взрослыми и детьми. О чём и говорит материал, посвящённый одной из самых популярных в России песен.

«В лесу родилась ёлочка. А кто её родил?»

Стихотворение, написанное более ста лет назад Раисой Кудашевой (Гидройц) и тогда же положенное на музыку Леонидом Бэкманом, остается наиболее популярной в нашей стране детской новогодней песней. И в качестве «канонизированного», а значит, в каком-то смысле «навязываемого сверху» детям текста является для них предметом постоянного пародирования.

Надо сказать, что переделки известных песен весьма распространены в школьной среде. Иногда для того, чтобы услышать такую «школьную народную песню», достаточно открыть окно и прислушаться, что именно горланят во дворе мальчишки. В их репертуаре можно найти вокальное произведение практически на любой вкус: от сугубо фольклорного «Во поле берёзка стояла / Выпила сто грамм и упала» до недавнего попсового хита «Я тебя слепила из того, что было / А потом неделю руки с мылом мыла».

Что касается «Ёлочки», то первый из известных её вариантов относится к временам появления на экране знаменитого мультика по Эдуарду Успенскому.

В лесу родилась ёлочка.
А кто её родил?
Четыре пьяных ёжика
И Гена-крокодил

Ключевой вопрос немудрёного на первый взгляд стишка («Кто её родил?») возник не с бухты-барухты, а из недоверия к аистам и капусте, то бишь к неубедительным ответам взрослых на пугающее их «А откуда я взялся?». Дети вообще много раньше, нежели полагают папы и мамы, приходят к мысли, что просто так родиться ничего не может.

Дальнейшее развитие темы, с детской точки зрения, совершенно логично: «родителями» зелёного и колючего (ёлочка) могут быть, в свою очередь, только зелёное (крокодил) и колючее (ёжики). Такое «скрещивание», кстати, характерно и для детских анекдотов («Что получится, если скрестить ужа с ежом? Метр колючей проволоки»).

Другой любопытный момент: почему ёжики «пьяные»? А потому что имидж, выражаясь языком политики, у ёжика как героя сказок и мультфильмов однозначно положительный и «трезвый» – доброе, простодушное существо, которое и мухи не обидит. Имидж, добавлю, нещадно эксплуатируемый, а значит, тоже в своем роде канонизированный и набивший оскомину. Дети к определённому возрасту (то есть при достаточном жизненном опыте) начинают чувствовать, что «для правды жизни» этот умильный образ надо уравновесить, поэтому в анекдотах и пародийных песнях ёжики или наивные до глупости, или, наоборот, хитрые, или попросту пьяные.

Ещё один вариант «Ёлочки» связан с эпохой Просто Марии и вообще Плачущих Богатых. Едва появившись на российских экранах, «мыльная» опера стала объектом иронического переосмысления в частушках, загадках и песнях школьников. С чувством юмора у наших детей всё оказалось в порядке:

В лесу родилась ёлочка.
А кто её родил?
Мария Лопес-дурочка
И Виктор-крокодил.

Суровая действительность, врываясь в нарисованную забытой поэтессой идиллию, требовала всё новых и новых

песен. Или хотя бы старых на новый лад. Ну что ж... «Вы хотите песен? Их есть у меня!»

В лесу родилась Ёлочка,
Обидно ей до слёз:
Кругом волки позорные
И сизый Дед Мороз.

Сказочного сердитого волка из оригинала сменили крутые волки, а Дед Мороз Красный Нос стал Сизым (детская формула часто неуклюжа, но всё равно понятна), то есть и то и другое стало, что называется, ближе к жизни (кстати, этот вариант песни, в отличие от предыдущих, имеет несколько куплетов и чёткий сюжет, завершающийся весьма прозаично, а именно сооружением из еловых «досточек и палочек» места общественного пользования).

Не обошла «Ёлочка» вниманием и тематику эротическую (не цитирую этот вариант по причине обилия ненормативной лексики), и шпионскую. А последней по времени распространения, видимо, является версия криминальная:

В лесу родилась ёлочка,
Под ней сидит бандит
И ждёт, когда Снегурочка
Притащит динамит.

И вот бежит Снегурочка
И тащит динамит.
Ещё одна секундочка,
И ёлочка взлетит.

Изображая страшную ситуацию как комическую, дети пытаются сделать это страшное нестрашным, избавиться хотя бы на минуту от давления реальности, создав для себя некий психологический щит. То же мы видим и в других «детских народных песнях»; неважно, от чего именно они защищают своих авторов и популяризаторов: от террора, от недостоверной информации или просто от дурного вкуса.

И, наконец, последнее: первоизданная, каноническая версия «Ёлочки» поётся при этом как ни в чём не бывало. И приносит детишкам много-много радости. А почему бы нет?

В поиске пределов свободы самовыражения

Борис Мантелев

«Журналистика
коммерсантовская родилась даже
не из ноля, а из глубокого минуса.
Вся совковая журналистика, была
ли она левая, правая,
консервативная, прогрессивная,
была настолько отстойная, что я
бы вообще не называл её
журналистикой». Такое заявление
сделал в связи с празднованием
100-летнего юбилея своего издания
шеф-редактор ИД «Коммерсантъ»
Андрей Васильев. Фраза эта,
редкая по своей откровенности,
потрясла меня своей
безапелляционностью и заставила
вновь задуматься о пределах
самовыражения в различных
сферах жизни

Многие годы, общаясь с журналистами в Москве, регионах России и бывших советских республик, удивляюсь той настойчивости, с которой молодые и не очень работники СМИ радостно причисляют себя к особой касте людей, «формирующих общественное мнение», искренне гордятся самоназванием «четвёртая власть» и убеждённо отстаивают в качестве своих главных достоинств «правдивость», «позитивность», «сбалансированность подачи информации». Времена проходят, а количество таких псевдопрофессионалов непонятно какого ремесла не уменьшается. Наоборот, теперь этому странному «коктейлю» специально учат в вузах на факультетах, где журналистика даже в названии курсов тесно переплетается с принципиально иной дисципли-

линой «связи с общественностью», или так называемой новомодной PR .

Нельзя обвинять молодых и неопытных людей в том, что они повторяют давно отвергнутые теорией и самой жизнью идеологемы. Но этих молодых, начинающих специалистов можно и нужно упрекнуть в том, что они ленивы и нелюбопытны, не интересуются фундаментальными основами собственной профессии, не изучают историю вопроса и богатый опыт своих предшественников в нашей стране и за рубежом.

Между тем вопрос о возникновении и развитии средств массовой информации в России представляет несомненный практический интерес. Особенно полезно анализировать развитие прессы в мире применяя методы системного толкования и сопоставления фактов.

Известно, что одним из многочисленных нововведений российского царя-реформатора стало именно издание первой русской печатной газеты. 16 декабря 1702 года Петр I подписал указ, вместивший всего две, но весомые фразы: «Великий государь указал: по ведомостям о военных и всяких делах, которые надлежат для объявления Московского

и окрестных Государств людям, печатать куранты, а для печати тех курантов – ведомости, в которых приказах, о чём ныне какие есть и впредь будут, присылать из тех приказов в Монастырский приказ без мотчания (не мешкая, без промедления), а из Монастырского приказа те ведомости отсылать на Печатный двор. И о том во все приказы послать из Монастырского приказа памяти».

Из указа ясно следует, что сбор и обработка исходных материалов для газеты возлагается на органы центрального управления России – приказы, то есть на самих чиновников. Собираемая информация была необходима в первую очередь самому царю для принятия государственных решений. Цена каждого печатного слова была очень высока.

Ни о каких журналистах, независимых от властей профессионалах, вопроса не возникало тогда, а у многих и до сих пор не возникает. Отечественные государевы СМИ были созданы на казённые деньги для описания интересных для властей событий в приятных для этих чиновников манерах.

Симптоматично, что в указе говорится о печатании неких «курантов», а не собственно газеты. Объяснение простое: слово «газета» появилось в русском языке много позже. А вот в Италии, например, газета была известна задолго до петровских времён. И понимали под этим названием не только мелкую монету, но и небольшое оперативное рекламное объявление, которое заезжие и местные купцы самостоятельно печатали и без всякого согласования с властями продавали за ту самую монетку или вывешивали в людных местах для активизации продаж своего товара. Понятно, что стиль и содержание таких публикаций не финансировались и не согласовывались с градоначальником, были изначально неподцензурны.

Вот из столь разных корней произрастали основы свободной прессы и государственной пропаганды. Многие черты далёких предшественников можно обнаружить и в современных СМИ, способах работы журналистской братии в нашей стране и за границей.

Отечественные журналисты в подлинном понимании специфики этой профессии появились лишь после реформ 1861 года. Вместе с развитием местного самоуправления, земств появилась и настоящая независимая пресса, ежедневно читать которую считалось обязательным всякому интеллигентному человеку. Традиции свободы российской прессы были ликвидированы, как известно, одним из первых декретов советской власти. Причём сделано это было с иезуитской формулировкой; все буржуазные газеты закрывались «впредь до полной победы рабоче-крестьянской власти...». Вместо неуправляемого плюрализма мнений были созданы единообразные «подручные партии», коллективные пропагандисты и организаторы всех наших побед. После запрета КПСС с лёгкой руки министра печати Михаила Полторанина журналистов нарекли «четвёртой властью». Почти все пребывают в восторге от этой удачной формулировки

до сих пор. Всё труднее, правда, бывает ответить на самый простой вопрос: над кем самостоятельно властвуют сегодня журналисты и кто реально властвует над ними?

За несколько лет личных наблюдений нравов современных СМИ профессиональный журналист Павел Шеремет выделил четыре основных мотива, по которым люди сегодня приходят в журналистику вообще и на телевидение в частности. Перечислить их можно по мере нарастания важности.

Первый мотив – обыденность. Наверное, прагматизм – это самая распространённая причина выбора профессии. Родители считают, что работа в газете или на телевидении – идеальное для их детей место работы. Учителям в школе платят копейки, в медицинский институт не пройти – высоченный конкурс, заниматься бизнесом в России небезопасно. Единственный выход – податься в журналисты: неплохой доход, интересная работа, до недавнего времени уважаемая профессия.

Второй мотив – это тщеславие. Есть уверенность, что телевидение – самый короткий путь к славе, пропуск в мир избранных. Рассказывая о знаменитостях, вы сами чуть-чуть становитесь знаменитым, на вас падает отблеск их славы.

Третий мотив – любознательность. Валерий Панюшкин, обозреватель газет «Коммерсантъ» и «Ведомости», на вопрос, почему он пришёл в журналистику, ответил: «Я просто люблю рассказывать истории». Это точное попадание в цель. Любопытство – это сильный мотив и основа для успешной работы.

Однако только любопытства недостаточно. **Следует добавить миссионерство как четвёртый и высший мотив.** Вы понимаете и чётко знаете, чем ваше дело, ваша профессия отличается от других занятий. Вы можете сформулировать, в чём состоит идея фикс, и следовать этой идее, несмотря на трудности, соблазны свернуть с выбранного пути и эмоциональную уста-

лость. Все люди, которые стоят на вершине в телевидении, ощущают себя миссионерами и понимают, в чём заключена их сверхзадача.

Таким образом, все профессионалы СМИ рано или поздно приходят к осуждению своей миссии, сверхзадачи существования в данном ремесле. Классическое определение независимых СМИ звучит очень резко, но точно по сути. Настоящие журналисты должны быть «сторожевыми псами» общества. Именно поэтому во всех этических кодексах однозначно закреплено, что Журналист полагает свой профессиональный статус несовместимым с занятием должностей в органах государственного управления, законодательной или судебной власти, а также в руководящих органах политических партий и других организаций политической направленности.

Многим это ограничение профессионального статуса кажется неудобным и устаревшим. Предпринимаются попытки «опустить» этот пункт или переписать кодексы этики заново. Но истина в том, что именно в этом заключается основа профессии журналиста. Персональная смелость, честность и ответственность – необходимые качества любого журналиста. Но именно общественное значение данной профессии, её статус часто делают нас смелыми и ответственными.

Главным принципом всех независимых СМИ является категорическое требование безусловного сохранения профессиональной тайны в отношении источника информации, полученной конфиденциальным путем. Никто не может принудить журналиста к открытию этого источника ибо, предавши однажды, кто ж тебе поверит? Право на анонимность может быть нарушено лишь в исключительных случаях, когда имеется подозрение, что источник сознательно исказил истину, а также когда упоминание имени источника представляет собой единственный способ избежать тяж-

кого и неминуемого ущерба для людей.

Другое фундаментальное правило, которое крайне тяжело усваивается нашими журналистами, звучит также очень просто: мы никогда не едим там, где работаем!

Есть ещё несколько аспектов, определяющих, по мнению экспертов, особое значение журналистики.

Политический аспект. Свобода слова – обязательное условие успешного и устойчивого общества. Журналисты – это элемент общественного контроля над властью, поэтому истинные профессионалы считают, что не только свободная, а даже «отвязанная» пресса – спасение для России. В нашей огромной, коррумпированной и страшно бюрократизированной стране только свободная пресса может дать более-менее реальную картину дел в государстве. Чиновная машина всегда будет давать искажённую картину, лакировать действительность, скрывая истинные масштабы всякой аварии или даже катастрофы.

Общественный аспект. СМИ – это пространство для альтернативных политических и общественных идей. Оппозиционных партий нет в парламенте, и нет уверенности, что все проекты правящей партии правильные. Подвергнуть их экспертизе и провести общественную дискуссию можно только на страницах и площадках медиа.

Из этого вытекает ещё одна составляющая миссия – *коммуникативная*. Журналисты помогают разным политическим, культурным, профессиональным группам вступать в контакт друг с другом непосредственно в пространстве ток-шоу или опосредованно через статьи, репортажи и фильмы. Журналисты таким образом мобилизуют людей на общее дело и являются посредниками при выработке общественного договора по тем или иным вопросам.

Честное имя – капитал и ресурс журналиста. Нельзя связывать себя тесными узами с какими-либо религиозными, политическими или ины-

ми группами, потому что это ограничит ваше профессиональное пространство.

Человеческое общение – питательная среда журналиста. Необходимо любить людей и всегда проявлять интерес к тому, что вам рассказывают. Если люди будут чувствовать, что вам их история неинтересна, они никогда не раскроются перед вами.

Будьте подозрительны и всегда сомневайтесь. «Журналистика начинается там, где кто-то что-то пытается скрыть» – это меткое изречение известного английского лорда. Всё подвергайте сомнению, потому что это приближает к истинной подоплёке события.

Становитесь экспертом по тому вопросу, о котором вам предстоит рассказать. У вас должна быть собственная позиция по поводу того, что происходит, но вы должны ещё понимать суть происходящего.

Объективность – важная составляющая работы. Не всегда удается добиться стопроцентной объективности, но всегда к этому следует стремиться. Можно добиться популярности, наоборот, демонстрируя свою пристрастность и предвзятость, но эта популярность будет узкой и недолговечной. Популярность и уважение – разные вещи, об этом надо помнить всегда.

Избегайте профессионального высокомерия. Необходимо быть внятным и понятным в своих статьях и репортажах. Понимание – это не проблема зрителя, это забота журналиста. Даже самые сложные вопросы можно изложить доступно и ясно.

По мнению многих авторитетов, сегодня, в век информационных технологий, указанные принципы работы характерны уже не только для сотрудников СМИ, но и для писателей, всех творческих людей, активно существующих и действующих в медиапространстве.

Так, всемирно известный Салман Рушди, единственный из писателей, удостоенный Букера Букеров, причём не единожды, писателем себя совсем не считает. Ему приятней называться рас-

сказчиком. Говоря о своих жизненных ценностях, он подчёркивает: **«Свобода есть несогласие. Демократия есть дискуссия. В открытом обществе человек должен принять, что другие могут думать иначе, чем он. В противном случае – всё утонет в крови».**

Нам пока ещё трудно принять эти постулаты, поскольку мы выросли в период активной государственной пропаганды, тотальной цензуры. Многочисленные опросы общественного мнения показывают, что российское общество сегодня больно несвободой и жаждет решать все вопросы в основном силовыми методами. Более 95 процентов опрошенных требуют возобновления смертной казни, более 75 процентов испытывают активную неприязнь к мигрантам, более 60 процентов требуют незамедлительно узаконить цензуру в СМИ. Все эти признаки характеризуют печальные синдромы деградации гражданского общества. Лечить их можно лишь образованием и воспитанием нового поколения, свободного от предрассудков прошлого.

Надёжными маяками в разъяснительной, просветительной работе являются нормы Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, которую наша страна добровольно ратифицировала и обязалась выполнять более 10 лет назад.

Статья 10 ЕКПЧ гарантирует каждому право свободно выражать своё мнение, а также получать и распространять информацию и идеи, которое, однако, не является безусловным; часть 2 статьи 10 гласит: *«Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определёнными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны*

здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

Как видно из текста этой статьи, **Конвенция прямо говорит о пределах самовыражения, но требует, чтобы вводимые ограничения были «необходимыми в демократическом обществе».** Толкование именно этой части вызывает трудности на практике и приводит к жалобам граждан различных стран – членов Совета Европы в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), поскольку наличие в национальном законодательстве норм, ограничивающих свободу выражения мнения в целях, поименованных в Конвенции, воспринимается судами ряда стран как само по себе достаточное свидетельство необходимости этих ограничений.

Вместе с тем, в соответствии с четко выработанной практикой ЕСПЧ, эту необходимость следует доказывать применительно к каждому конкретному случаю. Само по себе наличие в ГК РФ или УК РФ тех или иных норм не говорит о их «необходимости в демократическом обществе», оно говорит лишь о том, что вмешательство «основано на законе»; но это лишь первая часть анализа любого дела, связанного с вмешательством в свободу слова и прессы. Далее следует самое трудное: определить необходимость вмешательства: *«Критерий «необходимости в демократическом обществе» требует от суда установления того, было ли обжалуемое «вмешательство» обусловлено «настоятельной общественной потребностью», было ли оно соразмерным преследуемой правомерной цели, являются ли доводы, приведенные национальными властями в его оправдание, уместными и достаточными»* (Гринберг против России, судебное решение от 21 июля 2005 года).

Этот подход был выработан ранее и применяется во всех решениях по

статье 10 Конвенции (например, решение ЕСПЧ «Джерусалем против Австрии» от 27 февраля 2001 года):

«Тест на «необходимость в демократическом обществе» требует, чтобы суд определил, действительно ли «вмешательство» было вызвано «острой общественной потребностью», соответствовало ли это преследуемой законной цели и были ли причины, указанные органами федеральной власти в его оправдание, уместными и достаточными (см. решение по делу «Санди Таймс» против Соединенного Королевства»)» №1 («The Sunday Times v. The United Kingdom») от 26 апреля 1979 года».

Проиллюстрируем, как производится такая оценка правомерности выхода за пределы допустимого, на примере дела **«Красуля против России»:** *«Анализируя конкретные обстоятельства дела, суд будет принимать во внимание следующие элементы: позицию заявителя, позицию человека, против которого была направлена критика, предметное содержание публикации, характеристику, данную спорным высказываниям национальными судами, словесное выражение высказываний заявителя, а также наказание, которое было к нему применено».*

Необходимо обратить внимание на то, что сам по себе ни один из этих пунктов не предрешает решения, все эти пункты необходимо анализировать в совокупности и определять, на чьей стороне – истца или ответчика (обвинения или защиты) находится перевес.

При анализе **статуса ответчика** (того, кто распространял информацию) следует учитывать, что журналист, редакция, СМИ пользуются большей защитой, чем отдельные физические или юридические лица, поскольку в задачу СМИ входит информирование населения, распространение знаний, поддержание общественной дискуссии по вопросам, представляющим значимость для развития демократии и обеспечения эффективного управления государством.

В отношении должности и статуса того, о ком информация была распространена, следует иметь в виду, что: *«Пределы допустимой критики в отношении политиков, как таковых, шире, чем в отношении частного лица. В отличие от последнего первый должен проявлять большую степень терпимости к пристальному вниманию журналистов и всего общества к каждому его слову и действию. Политические деятели должны выказывать большую степень терпимости, особенно если они сами делают публичные заявления, которые способны вызвать критику. Однако, выходя на арену общественных дискуссий, частные лица и ассоциации также представляют себя на всеобщее обозрение. В деле «Нильсен и Джонсен против Норвегии» суд счёл, что правительственный эксперт г-н Братолм, вовлечённый в спор с г-ном Нильсеном и г-ном Джонсеном, с учётом своей должности, не мог бы приравняться к политическому деятелю, который должен выказывать большую степень терпимости. Тем не менее суд счёл участие г-на Братолма в общественных дискуссиях достаточным фактором для признания его таковым (№ 23118/93, п. 52, ECHR 1999-VIII)».*

В деле «Красуля против России» главный редактор газеты «Новый гражданский мир» был привлечён к ответственности по ст. 129, ч. 3 УК РФ (за клевету, связанную с обвинением в совершении особо тяжкого преступления) за публикацию статьи о губернаторе Ставропольского края под названием «Черногоров подбирается к Ставрополю. Размышления по поводу одного решения городской думы», в которой он назвал губернатора «шумным и амбициозным, но полностью неспособным» управлять регионом и в которой привёл свои размышления о том, почему вдруг городская дума проголосовала за назначение мэра города (вместо ранее существовавшей процедуры его выборов) после посещения данного заседания губернатором и лицами из его ок-

ругения. ЕСПЧ отметил, что в данном деле публикация касалась профессионального политика, в отношении которого пределы приемлемой критики шире, чем в случае с частным лицом. «Выступив кандидатом на выборах губернатора, мистер Черногоров взошёл на политическую сцену и, неизбежно и сознательно, сделал каждое своё слово и деяние открытым для пристального изучения со стороны журналистов и публики в целом. Следовательно, он должен был проявить большую степень толерантности» (судебное решение от 22 февраля 2007 г.).

Суд исходит из того, что политики, общественные деятели, депутаты Законодательного собрания, выборные лица имеют возможность доказать свою правоту и отстоять свою точку зрения в СМИ, публичных дискуссиях, лекциях и т.п., то есть для них моральный вред может быть компенсирован не только деньгами. В большинстве случаев ЕСПЧ считает, что для защиты их чести и достоинства в случае публикации недостоверных фактов, вызванной добросовестным заблуждением журналиста, достаточно потребовать опубликования опровержения.

Меньше свободы у СМИ и частных лиц в отношении критики стражей порядка, выполняющих свои функции:

«31. Суд, рассматривая факты этого дела, должен был выяснить, соответствовало ли, в данных обстоятельствах, ограничение права господин Яновского на свободу выражения взглядов «насущной общественной необходимости», отвечало ли оно определённой законной цели, и были ли у национальных органов власти основания, оправдывающие это вмешательство, «уместными и достаточными».

32. В связи с этим суд отметил, что заявитель был признан виновным в нанесении оскорбления муниципальным стражам порядка, которых во время инцидента на площади он назвал «чокнутыми» и «глупцами». Свидетелями этого инцидента были случайные наблюдатели, и возник он в

связи с действиями муниципальных стражей порядка, которые требовали, чтобы уличные торговцы перешли с площади на другую улицу (...). Следовательно, замечания, высказанные заявителем, не были частью открытой дискуссии о предметах гражданского интереса; не касались они и проблемы свободы прессы, так как заявитель, хотя и журналист по профессии, в данном случае действовал как сугубо частное лицо. Суд также указал, что основанием для признания заявителя виновным, были два слова, которые и суд первой инстанции, и апелляционный суд признали оскорбительными, а не тот факт, что он высказал критику в адрес стражей порядка или указал на тот факт, что их действия были незаконными (...).

Исходя из этих обстоятельств Суд признаёт неубедительными утверждения заявителя о том, что широкие круги общественности рассматривали его осуждение как попытку органов власти возобновить цензуру и отбить всякое желание высказывать критику в будущем» (Яновский против Польши, судебное решение от 21 января 1999 года).

Критика суда и судей ещё менее допустима, поскольку она может отрицательно повлиять на авторитет судебной власти и беспристрастность правосудия. Именно поэтому ЕСПЧ очень пристально анализирует все нюансы дел, которые так или иначе связаны с судебной властью.

В отношении же правительства пределы критики даже шире, чем в отношении политиков, поскольку эффективность государственного управления представляет непосредственный интерес для народа.

При анализе содержания материала ЕСПЧ учитывает его тему, интерес для общества, значимость для развития демократии и т.п. Содержание материала может служить распространению идей и знаний, привлекать внимание к политическим и общественным проблемам, оценивать эффективность

государственного управления, обсуждать расходование бюджетных средств и т.д. Однако под защитой Конвенции не находятся нападки на конкретную личность, которые не имеют никакой информационной ценности и преследуют исключительно цель доставить ей неприятности, опорочить, очернить, оскорбить.

Наконец, следует напомнить, что в демократическом обществе люди имеют право комментировать и критиковать отправление правосудия и официальных лиц, в него вовлечённых. Признаётся, что пределы допустимой критики в отношении гражданских служащих, исполняющих свои обязанности, могут в некоторых случаях быть шире, чем в отношении частных лиц. Однако нельзя сказать, что гражданские служащие сознательно поставили под пристальное внимание каждое своё слово и деяние в той же степени, что и политики, и что они должны, соответственно, рассматриваться наравне с ними, когда идёт речь о критике их действий. Более того, гражданские служащие должны пользоваться доверием общества в условиях, свободных от произвольных перестановок, если от них требуется успешное выполнение ими своих функций, и, следовательно, может стать необходимой их защита от одиозных, оскорбительных или диффамационных атак в период исполнения ими своих обязанностей. Прокуроры являются гражданскими служащими, в задачу которых входит содействие надлежащему отправлению правосудия. В этом отношении они составляют часть механизма судебной системы в широком смысле этого термина. Все заинтересованы в том, чтобы они, как и работники судов, пользовались доверием общества. Следовательно, у государства может быть необходимость защитить их от необоснованных обвинений.

Важно отметить, что международные стандарты дают чёткое представление о пределах допустимого в общественных дискуссиях, о праве на неправильное. Право на непра-

вильное довольно широко, но не безгранично. Всякий человек, а не только журналист обязан знать, что не находятся под охраной Конвенции высказывания, мнения и идеи, отрицающие Холокост, оправдывающие нацизм и неонацизм, содержащие утверждения о якобы имевшем место преследовании евреями поляков, огульные обвинения всех мусульман в терроризме, а также содержащие призывы к насилию.

Ничто в настоящей Конвенции не может толковаться как означающее, что «... какое-либо лицо имеет право заниматься какой бы то ни было деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на упразднение прав и свобод, признанных в настоящей Конвенции, или на их ограничение в большей мере, чем это предусмотрено в Конвенции».

При анализе словесного выражения высказывания следует проводить различие между фактом, с одной стороны, и оценкой, мнением, гиперболой, с другой стороны. Факт – это то, что может быть доказано либо опровергнуто. Мнение и суждение ни доказать, ни опровергнуть невозможно. В то же время в российских судах журналистов просили доказать соответствие действительности таких «фактов», как «ни стыда, ни совести», «безобразия усилились», «по-моему, губернатор, который даёт такой совет, ненормальный».

Следует также иметь в виду, что мнения и суждения могут быть выражены не только в корректной и доброжелательной, но и в шокирующей, нелицеприятной, отталкивающей форме. Однако они не должны носить характера брани, оскорбления, унижения, которые не несут никакой информационной ценности и служат лишь желанию причинить боль, страдания, унижение или каким-то иным образом беспричинно и незаслуженно задеть человека.

Хотя стандарт подтверждения фактической основы высказанного мнения в делах о диффамации ниже, чем стан-

дарт доказывания виновности в уголовном процессе и в делах о диффамации должны быть хотя бы какие-то материалы, позволяющие суду сделать вывод о том, что журналист дал добросовестный комментарий и имел хотя бы слабую фактическую основу для своих выводов.

Таким образом, международные стандарты подтверждают право журналиста на ошибку и/или добросовестное заблуждение относительно некоторых частных при обоснованности сути высказываемой критики. Это очень важное положение нередко игнорируется российскими чиновниками, которые «выискивают блох» в неудобных для них текстах и обвиняют СМИ в неточностях, которые являются заведомо второстепенными.

ЕСПЧ обязательно учитывает то, было ли проведено различие между фактом и оценкой национальными судами. Европейский суд привлекает внимание к тому, что в решениях российских судов этот момент, даже если и упоминается, не анализируется с надлежащей тщательностью. Мотивировка судебных решений по жалобам, поступившим в ЕСПЧ, как правило, не содержит рассуждений о том, почему то или иное высказывание было расценено как изложение факта, а не мнения.

И, наконец, ЕСПЧ учитывает применённую санкцию – было ли это уголовное наказание, штраф, требование опровержения и т.д. При этом само по себе наличие уголовной ответственности за злоупотребления, связанные со свободой слова, не является нарушением статьи 10. Например, введение уголовной ответственности признано вполне адекватным по делам, связанным с разжиганием вражды и розни, призывами к насилию, пропагандой идей нацизма и антисемитизма. Однако непропорциональной будет признана уголовная ответственность за клевету в адрес государственного лица или политического деятеля, если недостоверная порочащая информация

являлась добросовестным заблуждением или результатом ошибки, а не умысла или небрежности. Непропорциональным будет признано уголовное наказание в виде лишения свободы за критические высказывания, а также назначение штрафов или компенсации морального вреда в размере, приводящем к банкротству СМИ. В каждом конкретном случае будет учитываться также материальное положение истца и ответчика.

Ограничение права на свободу слова возможно лишь ради одной из целей, перечисленных в части 2 статьи 10 Конвенции, а именно в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

В решении национального суда обязательно должна содержаться аргументация, почему суд в данном конкретном деле отдаёт приоритет защите чести и достоинства или иному охраняемому Конвенцией законному интересу, а не свободе выражения мнения.

Отказ национального суда рассмотреть представленные сторонами экспертизы документы либо выслушать свидетелей воспринимается Европейским судом как нарушение статьи 6 Конвенции – право на доступ к правосудию, поэтому в судебном решении должен быть анализ экспертных заключений, если стороны ходатайствовали о их приобщении к делу.

Практика показывает, что пределы самовыражения изменчивы и всякий раз истину нужно искать в ходе состязательного судебного процесса. Два российских журналиста, оштрафованные за критику властей семь лет назад, выиграли в Европейском суде по правам челове-

ка иски против России, подтвердив свой профессионализм.

В первом случае курский журналист Виктор Чемодуров, ссылаясь на результаты проверки Контрольно-ревизионного управления Минфина РФ, обвинил губернатора области Александра Руцкого в попустительстве при хищении из регионального бюджета 1 млн долларов.

В публикации «Двенадцать стульев из гарнитура губернатора, или Как «испарился» из областного бюджета ещё один миллион долларов» журналист также назвал главу области «ненормальным».

Губернатор подал иск против журналиста в районный суд, и тот обязал Чемодурова выплатить Руцкому тысячу рублей в качестве возмещения морального ущерба. Редакцию газеты «Курский вестник», на страницах которой была опубликована статья, оштрафовали на 3 тыс. рублей.

Аналогичный иск против пензенского журналиста Александра Кислова и председателя местного независимого профсоюза «Возрождение» Виктора Дюлдина выиграл губернатор Пензенской области Василий Бочаров после того, как в «Новой биржевой газете» появилось открытое письмо Президенту Владимиру Путину с критикой губернатора.

Оба журналиста обратились в Страсбургский суд по правам человека, который нашёл в действиях региональных властей нарушения статьи 10 Европейской конвенции по правам человека, которая гарантирует право на свободу мнений.

«Суд ещё раз напоминает, что пределы дозволенной критики в отношении чиновников гораздо шире, чем в отношении частных лиц. В демократической системе действия чиновников должны быть предметом пристального внимания не только законодательной и судебной власти, но также и прессы, и общественности», – сказано в решении Страсбургского суда.

Пензенские заявители Дюлдин и

Кислов просили компенсировать им моральный вред в размере 17 тыс. евро, но Европейский суд постановил выплатить им по тысяче евро каждому и ещё 5 евро, потраченные на переписку со Страсбургом. Курский журналист просил компенсировать ему столько, сколько он в своё время заплатил губернатору Руцкому. Суд согласился, округлив сумму до 50 евро.

Однако главное в обоих случаях то, что международная судебная система встала на защиту российских журналистов, самого принципа свободы прессы.

Миссия журналистики – наступать на больные мозоли общества. А ещё вытряхивать народ из колеи их обыденной жизни, не давать заснуть, показывая жизнь разной. Высказыва-

ние признанного мэтра работников печатных СМИ Андрея Васильева, которое приведено в начале данной статьи, чрезвычайно резкое и провокационное, наверняка, обидно для многих заслуженных ветеранов отечественной журналистики. Надеюсь, что те, кто именно так и считает, прочитав данный материал, не прибегнут к мерам государственного принуждения, а подумают о продолжении дискуссии по самым острым вопросам в рамках своего профессионального цеха. **Давайте считать доказанным, что всякое мнение профессионала имеет право на существование.** Тогда можно будет признать цели данного исследования достигнутыми, а условную линию горизонта пределов самовыражения в нашей стране реально прорисованной.

178

Как мы уже сообщили на с. 79 этого номера, «Казанский альманах» заключил соглашение о сотрудничестве с русскоязычным альманахом «Пражский графоман». Сегодня мы публикуем повесть из этого издания

Владимир Кузнецов

повесть

Записки районного опера

Налёт на притон

Для начала следует забыть некоторые из основных принципов правосудия: «Любой считается невиновным до тех пор, пока его вину не докажет суд...

Сотрудник органов обязан вежливо и культурно обращаться с гражданами...

У каждого гражданина есть права на...».

Так вот, на самом деле нет у вас никаких прав!..

Когда уголовный розыск нечто считает нужным и важным и когда нет реальных препятствий для осуществления им своих специфических мероприятий, то у ставшего объектом его воздействия гражданина практически не остаётся прав ни на что, включая и собственную жизнь (если уж очень не повезёт, то и её отнимут без лишних церемоний!), зато новых обязанностей у него появляется масса.

Вот лишь некоторые из них: «слепо повиноваться», «говорить только правду», «никому не рассказывать про то, что с ним в угрозыске делали», и так далее... И попробуй хоть одну из этих своих обязанностей нарушить!..

Простейший пример – группа оперов отправляется в притон либо по адресу какой-либо вызвавшей у нас обоснованное подозрение криминальной личности с целью провести обыск, задержание или арест.

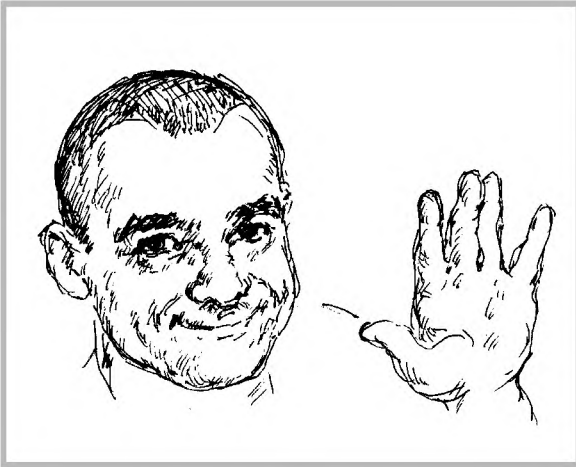
На любое проникновение в жилище нужна санкция прокурора. Лишь в отдельных случаях разрешается делать это и без санкции, позднее уведомив того же прокурора о случившемся. В ре-

альности санкцию мы берём лишь в тех случаях, когда железно уверены в правильности своих подозрений и практической надобности дать позднее юридическое обоснование всех наших действий.

В основном же наша практика такова. По адресу всевозможно сомнительного элемента (ранее судимые, наркоманы, пьяницы и тому подобная мразь) врываются без всяких санкций и последующих уведомлений. Никаких жалоб не будет. У хозяев таких адресов практически всегда рыльце в пушку, вот почему эта публика жалоб не пишет. А случись нежданное, и начни прокурор всё-таки напрягать, отбрешемся, нам это недолго. «Была оперативная необходимость, а уведомить прокуратуру не успели» – вот и весь сказ...

В книжках и кинофильмах рвущиеся в квартиру менты долго барабанят кулаками в двери, вопя: «Откройте, милиция!» Фигня, нельзя давать находящимся за дверями время для уничтожения улики либо для приготовления к вооружённому отпору. Читанные секунды требуются тому же наркоману для спуска маковой соломки, или *ширки* в унитаз и лишь чуть больше – для приготовления ствола к стрельбе... Если стучать и вежливо представляться – тогда уж в притоны лучше вообще не соваться...

Нет, на адреса мы врываемся внезапно, открыв двери излюбленной домушниками и операми «фомкой» либо сокрушив их с петель могучими ударами плеч или прихваченной с собою кувалды. Влетаем бешеным потоком,

Владимир Куземко (1957) родился в Днепропетровске. Окончил техникум (бухгалтер) и университет (историк). С 1997 года с помощью одного из сотрудников уголовного розыска пишет прозу о милиции. В результате в 1999 году свет увидела первая ласточка – книга «Опер в законе». Имеет множество публикаций в периодике. Его афоризмы читались по общероссийскому телевизионному каналу – ОРТ. Живёт в Праге

стремительно растекаясь по всем комнатам и помещениям.

Главный наш козырь – быстрота и натиск. А ещё тщательная, отработанная многими поколениями оперов на своём и чужом горьком опыте, методика действий в экстремальных условиях. Зафиксировать всех присутствующих на местах, подавить морально зверскими криками и отрывистыми командами типа «Стоять, милиция!», «Не двигаться, сука!», «Лицом к стене, ладони к затылку, ноги расставить!», «Руки из карманов, быстро!», «Присесть на корточки, живо!», «Лечь на пол!», «Тебе было сказано не двигаться, урод!» и так далее.

Ни в коем случае не давать опомниться, попытаться сориентироваться в ситуации и сбежать, что-либо спрятать

или уничтожить, а то и достать оружие наконец...

В принципе та блатная шантрапа, с которой мы преимущественно имеем дело, не враги себе, и руку на сотрудников милиции не поднимут. Учёные, знают – себе дороже!.. Но ведь есть и «отморозки», кровью меченные беспредельщики, а таким терять абсолютно нечего... Ткнёт опера «пером» в живот – и ищи-свищи его потом... Но если и найдут, и накажут, от того зарезанному оперу и его осиротевшей семье ни холодно ни жарко.

Мы, опера, все без исключения хотим вернуться к своим семьям живыми и по возможности не искалеченными. Вот почему, когда наши команды не исполняются мгновенно (а в 90% случаев так и есть, потрясённые нашим внезапным броском через проломленные двери в квартиру, люди остолбенело моргают, никак не торопясь задирать руки вверх, становиться лицом к стене и падать ничком на пол!), то нами молниеносно наносятся «расслабляющие» удары по почкам, конечностям, в пах, по рёбрам и в солнечное сплетение...

По голове стараемся не бить и уж тем более никогда не бьём в лицо, оно слишком уязвимо, на нём даже от поверхностных ударов остаются заметные следы: ссадины, синяки, багровые пятна и порезы. А это нежелательно. Доведись в дальнейшем отпустить бедолагу раньше, чем эти следы исчезнут, он тут же снимет побои, накает квалифицированную жалобу... По лицу граждан бьют только неопытные сосунки, но таких на опасные задержания и не берут – успеют ещё нахвататься острых впечатлений.

Как правило, оружия на подобные мероприятия мы не берём. В лучшем случае прихватываем для декорации кого-либо из дежурки, в форме и с большой кобурой на поясе. Кстати, и чтоб за бандюганов из конкурирующей шайки случайно не приняли, спутать немудрено: внезапный визит шайки оруцедущихся оперов как две капли воды

похож на бандитский налёт, а что назвались ментами и ксивами машут, ну так мало ли кто кем и чем нынче называется и машет!..

Но и голыми руками бить народ утомительно, лишняя трата калорий, а ведь силы надо беречь для последующих допросов, пьянок и объяснений с руководством... Многие опера пользуются спецсредствами вроде пресловутого «демократизатора», я же предпочитаю вооружиться чем-либо из хозинвентаря или мебели хозяина адреса. Молоток схватил с полки в прихожей, швабру наперевес взял, на худой конец разбил один из стульев о первую же попавшуюся под руку сволочюгу, и дальше уж начинаю орудовать оставшейся в руке спинкой стула... Хороши для подобных целей и отвинчивающиеся от кухонных табуреток ножки, единственный минус – тратится полминуты на то, чтобы сбегать на кухню и отвинтить ножку. Но зато потом она тебя не подведёт, надёжная и удобная в бою штуковина!.. Приходилось также и сковородкой наводить порядок... кастрюли на голову надевать... Однажды на одну наркоманскую харю даже чайник с кипятком опрокинул.

Помню, на адресе одной ширяльщицы под горячую руку старикашка попался, горластый такой, седенький, из ещё бодрящихся... Позднее оказалось, что халяве той пахан он, отец то есть, но тогда я этого не знал. Старик как старик, а заслуженный ли ветеран он с 25-летним «горячим стажем» или недавно освободившийся из мест заключения особо опасный рецидивист со взведённым стволом за поясом – оно ж на морде не написано, и с ходу этого не определишь... Как вломились, соска та сразу же ручата испуганно задрала, этот же возбужать начал, возмущаться... Ору ему: «Лечь на пол, козёл!»

А он в нагрудный карман полез – нехорошее движение, опасное... Я ж не знал, что он всего лишь удостоверение ветерана труда собирает мне продемонстрировать... Ну и вмазал ему превентивно коленом в пузо, а когда сло-

жился он вдвое с жалобным вскриком, ещё и стулом по спине шарахнул.

Грохнулся на заплёванный пол, слезами струится, стонет жалобно: «За что?! Я всю жизнь честно отработал, а со мною – так... Ты мне в сыновья годишься, щенок!.. По какому праву руку на меня подымаешь?!»

И чего-то сразу же я просёк, что не бандит он, но некогда было размусливать, да и не объяснишь ни хрена такому... Пнул его в бок ногой так, что покатился он, рычу яростно: «Молчи, педрила, а то хуже будет!» Заткнулся...

Потом месяц бегал по инстанциям, жалобы строчил, насчёт грубого нарушения своих конституционных прав вякал... Но следов побоев на нём нет, свидетелей – тоже (дочка не в счёт, родич, да и она, после убедительной беседы с операми, поддакивать обвинениям отца не решилась). Так и заглохло всё.

Жаль старика?.. Жаль чисто по-человечески. Не повезло ему, оказался не в тот момент и не на том месте... Но чем жаловаться зазря, сообрази лучше: мы ж и сопротивление сотрудникам органов при исполнении могли навесить, на старости лет загреметь бы за решётку... Оно ему надо? А насчёт прав его, так права неотделимы от обязанностей, одна из которых – правильно воспитывать собственных детей. Воспитавай лучше дочурку, ничего б этого и не случилось!

Понятно, что когда ты не при делах и ничего общего с криминалом не имеешь, то получить кулаком в брюхо для тебя удовольствие небольшое... Но поймите и меня, опера. Лучше уж я сто раз ударю в неполную силу сто разных людей (среди которых двое-трое обязательно окажутся ни в чём не виновными), чем один раз не выведенный мною из строя бандит пырнёт меня финкой и затем, скрывшись от погони, и дальше будет грабить, убивать, насиловать...

Моя жестокость объяснима и оправданна. В ней своя железная логика. Многие десятки и сотни оперативников в прошлом погибли лишь потому, что

этой логике не следовали. Ну а любителям моральных сентенций и красивых словес насчёт гуманизма и священной неприкосновенности человеческой личности скажу только одно: считаете, что так делать нельзя и что угрозыск должен работать иначе – милости просим к нам на службу!.. Идите сюда и делайте всё по-своему, а мы, опера со стажем, посмотрим на вас со стороны, поучимся... Покажите нам, ментам – «грубиянам», КАК НАДО... Не на словах – словесно я и сам кому угодно и что угодно вкручу, а на практике, личным примером...

Так ведь не идёт же к нам на работу никто из них. Чистоплюи они, гуманисты наши, куды ж ты... «Работать ментом?! Фи!.. За кого вы меня принимаете?!» Вот одной болтологией вся их забота о человечности и заканчивается.

Быстрота и отвага

Имея численное превосходство, действуем мы резко и решительно, как диктуется обстановкой. Нужно войти в квартиру – вломились без предупреждений, яростно сокрушили и подавили всех. Надо кого-то задержать на улице – навалились внезапно, при малейшем намёке на сопротивление – кулаком под дыхало, дубинкой по голове, повалили подножкой, помесили маленько ногами (но чтоб без следов на теле!)...

Однако далеко не всегда на нашей стороне численное превосходство. Иногда силы равны, а зачастую опера уступают бандитам (в численности или в вооружённости), и тогда нам приходится сталкиваться со смертельным риском. И вот тут правило одно: не показывай страха. Как бы ни тряслось у тебя в душе, бандит не должен этого видеть и понимать. Ты опер, ты на работе, за твоей спиной твоё хоть и подлое, но способное смести любое сопро-

тивление государство, и оно не поймёт, если ты струхнёшь... Хуже того, тебя не поймут твои товарищи-опера. Есть масса случаев, когда только от твоего напарника целиком зависит, выберетесь ли вы вдвоём из острой ситуации без потерь, или же вас сейчас порвут, порежут на кусочки и разбросают по окрестным свалкам, на прокорм бродячих собак... Заработаешь репутацию труса – и всё тогда. Никто с тобою на дело больше не пойдёт.

И вот, я, оперуполномоченный, к примеру, заявляюсь с очередной проверкой в притон, но застаю там не одного лишь хозяина-заморыша, как рассчитывал, а ещё и пяток нехороших, мутных людишек. Исходящую от них опасность улавливаешь кожей и как-то сразу просекаешь, что у того в кармане нож, а у этого что-то типа кастета...

И вот минус ношения при себе табельного оружия: окажись при мне «макаров» при первом же обострении ситуации не выдержат нервишки, выхватят ствол, завоплю: «Руки вверх!» Хорошо: выхватил, гаркнул, упился секундным чувством собственного превосходства, а что дальше? Применять оружие нельзя: «на каком основании?!», ещё ранишь кого-нибудь, и тюряга гарантирована. Не стрелять, а просто маячить стволом – ещё глупее, главное, ведь криминалы прекрасно понимают, что применение оружия тобою в данном случае будет признано неправомерным, и поэтому применить его ты не решишься – значит, боишься!.. Боишься их ножики и кастетов. А кто боится, тех и бьют, это – закон жизни.

Применять табельное оружие в подобных ситуациях закон разрешает оперу лишь в случае непосредственного нападения на него, но когда (и если!) бандиты решаются напасть, то стрелять чаще всего оказывается уже поздно.

Вот почему никакого оружия, и уж тем более никакого страха. Брать притон иду принципиально голыми руками. Изобьют, порежут, убьют – плевать. Ну, то есть на самом деле не плевать, но

веду я себя именно так, будто не боюсь никого и ничего, это меня пусть боятся, ведь я – опер!..

Пру танком, внаглулю... Спокойно захожу, осматриваюсь, команду: «Покажи, что у тебя в карманах!.. Это на стол, немедленно!.. Ты что хамишь, по мозгам хочешь?!». А он по мозгам не хочет... Сейчас-то они могут сделать со мною что угодно, но что потом сотворят с ними мои кореша?! А ведь сотворят, за нами не заржавеет, и не только потому, что за своих друзей опера мстят, и мстят жестоко, но и чтоб раз и навсегда вколотить в этих и во всех прочих блатарей, внедрить железно в их генную память: опер – личность неприкосновенная, опера не трогать, кто опера замочил, тот не только себя под ответный удар подставил, но и всю кофлю!.. Гнида он, подведший свой же бандитский коллектив, удавить его без лишнего базаров, а труп мусорке подкинуть... Типа: смотрите, мы сами уж и покарали вашего обидчика.

Но это ещё не полная гарантия моей безопасности, а полная в том, чтобы плечи мои голова украшала, а не ночной горшок... Должен постоянно сечь я окружающую ситуацию и вовремя реагировать на все изменения в ней... Вижу, что дело пахнет керосином и вроде бы меня собираются сейчас уработать, не жду похоронного марша, всегда нападаю первым. Вначале определяю, кто в противостоящей мне компашке главарь, организационное ядро, идейный вдохновитель и подстрекатель, так сказать, и гашу первым именно его. Жёстко гашу, чтобы не встал в ближайшие полчаса. Техника и тактика нанесения внезапных ударов отрабатывается заранее, всё делается чётко и продуманно.

Начинать лучше всего с чего-нибудь доброжелательного, типа «Кажись, ты тут единственный правильный пацан...» – и сразу же, без малейшей паузы, бить по глазам!.. Ошарашил, тут же ухватил за волосы и с размаху о стену или дерево – бац! Всё, в отключке он, остальные плятятся остолбенело,

а я им, весело скалясь: «Ну что, козлы, ещё кто-нибудь хочет?!». А чего хотеть-то, один хотельщик эвон валяется с раскроенной черепушкой... (Объяснить позднее проломленную голову куда проще, чем простреленное плечо или ногу: «он случайно споткнулся, упал и ударился головой, я пытался его поддерживать, но не успел...»). Закрытые в РОВД дружки «неудачно упавшего» всё подтвердят, и пусть попробуют не подтвердить!.. Даже и прокуратура цепляться не станет, увидев по материалам дела соотношение сил: один безоружный опер против 5–6 вооружённых холодным оружием блатарей... А начальство ещё и похвалит: «Ловко ты их... Молодец!»).

Но это лишь одна из схем поведения. Вообще же их может быть много. Если в одних ситуациях отступить нельзя ни в коем случае, лучше уж пусть мочат тебя, то в других прояви гибкость, удались на более укреплённую позицию... Заупрямься сейчас – пострадешь без всякой пользы для дела, а так выйдешь из-под удара и чуть позже, вернувшись усиленным коллегами вариантом, нанесёшь ответный сокрушающий удар!

Однажды, помню, встретил я на улице кучку юнцов. Силушка глупая в них бурлит, гормоны изнутри подпирают, узнав про моё ментовское звание, прогудели беззаботно: «Да пшёл ты, лягаш!».

Так-так... Начни возникать я, побили бы... Малолетки же, мозгов с горшину, живут только сегодняшним, про последствия не беспокоятся... Но и спускать было нельзя – оборзуют. Позднее, заматерев, больших бед могут натворить... Отступил культурно, не теряя лица: «Чтоб завтра в два пришли в Заводской РОВД, комната 412, вызываю всех для профилактической беседы!.. Не опаздывать!..» В ответ: «Да пошёл ты!..» Они думали, что дурак я и впрямь надеюсь их в своей 412-й комнате когда-либо увидеть. Дураков не боятся, их презируют и жалеют снисходительно... Побили бы они меня как

сидорову козу, месяц в реанимации – удовольствие для гурманов, а так ушёл лишь слегка оплётанным, но неповреждённым...

Ребята ещё и косячок с драпом не успели скурнуть, посмеиваясь над придурковатым мусорком, как к ним сзади подкатил «уазик» с мигалками, вызванный мною по телефону. Оттуда высочили мои коллеги с дубинками, а из-за угла тотчас вывернулся и я, улыбающийся: «Ну что, дитятки, потолкуем?»

И потолковали... Сперва тут же, на улице, потом в обещанном им давеча 412-м кабинете... Зря они так ржали, между прочим. Ещё долго та комната будет вспоминаться ими с холодной дрожью!.. Сердитый опер – зрелище не для слабонервных. С трудными подростками нужно вести воспитательную работу, и я воспитываю их – долго, страстно, нежно... Но без следов!

«...Погиб при исполнении...»

Серьёзным бойцам опер угро не противник. Мы в основном мастера по битью, а не по дракам, для силовых акций у нас ОМОН. Ребята там плотные, быстрые, в масках и с автоматами, любую команду исполнят без сомнений... Отвечать им в любом случае не придётся, натвори они несусветку, за всё ответят те, кто отдал им приказ... Скажут такому лбом бронированные двери проломить – проломит, велят под пули во весь рост пойти – пойдёт. Таким орлам и укреплённую вражескую позицию с ходу штурмовать не слабо, и колонну беззащитных женщин и стариков разогнать – всё по барабану! Я не хочу таким быть, от постоянных встрясок и стычек разболтавшиеся мозги потихонечку выплёскиваются из ноз-

дрей и ушей, но в бесстрашии и личной отваге равных им в милиции нет.

Умный всегда побаивается, он умеет считать варианты и в любой критической ситуации пытается нащупать наименее опасный и наиболее выгодный лично для себя выход. У туповатого вышколенного же нет никаких вариантов, кроме одного: приказ получен – вперёд и с песней!.. А убьют – ну и хрен с ним, главное, чтобы командир остался доволен!..

Ну а мы, опера, труса не празднуем, но и на рожон не лезем, ну его...

Забежавший в дом гопник обрез в форточку выставил, а мы что – должны под огнём к нему подбираться?! Да идите вы лесом! Лучше посидим в укрытии, за деревом потолще, или в уютной глубокой канаве. Подождём, чего он дальше творить будет. Деться ему некуда, посидит поразмыслит, да и сдастся на милость ментовскую, а не сдастся, пойдёт на прорыв – внезапно кинемся под ноги с разных сторон, повалим, затопчем кучей... Но если и не получится, если сумеет отбиться и уйти от погони, не беда, изловим позже. Вычислим, куда он мог залечь на дно, и нагрянем внезапно, не успеет и за обрез схватиться... Тогда-то с ним и пообщаемся!

Но случись самое невероятное, сумеет он вообще ускользнуть и смыться из района – ну и что?.. Скольких этих бандитов уж повязали и «закрыли» на долгие и вполне заслуженные ими сроки, и если парочке-другой удастся судьбы этой избежать, остаться безнаказанным, никакой трагедии лично я в этом не вижу. Так сто тысяч бандитов по нашей стране разгуливает, а так – сто тысяч и ещё двое-четверо, вот и вся разница. И лучше уж двумя пойманными преступниками на Земле будет меньше, чем одним убитым опером больше. Мне ведь тоже жить хочется, и из моих товарищей никто на тот свет не торопится!

А если начальство со мною несогласно и требует, чтобы я отдал жизнь в борьбе с преступностью, то пусть спер-

ва само идёт под бандитские пули и сдыхает под ними! Их мясистыми руководящими задницами только личный состав от бандитских стволов и заслонять... Станьте примером бесстрашия для подчинённых, господ командиров, не всё же вам нас под удары подставлять!..

При правильной организации дела риск для жизни и здоровья опера не очень велик. Это только в фильмах менты не выходят из перестрелок и потасовок, реальная же действительность буднична, прозаична и даже скучновата.

Но хоть и не так чтобы часто, однако же и достаточно регулярно сообщают: «сотрудник милиции тяжело ранен...» или: «...сотрудник милиции погиб при исполнении...». Выплатить мало-мальски приличную сумму компенсации семьям погибших держава жилится, урезывает сумму до минимума. Да и ту выплачивает со скрипом и позорным кривлянием, словно подачку кидает... И чтоб хоть морально как-то доплатить к тем копейкам, начальство через организованные пресс-службой УВД статейки изображает всех без исключения погибших сотрудников милиции как беззаветных героев-«гвардейцев», сражающихся-де с преступностью как сказочные витязи и павших в схватке с превосходящими силами зла... На самом деле никакие они не герои, а такие же нормальные мужики, как и все.

Никаким героизмом сплошь и рядом там и не пахнет, а гибнет наш брат мент по собственной глупости, безалаберности, неосторожности... Скажем, при обыске задержанного дал маху, поленился ошмонать как следует, в результате, в ходе дальнейшего допроса, тот вдруг выхватил пистолет и в упор выстрелил раззяве в голову. Хорошо, напарник погибшего не растерялся, бросился на стрелявшего и после ожесточённой борьбы скрутил его.

Что самое смешное: с точки зрения руководства, героем окажется не тот, кто обезоружил убийцу, а тот, кто своей преступной промашкой позволил за-

стрелить себя и поставил тем самым под удар и своего товарища... Это о нём, бездарно погибшем, затрубят газетные заголовки: «Подвиг опера!» и «Герои среди нас!». Мёртвых похвала не испортит, потому и похвалит их начальство от всей души... Выживших же заставит долго и нудно отписываться: как это могли они уцелеть и выжить в тот самый момент, когда буквально рядом, на их глазах героически погиб их сослуживец?!

Да ладно начальство, не впервой перед ним отмазываться, но как молчаливым вдовам и детишкам в глаза смотреть?.. Они-то ситуации не понимают и думают, что раз их кормилец погиб, а я, рядом с ним находившийся, жив-здоров и цвету, как пион, то либо курва я редкостная, либо они в жизни чего-то недопонимают... Ничё, пусть лучше скотом меня считают, чем осмелюсь в глаза сказать им правду: попухнулся их муженёк-батяня как последнее чмо, и ладно только своею жизнью заплатил за эту ошибку, а могли ведь по его вине и другие погибнуть,

Меня тоже завтра могут убить. И вполне возможно, что откину копыта я по-глупому бессмысленно и бесполезно, как и многие в этом мире... Так вот, каким бы хреном собачьим и валетным педрилой при жизни начальство меня не склоняло и сколь по-тупому ни дал бы я замочить себя какой-либо бандитской харе, но если состоял я «при исполнении», то и про меня отцы-командиры громко заявят: «Он был одним из достойнейших!»

На мои относительно пышные похороны притащится сам начальник горУВД. При жизни-то он меня в упор не замечал: «подумаешь, какой-то старлей!», а тут по бумажке скороговоркой зачитает про безмерное уважение и глубокое горе и руку моей осиротевшей супруге будет долго жать, воскликнув со слезой: «Самых лучших теряю!»

Гм... покойников наша вонючая система уважает куда больше, чем живых!.. И в этом своя потаённая справедливость: у каждого есть возможность

Необходимость пыт

выбиться в «уважаемые», подставив лоб под дурацкую пулю. Кто совсем молод и зелен, тот и не боится, готов рисковать поминутно, а по мне так лучше уж быть живым «штопаным гондом», чем павшим смертью героя и похороненным за казённый счёт!

Героизм – это не по моей части. Я боюсь, я часто страшусь и того, что со мною на службе происходит, и тех, с кем мне приходится сталкиваться и противоборствовать.

Но у каждой профессии свои обязательства. Если я опер, то прячь неизбежные страхи в карман и действуй так, будто тебе сам чёрт не брат. Пусть завтра меня трясёт и колотит от запоздалой испуганности, но сегодня, сейчас никакого бледного лица и предательски трясущихся рук.

Говорить уверенно, смотреть спокойно и твёрдо, стоящие рядом коллеги не должны ощущать моих подлинных эмоций, и тем более не должен чувствовать моего страха взятый в обработку урка.

«Ты кому пером угрожаешь, хреносос вонючий?! Нож на землю, падаль, иначе уроем!..» Он и бросает, он меня боится, я для него сила, которую не одолеть. И никогда не узнать ему, что я боюсь его в сто раз больше!

Долго потом будет преследовать меня в ночных кошмарах нацеленное в моё сердце змеиное жало бандитской финки, ведь дрогнул я хоть на миг – и, всё, финал, конец всему!.. Бывал я в морге бесчисленное количество раз, да и по жизни покойников насмотрелся, нетрудно представить себя вспоротым, с вывалившейся наружу требухой, с перекосенным в агонии лицом... Помните, как в «Гамлете»: ужас, ужас, ужас!.. Так что тот театральный ужас в сравнении с этим ужасом реальной жизни!..

Кто бесстрашен и могуч, не идёт на работу в угрозыск, во всяком случае в нашем РОВД я таких не видел. Бесстрашные и могучие идут в спортсмены, каскадёры, киллеры, телохранители, разведчики наконец... А в угро трудятся самые обыкновенные люди с привычным набором слабостей и недостатков, один из которых – трусость.

Криминалитет в целом – это скопище злых, жестоких и опасных людей. В общении с ними мы испытываем такой же страх, как и каждый мирный обыватель. Но у обывателя есть возможность общаться с преступниками реже, а у нас такой возможности нет. В регулярном общении с бандитами – наша работа. Государство швыряет нас на борьбу с ними, не обеспечив должным образом законодательно, материально и морально, мы чувствуем себя под постоянным прицелом, но работаем, вынуждены работать!..

И чтобы преодолеть свой ужас и выполнить поставленные перед нами цели, стремимся внушить ответный ужас своим противникам. Пусть знают, что мы ещё более злы, жестоки и опасны, чем они!.. Некоторых из них это напугает и заставит отказаться от преступных умыслов, другие станут осмотрительнее и не пойдут на какие-либо чрезмерные жестокости, памятуя про ответные меры, а третьи... Те, решившись буквально на всё, хоть на мента руку не поднимут, зная: мы не простим, и кара будет ужасной!..

Поговорим о применении пыток в милицейской практике. Истязать и мучить (физически и морально) допрашиваемых категорически запрещено всеми законами и инструкциями. Чуть ли не на каждом совещании-заседании начальство неумолимо напоминает: «Чтобы бить кого-то – это ни-ни!», но тут же, буквально через запятую, орёт надсадно: «Почему раскрываемость

преступлений в текущем месяце снизилась?! Объективные причины?.. В задницу ваши отмазки! Работать надо, а не собственный хрен от безделья сосать!.. Ищите улики, работайте со свидетелями, плотненько опекайте подозреваемых... Мне не нужны оправдания, мне нужен только результат, и чтобы результат был, ясно?!»

Куда уж ясней... Начальство прекрасно понимает, что при точном исполнении законов и инструкций результата не будет. А нужен только он, в виде конкретной цифры в отчётности. Ну и, естественно, надо и реально сдерживать преступность в определённых границах!.. Вот почему начальники молчаливо разрешают нам делать всё то, что они же безоговорочно запрещают на словах.

Разумеется, истязать и мучить попавшего в наши дружеские объятия гражданина мы можем безнаказанно лишь при соблюдении некоторых, нигде не зафиксированных, но чётко осознаваемых всеми требований.

Первое – не проси и не жди санкций на изуверства от жокаков стаи, то бишь от хитромудрых отцов-командиров, ни один находящийся в здравом уме начальник никогда не скажет мне: «Избить такого-то!», ни боже мой!.. Нет, мне лишь настойчиво порекомендуют получить признания от гражданина такого-то в такие-то (обычно очень сжатые) сроки, а как я их получу, это мои проблемы... Если смогу вежливо и культурно убедить допрашиваемого, что нет у него иного выхода, как дать чистосердечные (то есть нужные мне) показания, – хорошо, в руках опытного и грамотного опера огромный массив собранных улик и доказательств в соединении с глубинным пониманием человеческой психологии и умением использовать в требуемую сторону её особенностей – само по себе грозное оружие, способное пробить и многошелонированную оборону... Да только откуда взяться у меня такой опытности, грамотности и осмотрительности, если в предыдущие годы все мало-мальски квалифицированные кадры из милиции разбежались

ввиду маленькой зарплаты и задвинутости органов внутренних дел государством и обществом себе в задницу. Кто в коммерческие структуры подался, кто в криминал, а остались в основном лишь те, кто по тупости и ограниченности кругозора нигде больше не смог сыскать себе тёплого местечка. Так у кого прикажете учиться мне, волей судьбы и случая пришедшему на освободившееся место?.. Не у кого набираться ума-разума, только на собственных ошибках и просчётах учиться и приходится, а пока не научился, будь уж так любезен, подменяй опытность жестокостью, знания – беспощадностью, интуицию – свирепой напористостью, авторитет классного профессионала – репутацией садиста-зверюги, о котором бандиты (пусть и с некоторым преувеличением) вполношенно шушукаются: «У Петьки на допросе молчать нельзя, он же, сучара, запросто и до смерти заколотит!»

Второе – жестокость применяемых опером мер должна соответствовать тяжести расследуемых преступлений и оправдываться ею, а также оправдываться полученными в оконцовке результатами. А если ты готов, скажем, битых три часа месить руками и ногами какого-нибудь небрито-ободранного бомжа-синяка лишь для того, чтоб он сознался в похищении палки копчёной колбасы у базарной торговки, то не опер ты, а дурак.

Напористых болванов в угрозыске не любят и долго здесь не держат, таким самое место в ОМОНе, на худой конец – в патрульно-постовой службе... И если ты всех бьёшь, но чистосердечных показаний работающему в связке с тобой следаку не обеспечиваешь, то тогда и вовсе окончательный кретин, пальцем деланный и через задний проход рождённый.

На каждой оперативке начальник угрозыска радостно будет тебе об этом напоминать, а если ещё и кто-то жалобу на тебя догадается накатать, тогда попрут из органов с треском и с превеликим удовольствием...

Лично мне не нравится избивать и

Не каждого и посадишь

мучить находящихся в моей власти беззащитных людей. И абсолютному большинству оперов – поверьте мне на слово! – тоже это не доставляет ни малейшего удовольствия...

Разумеется, есть среди нас определённый процент людей с патологической психикой, им нравится терзать и пытаться, вид чужих страданий их возбуждает, от этого они впадают в своеобразный кайф и чуть ли не балдеют над каждым уродуемым ими телом... Но удельный вес врождённых садистов в милиции ничуть не выше, чем, скажем, в спорте, в журналистике, в той же педагогике...

И все остальные мои товарищи смотрят на причиняемую нами вынужденно «клиентам» физическую боль и моральные мучения лишь как на один из необходимых инструментов воздействия на них в интересах правосудия.

Кто-то скажет: «Какое же оно ПРАВОСудие при таких неПРАВОВых инструментах?!» Но других у нас просто нет, уж не взывайте.

Не я делал этот мир таким, каков он есть, и не мне его менять. Сумеете построить где-нибудь новый мир, без зла и жестокости, позовите меня, я с удовольствием там поселюсь... А пока реальность остаётся прежней, пока действуют установленные не нами правила игры, я вынужден либо играть по ним, либо уйти. Но уходить некуда, по большому счёту везде одно и то же.

Я крошечный винтик в огромном державном механизме. Не нравится вам этот винтик, да и весь механизм в целом, отлично, сломайте его и создайте другой. Но совсем без государства, каким злобным и несовершенным оно бы ни было, нельзя, иначе – хаос и анархия. И пока прежний государственный механизм не сломан и продолжает функционировать, я, его составная часть, должен исправно осуществлять свои функции. Вместо меня может быть кто угодно, но и он тоже будет обязан соответствовать своим функциям, иначе в общем механизме начнутся сбои, а в стране и в обществе – безвластие и смута...

Обыватель убеждён, что милиция ради возможности объявить то или иное преступление раскрытым готова схватить первого попавшегося ей на глаза, абсолютно невинного человека, зверскими побоями заставить его сознаться в злодеянии – и дело в шляпе!.. О, если бы так, если бы и впрямь первого попавшегося... Тогда моя родная теща Анна Илларионовна давно бы махала топором где-нибудь на лесоповале, отдуваясь своей персоной за все совершённые в радиусе ста километров от неё тяжкие преступления... Но нет, теща моя всё ещё не только остаётся на свободе, но и рискует даже дважды в году (в дни рождения дочери и внучонка) появляться в моём доме безнаказанно – это о многом говорит!..

И, в частности, это говорит о том, что в подавляющем большинстве случаев мнимые признания лжепреступников нашему руководству НЕ НУЖНЫ. Всё равно на суде они от этих признаний отрекутся, посадив следака с опером и весь РОВД в придачу в дерьмо по уши...

Чтобы этого не случилось, кроме «сознанки», которая в принципе может быть и самооговором, представленное в суд законченным уголовное дело должно содержать набор свидетельских показаний и вещественных доказательств того, что преступление совершено именно обвиняемым в нём лицом, а не кем-либо ещё. Тогда и откажись бандит от признаний, на основе одних только прямых и косвенных улик суд с чистой совестью отправит его на тюремные нары... Понятно, что при большом желании улики тоже можно сфабриковать, но дело это хлопотное, требующее значительных усилий и квалификации. И, к примеру, мне, рядовому районному оперу, гораздо проще настоящего злодея найти, чем пытаться (с огромным риском лично для себя) упечь за решётку невинного.

Не забывайте также, что в нынешних условиях опытный адвокат оказывается в состоянии развалить даже самую, казалось бы, железобетонную систему улик и доказательств вины подзащитного, что уж тогда о выдуманных, высосанных из пальца обвинениях говорить...

И про низкую зарплату нашего судейства вспомните... Совсем оголодала Фемида, матёрых мерзавцев готова уж за денежку на волю отпускать (всем известная в нашем городе такса: две тысячи долларов за каждый скинутый со срока в приговоре год заключения)... По полной строгости чтобы тебя осудили, это ты должен быть ну уж совсем безденежным... Но тем более при таком раскладе в судебных делах у них всё должно быть в полном ажуре на случай возможных проверок, а то потом проверяльщики удивятся: «Там вы непонятно почему освободили такого-то, а тут осудили человека на основании такой херни!»

Так что скажите спасибо продажности наших судейских, 37-й год нынче в принципе невозможен, во всяком случае для людей состоятельных. Кого из них нынче ни отдай под суд, хоть за подрыв государства и измену Отечеству, а через пару месяцев вновь будет гулять на свободе, оправданный полностью... (Исключения из этого правила так редки, что и упоминать их смешно, и касаются они только тех, кто ухитрился встать поперёк верховной власти.) А чтобы случайно кого-нибудь из них не расстреляли раньше, чем друзья-подельники его выкупят и отмажут, заодно и смертную казнь в стране отменили... Душевное спасибо вам за это от всех прочих бандитов, господа!

Технология пыток

Итак, на одном из этапов работы опер приходит к выводу, что без применения мер физического воздействия к допрашиваемому не обойтись.

Каких-то общих правил и рекомендаций тут нет. Каждая ситуация и каждый человек должны глубинно чувствоваться. Надо чётко понимать, когда пытаться арестанта можно, нужно и полезно, а когда нельзя, бессмысленно и даже вредно для дел...

Эффективен этот метод лишь тогда, когда «клиент» слабovolен и морально нестойк, а опер уверен не только в том, что тот действительно «при делах», но и что существуют некие вещественные доказательства его вины, которые тот сам должен рассказать и объяснить. Ну а поскольку добровольно садиться в тюрьму (как ни странно!) никто особо не желает, то «клиента» надо убедить... внушить ему... Сломить его глупое и никому не нужное упрямство... Я понятно излагаю?

В технологии пыток ментовская фантазия ничего нового не придумала. Да и зачем, если старое и многократно проверенное жизнью себя вполне оправдывает... Перечислю кое-что из общеизвестного.

Парашют – поднимают за руки-ноги и плашмя кидают на пол. Следов на теле ни малейших, а ощущения – как у отбивной котлеты.

Слоник – классика жанра, любимая тема страшилок для журналистов: надевают на голову допрашиваемому противогаз и на пару минут зажимают трубку; у того, задыхающегося, глаза лезут на лоб, когда до полного амбре остаётся всего ничего, отпускают трубку, дают отдышаться и по новой... Недостаток метода: кто сердцем слаб может задохнуться, слишком трудно контролировать течение процесса и вовремя останавливаться, не перейдя критическую точку... (Учтите, в пытках мы ж всё-таки не асы, – практики маловато, и не на ком ежедневными тренировками оттачивать мастерство.)

Марьянна, оно же Попугай – сковывают руки наручниками, просовывают голову между колен и сковывают ноги наручниками, образовавшееся таким образом своеобразное «колесо» вешают на палку, положенную на два

стола или стула, и начинают крутить его, поколачивая...

Ну и просто побои, без прибамбас. Бьют в пах и по почкам, в солнечное сплетение и под ребро, шмалят резиновой палкой по суставам и по пяткам... Пятки – идеальное место для ударов, ибо на них практически не остаётся следов. В то же время место это чувствительное, и сюда сходятся нервные окончания многих внутренних органов.

Ещё можно повесить на дыбу, на какой-нибудь торчащий из стены крюк, за скованные наручниками за спиную руки и бить дубинкой или стальным прутом по туловищу...

К старикам, женщинам, малолеткам и просто ослабленным применяются более гуманные, но тоже действенные методы. Скажем, зажать между двух пальцев карандаш или ручку и крепко стиснуть – это больно, можете сами убедиться... Или шарахнуть по голове увесистой книжкой – башка гудит как колокол, в глазах качается, но внешне – никаких следов.

Женщину, если у неё объёмный бюст, толстой книжкой можно болезненно шмякнуть по груди. Маленькие груди можно осторожно прижигать окурком или сжимать соски пассатижами.

...Завожусь ли я от битья? Ни капельки. Всего лишь исполняю свои производственные обязанности, спокойно, настойчиво и методично.

Равнодушие полнейшее. Пока бью, думаю о погоде на завтра или же о том, что подарить жене на 8 Марта... Нет для меня никакого наслаждения в издевательствах над слабейшим и совсем неинтересно показывать свою силу и возможности на ЗАРАНЕЕ ОБРЕЧЁННОМ. Но если моему натиску упорно сопротивляются, появляется чисто спортивный интерес это сопротивление сломить: «Ну-ка, смогу ли переупрямить этого козла?!».

Я бью, зная, что во власти избиваемого остановить меня в любую секунду, пусть только признает очевидное, подтвердит мои догадки и под всем подпишется в протоколе... И никогда не

бью тех, в чьей виновности не убеждён, это принципиально. Если лично мне надо, тогда да, тогда, чтобы заставить человека плясать под мою дудку, я ему и безвинно врежу, но ради интересов подлечного государства терзать невинного?! Не дождётесь!..

И ещё: мы не мясники. Не стоит слишком уж... усердствовать. Гениталии дверью заземлять не по мне, такое ничем не оправдано, это внутренняя испорченность. Есть предел всему, в том числе и целесообразности...

В соседнем райотделе было такое: ребята проститутку «кололи» на предмет квартирных краж с использованием клофелина. Она, ясен перец, «колоться» не хотела, держалась стойко, как Гагарин в космосе, так они то ли сгоряча, то ли по пьяни, то ли хохмы ради изнасиловали её резиновой дубинкой. Елозят дубинкой и с гоготом требуют: «Признавайся, шалава!..» Тут, конечно, перебор, ненужная самостоятельность... Вряд ли те хлопцы в угрозыске приживутся...

Боль в умелых руках – действенное оружие, но не со всеми и не всегда.

Матёрого, неоднократно в прошлом битого на допросах и потому уже привычного к боли рецидивиста колотить бессмысленно. Он не из слабаков, лишь застонет под ударами, покричит, вытерпит. Раньше выдерживал подобное, так чего ж теперь ломаться?.. Такого тоже можно отпрессовать. Опыт 30-х годов свидетельствует, что при правильной организации пыточного искусства любого можно довести до кондиции, до полнейшей готовности всемерно помогать следствию, рассказывать всё, что знаешь, и подписывать то, что тебе на подпись подсунут... Смогли бы и мы, тряхнув стариной, выколотить «сознанку» из самого заматеревшего душегуба, но для этого пытать его должен не один затюканный прочими многочисленнейшими обязанностями опер-пахарь, а целая бригада из 5–10 периодически сменяющих друг друга сотрудинок... И не трое положенных до предъявления обвинения или освобождения суток, а месяц

или даже больше... И чтобы знал он, стервец, что если и не сознается, то всё равно живым отсюда уж не выйдет, только мучиться дольше придётся, да ещё в отместку и жену с детьми расстреляют.

Ну и главное: допрашивающий должен быть уверен в своей правоте и безнаказности. Он лишь исполнитель приказов. Совершаемое им государством разрешено и обществом одобрено (хотя бы внешне, напоказ, под давлением властей)... А то нынче пытаешь преступника, причём не ради себя, в гробу ты его видел, премиальных тебе за него не кинут и орден на грудь не навесят, нет, ради людей стараешься, чтоб меньше мрази по нашим улицам бродило... И тут же из кожи лезешь, чтобы не наследить ненароком, не оставить на избитом пригодные для снятия побоев следы, не попасться на горячем, одним словом.

Система сразу же от тебя отречётся, попадись ты... Всем плевать, что ради державы ты зверствовал. Державе надобно было, чтобы аккуратно, не попадаясь, а ты засветился!

Смерть на допросах

Самое вонючее, когда во время допроса «клиент» от нечеловеческой боли вдруг возьмёт да и загнётся. Приведённый (или приглашённый) на беседу к оперуполномоченному и внезапно скончавшийся во время разговора гражданин всегда смотрится паршиво.

Родичи почившего сразу же бьют во все колокола, прокуратура морщится, оравой наезжают проверяльщики, и хотя из той же они кофлы и прекрасно понимают, что действовал опер так круто не по собственной разнузданности, а исключительно во имя фундаментальных интересов государства, но надо же и меру знать!

А теперь получается, что во имя тех

же интересов кого-то должны назвать козлом отпущения, и кому ж теперь им быть, как не оперу-олуху?! Конечно, и тут можно что-нибудь придумать, и если придумано умело, то наше шибзнутое государство, так и быть, сделает вид, что верит оперским оправданиям. «В принципе парень ты нормальный, старлей, не повезло только тебе чуток...»

Скажем, кто снимает побои у потерпевших? Тоже свой, не чужой системе человек, судмедэксперт. Он многое может при желании, или если начальство ему прикажет... Приводят к нему избитого до черноты в РОВД человека, а он словно волшебные очки надел, в упор ничего не замечает, кроме следов перенесённой в раннем детстве оспы... Да и с теми, кто и вовсе откинулся, тоже можно как-то... скомбинировать.

Несколько лет назад в соседнем... да, в соседнем РОВД был случай... На адресе в собственной постели утром нашли мёртвую женщину, с некими нечёткими багровыми следами на горле. Судмедэксперт о причинах смерти высказался двусмысленно, а спавший в соседней комнате супруг покойной, 56-летний военный отставник, будто бы ничего не слышал.

Сперва тлела мыслёнка спихнуть всё на несчастный случай, чтоб не омрачать показатели «глухарём», но прокуратура сказала: «Ша!», и пришлось разрабатывать версию убийства.

Разумеется, первым заподозрили вдовца. Не смотрелся он так чтоб уж очень безутешным, да и соседи подсказали, что жили супруги как кошка с собакой. Он любил заложить за воротник и регулярно демонстрировал на весь подъезд, кто в доме хозяин; она же втихую погуливала то с тем, то с этим и хоть осторожничала, зная характер мужа, но он всё равно чувствовал, кипятился, опять-таки пил... В общем-то нормальная житейская ситуация, во многих семьях такое, но только там умеют обходиться без убийств, а у нас налицо – жмур!

Идентифицировать отпечатки паль-

цев на шею не удалось (снять отпечатки пальцев с шеи вообще практически невозможно), и тогда взялись опера за мужа... Двое суток допрашивали, сперва уговаривая по-хорошему во всём сознаться и облегчить свою участь, но светил ему минимум «червонец», поэтому «облегчаться» он не спешил, всё начисто отрицал, и что пил, и что ревновал, и что убивал... Тогда-то и стали его увечить, валяли как хотели... И на исходе третьих суток, дёргаясь на полу от ударов ногами, схватился он вдруг за сердце, прохрипел: «Ой, плохо мне! Вызовите «скорую»!..» Орлы наши, стоя над ним, лишь засмеялись: «Ты чё, дядя, окосел?... «Скорую» ему вызывай... Может, тебе ещё и билет на Багамы купить?! Колись на мокруху, подпиши «чистосердечные», тогда врача и вызовем...» По сути, правильно они ему базарили, но не стал он «колоться», продолжал стонать: «Ой, плохо мне совсем!.. Дайте лекарства какого-нибудь!..» И хрипит при этом, горлом булькает, симулянт чёртов, словно и впрямь очокуриться задумал... А у хлопцев на столе учётная карточка из районной поликлиники, взяли на всякий пожарный, там ясно сказано: «Здоров, как буйвол!» Так чего ж он выкаблучивается, сучара?! Двинул его кто-то ногой в бок от души, мол кончай придуриваться, иди на сотрудничество с органами! «Воды-ы-ы...» – прошептал он задушенно и примолк... Полежал маленько, пока опера в коридоре перекуривали, новых сил набираясь, потом вернулись они в кабинет, стали его на стул усаживать для продолжения дружеской беседы, а он уж того... захолодал!.. Военный человек, майор в отставке загнуллся от простенького инфаркта!.. И хоть били бы сильно, а то ведь так... парочка пинков и затрещин...

Тут ребята малость струхнули. «Злоупотребление служебным положением», «фальсификация материалов дела», «доведение человека до смерти»... Светило им от 5 до 10 лет!.. Посоветовались они, потом подхватили бедолагу под руки, под видом пьяного (голова на

грудь свесилась, глаза закрыты, руки-ноги висят) выволокли в райотделовский дворик и на скамеечку в скверике бережно опустили. Потом выждав часок, вызвали «скорую»...

Смотрелась картинка так: приглашённый в РОВД побеседовать о покойной супруге отставник, после недолгого дружеского разговора, вышел во двор, тут разнервничался (видимо, по новой переживая кончину любимой!), присел на скамейку передохнуть и очокурился. Нормальная смерть от естественных причин, не имеющая никакого отношения к недавнему допросу и, разумеется, к самим допрашивающим... Врач «скорой» и судмедэксперт поставили одинаковый диагноз: инфаркт миокарда», труп отдали родичам на захоронение, а дело о кончине женщины закрыли «в связи с отсутствием подозреваемых».

Позднее всё тот же судмедэксперт в частной беседе с одним из оперов высказал предположение, что умерла майорша тоже естественной смертью, от внезапного приступа астмы, а отпечатки на горле могли образоваться, когда она в агонии хваталась за горло, пытаясь вдохнуть воздух... Раньше бы, коновал, свои догадки высказывал!..

Ещё некоторое время мандражировали опера, боясь, что найдётся у гикнувшегося отставника влиятельный однополчанин и потребует перерасследования, но обошлось. Так история эта благополучно в архивах и затаилась...

Право на ошибку

Бесспорно, в той ситуации наши товарищи лопухнулись, не учли пристрастия экс-майора к гремучей пиво-водочной смеси, за короткое время «посадившей» его сердшко, да и потом не сумели вовремя сориентироваться в изменившейся обстановке... Шаблонов у нас быть не должно, на десять симулирующих во время допрашиваний приступ какой-либо болячки всегда прихо-

дится один действительно захворавший. В принципе мы стараемся... В лучшем случае покойник уж не даст нужных нам показаний, в худшем – за него придётся отвечать...

Но и в нашей работе случаются проколы, а у кого их нет?.. Возьми любого из врачей-хирургов, к примеру, за 35–40 лет медпрактики столько пациентов спровадил на тот свет исключительно по собственной небрежности и недосмотру, что впору на местном кладбище отдельный участок открывать. Ну и что? Продолжают спокойно работать люди, не спиваются в безутешном горе, не сюсюкают плаксиво: «Ой, а ещё я в 1979 году одной студентке-красавице с бодуна вместо аппендикса печень удалил... Спасибо дружку-патологоанатому, написал в заключении, что запущенным раком печени девица страдала... Мне до сих пор так неудобно, так стыдно!»

Профи над своими просчётами не стенают и волосы на голове не рвут. Что случилось, то случилось. Всё проанализировано, усвоено уроком на будущее, в остальном – забыто. Дальше в подобных ситуациях не прокалывайся, вот и вся мораль!..

Как ни крути, а на допросах в милиции люди нынче умирают редко. Своё дело опера знают...

Да и кто умирает-то? Шваль в основном, а не люди. Гнилушки разные, нарики, растлители, мокрушники с гопниками, прочая мразь... Не жалеть таких, а радоваться надо за тех мирных людей, кто в будущем мог стать жертвой их преступных деяний, но теперь уж, благодаря оперской ретивости, не станет... Оно, конечно, в принципе от побоев может умереть и невиновный... Но никто из оперов такой дешёвой мысли до своего сознания не допустит. «Раз откинулся – значит, тем самым подтвердил свою виновность, и точка!»

А иначе нельзя, иначе не работа в угрозыске будет, а сплошное хныканье и самобичевание. Чтобы я за эту нищенскую пародию на зарплату ещё и бочку на себя катил?! Хо-хо!

Если попался...

Но если опер сработал нечисто, наследил и не смог железно доказать свою непорочность, тогда всё, суши вёсла, паря!

Во имя спасения собственной шкуры начальство от любого из нас отречётся аж бегом. Что прогонят со службы без малейшего учёта прошлых заслуг – это автоматом, но ведь и под суд отдадут, падлы!

Только и останется оперу разрыдаться в своём последнем слове: «Простите меня, граждане судьи, затмение какое-то на меня нашло, сам не пойму, как поднялась у меня рука на гражданина допрашиваемого. Нет мне пощады, разумеется, но всё-таки умоляю – простите Христа ради...»

Но хрен простят, коль напорточил как мог: окурки о «клиента» тушил, ножки стула ему в задний проход засовывал, головёшкой об угол сейфа постукивал... Да будь оперу судмедэксперт даже братом единокровным и то не смог бы всех тех кровоподтёков и порезов не заметить, на что ж он рассчитывал, гондон?! Так подвести родное начальство... В тюрьму его, на долгие годы!

Кстати, некоторые наивняки на суде пытались не каяться, а вину свою перевести на несовершенство системы, а заодно уж и собственное начальство изблечить... Дескать, мы лишь жертвы обстоятельств, мы ради общественного блага старались, и кто ж повинен, что иначе у нас служить Отчизне не получалось. Да и потом, все прочие опера делают абсолютно то же самое!

Суд подобные «откровения» выслушивает с угрюмой злобой – сука, коль уж попался, имей хоть мужество никого за собою на дно не тащить, и приговор подобным «обличителям» обычно на годик-два строже обычного.

Но подобные накладки бывают раз в сто лет. Мы ж – профессионалы, ядри твою мать, что б ни натворили – ещё попробуйте нас ушучить!

Кстати, знаю простой способ добиться от мента «сознанки» в совершённых преступлениях: надо пытать его точно так же, как он пытал других. Поверьте, любой из нас расколется быстро. Но за чрезвычайно редким исключением, арестованных сотрудников милиции на допросах не бьют, разве что начальство напрямую прикажет. Но оно на столь противозаконный приказ никогда не решится, а по собственной инициативе ни один опер своего пусть и бывшего, но коллегу в застенках и пальцем не тронет. И ежу понятно, сегодня с ним такое, а завтра, может быть, и с любым из нас... Мы не крысы. Своих не жрём!

К сменившим ментовский мундир на арестантскую робу отношение коллег презрительно-жалостливое: «Не повезло придурку!»

Отцы-командиры ещё пару месяцев поминают их на оперативках и совещаниях: «...из-за какой-то паршивой кражи, желая выслужиться на её раскрытии!...» И тут же, буквально через минуту: «Почему снижается процент раскрываемости квартирных краж и краж госимущества? Как это не хватает полномочий?» Мозгов у вас не хватает, недоноски, вша халтурная, амбре солёное, если через неделю не выдадите на-гора парочку домушников-«серийников», прогоним в шею, нам бездельники не нужны!» Вот так и живём, так и работаем.

Ещё из «ПЫТОЧНОГО»...

Вообще же среди нас, оперов, говорить на «пыточную» тему не то чтоб не принято, а... В общем не любим мы подобных тем, вот что!

Мы же в целом нормальные люди, и никому из нас (за исключением разве что врождённых садистов) превращать человека в измордованное животное не в радость, просто служба у нас такая...

Не ты, так другой, но всё равно кто-то должен и этим заниматься... А некоторые, наиболее жалостливые, и не бьют никогда. Если возникнет потребность в физическом воздействии на «клиента», идут к кому-либо из более склонных к подобному коллег и просят: «Юрка, поработай-ка с тем гопником, а я тебе за это потом одно раскрытие в следующем месяце уступлю!» или: «Семёныч, с меня пара пива, если сейчас той потаскушке фитилей наставишь...» Отлучаешься на часок, твои кореша отрабатывают заказ на совесть, потом ты возвращаешься, «сочувствуешь» избитому в твоё отсутствие; (да как же они посмели?!) тот видит, каким добреньким смотришься ты на фоне своих злобных коллег, и от острого нежелания вновь попасть в их безжалостные руки начинает колотиться...

Некоторые принципиально не бьют женщин. Либо всех, либо, скажем, только беременных (вот я, к примеру, никогда беременных женщин не бью)... У других рука не поднимается на стариков (всё какой-то давно усопший родной дедушка вспоминается). Третий скорее удавится, чем изобьёт инвалида, а то и просто хорошего человека (хорошие люди тоже, между прочим, совершают преступление!), да мало ли...

Иногда случаются совершенно особые ситуации, скажем, доставили на допрос моего школьного приятеля. Не стану же я лучшему дружбану детства яишню тисками зажимать, а по ходу дела выясняется, что не мешало бы... И опять-таки ищу того, кто мог бы меня в этом заменить.

Можно и вовсе без побоев обходиться. Некоторые виртуозы морально кого угодно так отпрессуют, что и кулаками размахивать не придётся. Всё-таки к физической боли человеческий организм потихонечку приспосабливается, и за каким-то её порогом включаются защитные механизмы. Тогда боль перестаёт восприниматься, она как бы испытывается кем-то иным, не тобою, и организм перестаёт на неё реагировать...

Моральные же пытки задевают человека глубже и вернее, психика не в состоянии выдержать их нестерпимой тяжести, при умелой организации процесса и достаточно большого запаса времени у допрашивающего «клиент» либо «колется», либо сходит с ума. Поведение последних обычно возмущает опера до глубины души: «Поехал крышей, а таки не расколослся, гнида!..»

Вот ещё некоторые достойные упоминания нюансы. Пытать «клиента», согласно неписаным традициям, можешь только ты, либо же если и кто-то другой, то только по твоей просьбе. Никто иной из присутствующих в кабинете его и пальцем не тронет, это твой человек, ты его привёл и с ним работаешь, только ты и в ответе за всё, что с ним приключится. Случись что, дрючить будут только тебя, он – твой целиком и полностью на всё то время, что находится у тебя в производстве... Но и лавры победителя в случае успеха достанутся тебе только тебе, ну ещё и твоему непосредственному начальнику, разумеется.

По этой же причине никто из коллег не имеет морального права тебя останавливать, хватать за рукав с гневными воплями типа «Товарищ старший лейтенант, как вам не стыдно?! Вы же причиняете боль живому человеку!» Или, более натуральной: «Федька, ты чё, окосел?! Забьёшь же его, как мамонта!..» Никто, повторяю, НИКТО не сунет свой длинный нос в твои манипуляции с объектом. Раз ты повалил его на пол и с разгону бухаешь по грудной клетке тяжеленными сапожищами, то, стало быть, так и надо. С некоторыми можно только так, иного разговора они не понимают...

Немножечко только мешают душе-раздирающие вопли твоего голосистого собеседника, аж по ушам слушателей бьёт... Тут набегаешься за день, напашешься, изнервничаешься, и без того стрессов через край, а теперь и подрюгу этого невольно слушай.

Опять же слюна во все стороны брызгает, кровь летит каплями, попадёт на

чей-нибудь свежевыглаженный пиджачок или свежестиранную рубашку, придётся гладить и отстирывать по новому, денег на стиральный порошок не напасёшься, да и супруга замучит дурацкими вопросами, не кровь ли трахнутой тобою девственницы оросила только вчера отстиранную ею сорочку.

Так что если видят коллеги, что ты уж совсем увлёкся выбиванием пыли из малопочтенного гражданина задержанного и в ближайшие час-два кончать не планируешь, то они как-то сразу, всем скопом, исчезают – рассасываются по окрестным пивнушкам и забегаловкам, дабы отдохнуть душой от текучки буден, дав тебе время в гордом одиночестве увлечённо и страстно выпытывать у «клиента» вечные тайны мирового бытия и информацию о том, не он ли случайно грабанул на прошлой неделе коммерческий киоск в Соколином переулке...

Рассуждая абстрактно, на ну очень уж громогласные вопли, kloкочущие стоны и прочие непотребные звуки пламенной схватки правосудия с преступностью в твой кабинет может заглянуть начальник угрозыска. Стараясь ни с кем не сталкиваться блуждающим взглядом, буркнет с легким недовольством: «Ты там того... закругляйся!.. А то уж прохожие с улицы заходят и у дежурного интересуются, что за херня на 4-м этаже творится?»

Но на практике обычно никто из руководства ничего не слышит, оно у нас в таких случаях и глуховато, и подследновато... А через дорогу, в расположенном напротив здании районной прокуратуры, тоже на крики в РОВД внимания не обращают. Мало ли кто и чего там шумит... Может, прочитали только что в газете очередной Указ Президента и теперь громко выражают всеобщее одобрение... Кого-то бьют? Не может быть!.. Пусть пострадавший жалуется... И если сумеет доказать, что кричал именно он и опер тому виновник, тогда отправим опера на нары, не впервой... Оперов у нас много, нам этого добра не жалко...

Сознается –
сядет...

Интересный вопрос: но что случится, если какой-либо опер-желторотик всё ж попытается помешать рванувшемуся к мировым рекордам пытливости коллеге или, что много хуже, накатает на него рапорт вышестоящему руководству и в прокуратуру: так и так, мол, «самым наглым образом на моих глазах нарушалась капиталистическая законность, требую наказать виновников по всей строгости наших самых гуманных в мире законов...»

Ну и что? Во-первых, не накажут виновника, «У вас есть доказательства?.. Ах нет... Смотрите, и сам якобы избитый в своих письменных объяснениях не подтверждает приведённые вами факты... Так как же прикажете вас понимать?..»

Во-вторых, даже если и вздумай на этот раз начальство пожертвовать «засветившимся» опером, слить его судьбу в устрашение всем прочим, «чтоб не слишком увлекались», что от этого изменится?.. Другие продолжают, ибо без этого в наших конкретных условиях система не будет работать!

Зато себе лично, в-третьих, ты навредишь этим рапортом капитально. Сослуживцы тебя в упор перестанут замечать, лучшие дружки руки тебе не подадут, и единственное, что тебе останется, – это немедленно уволиться из органов и уехать далеко-далеко...

Бить преступников – не стыдно и не позорно. Грязная работёнка, да... Но необходимая и неизбежная. Чертовски неприятная, но важная и нужная обществу. До нас это делали, мы это делаем, после нас это ещё долго будут делать. Таков мир, кто пытался его изменить и пробить головой стену, те давно уж поотбивали себе рога и смиренно гниют на кладбище.

Пытать не стыдно, но стыдно доносить на товарищей.

Стукачам – позор!.. Кто своего напарника заложит и крючков на коллег навешает тот и есть манда вонючая, больше никто.

Как ни высмеивала перестроечная пресса приписываемые Вышинскому слова: «Признание – царица доказательств», но на сегодняшней практике так оно и есть.

В ряде случаев всё обстоит так: сознается «клиент» в своей вине, начнёт сотрудничать со следствием, покажет на воспроизведении весь процесс совершения преступления, укажет места, куда спрятал орудия преступления и добычу либо же назовёт лиц, кому он её сбыв, и сядет в тюрьму.

А если не сознается, то ввиду отсутствия серьёзных улик и доказательств его придётся отпустить на свободу. То есть нам, операм и следователю (если уж возбуждено дело), предстоит убедить человека добровольно сесть за решётку. Ясен перец, сделать это нелегко... Как ни странно, но лишаться воли никто не хочет.

Скажут: «Ну так и ищите улики с доказательствами!» Так в том-то и суть, что в ряде случаев их нет и быть не может... Не понимаете? Тогда вот конкретный пример для наглядности... Вечером напротив арки 34-го дома по улице братьев Гримм некто в куртке и кроссовках остановил спешащую домой 17-летнюю гражданочку Смитлицкую. Прижав к её нежному горлышку грубую сталь клинка, он потребовал отдать ему самое дорогое... Нет, не её незапятнанную совесть имел он в виду, не девичью честь, не паспорт полноправного гражданина Отечества, совсем другое. Он грубо сорвал с её пальчика золотое колечко да вырвал из ушей маленькие золотые серёжки... Почему при этом ещё и не изнасиловал юную красотку, гадать не берусь, но предполагаю, что обидел он её этим крепко.

И когда грудастая деваха примчалась в райотдел с заявою на грабителя, то мотив жалобы на уклонившегося от ударного траха негодяя отчётли-

во чудился если не в самих её словах, то в интонации. (Предполагаю, что злодей решил таким образом её лишний раз унижить, дескать мне настолько плевать на тебя, что даже не буду тебя иметь!)

Молоденьких, симпатичных и обиженных криминалом девушек в угрозыске любят. Не стали мы мурыжить заяву Смитлицкой, а наоборот, подсуетились, притащив и положив перед нею на стол несколько альбомов с фотографиями проживающих в нашем районе ранее судимых лиц.

И – о, радость! – среди прочих харь, морд и рыл одно она смогла опознать как принадлежащее своему обидчику. Им оказался Петренко Эрнест Николаевич, 28 лет, успевший уже в свои нестарые годы совершить две ходки в зону за тяжкие телесные и разбой.

Схватили орлы-опера за жабры Эрнеста Николаевича (в просторечии он отзывался на кличку Гиря) на адресе у его сожительницы Верки Тарасовой, кличка Колумбина, и поволокли на очняк с пострадавшей.

«Он это, точно! Узнала я его!» – радостно ткнула пальцем жертва гопа, по наивности своей убеждённая, что одних её слов вполне хватит, чтобы бандита немедля осудили на вечную каторгу, с предварительным отпиливанием его гениталий тупой ножовкой. Но, увы, и к её, и к нашему огорчению слова Смитлицкой были всего лишь её слова, которым гражданин Петренко противопоставил свои, не менее убедительные: «Знать не знаю эту соску, вижу впервые в жизни, никогда её не грабил и вообще давно уж завязал с уголовным прошлым... А что нигде не работаю, так то временно, завтра же собирался идти в ЖЭК устраиваться дворником...»

Уличающих Гирю и подтверждающих слова пострадавшей свидетелей нет, описанного ею «стального клинка» при обыске у задержанного не нашли, золотишко он наверняка уж успел толкнуть на рынке какому-либо «неустановленному лицу», на вопрос: «Чем зани-

мался в момент совершения преступления?» – отвечал спокойно и веско: «Был дома, Колумбину раком ставил!». Не подкопаешься!..

Если заглянуть в Уголовно-процессуальный кодекс, то отсутствие доказательств вины подозреваемого является вернейшим доказательством его невиновности, это аксиома. Так что по всем правилам и инструкциям если в течение 3 суток не заявит сам гражданин Петренко под протокол: «Именно я совершил этот позорный поступок, подняв руку на безопасность и личное имущество беззащитной девушки, и потому решительно требую наказать меня по всей строгости наших самых гуманных в мире законов, с учётом ранее уже имеющихся у меня судимостей!», то следует тогда отпустить его на свободу, с обязательными извинениями, расшаркиванием ножкой и услужливым распахиванием перед ним райотделовских дверей на прощание.

А то, что трепещущая упругим бюстом гражданочка Смитлицкая продолжает настаивать на своём опознании охальника, так она запросто могла и обознаться, а то и просто врёт... Проиграла рыжьё кому-то в карты, подарила какому-нибудь очередному Казанове или же доверчиво отдала «на минутку» цыганкам на улице и не решилась признаться в том родителям, вот и сочинила версию об ограблении. А фотогеничная физиономия Эрнеста Николаевича в альбоме на роль гопника приглянулась ей больше всего, так она его и «опознала»... Это с точки зрения закона.

Мы же, опера, со своей точки зрения ясно видели, что он это, Гиря, с девки золото содрал, и посадить его нужно сто пудово, – больно уж человечиска гнилой... При следующем «гопе» такой запросто и ножиком по горлу полоснёт, чтоб его уж никто не смог опознать. И тот труп будет на нашей совести.

Легко осуждать кого-то со стороны, пока сам не окажешься в такой же ситуации, не увидишь её изнутри.

Будь Гиря первоходкой...

«Лучше выпустить десять виновных, чем напрасно осудить одного невиновного!» – наверняка не раз это слышали, верно?.. Так вот, двумя руками подписался бы под этой бодягой, не знай твёрдо, что эти самые «десять виновных», отпущенные на свободу, будут и дальше воровать, грабить, насиловать и убивать тех самых «невиновных», во имя защиты интересов которых их-де и отпустили. Так что на самом деле вопрос стоит так: или я кину за решётку помимо десяти настоящих злодеев и одного честного человека, или же несколько десятков этих самых честных людей будет обворовано, ограблено, изнасиловано и убито отпущенными мною за «недоказанностью» мерзавцами... И какой выбор сделаете вы на моём месте?..

Мне скажут: «Наказываться должны ВСЕ виновные, но в строгом соответствии с законом!» Звучит убедительно, но это именно «звучит». За этими красивыми словесами стоит слабость законов и бессилие их защитников. Мы не можем, просто не в состоянии наказать не то что всех преступников (это – недостижимый идеал для любой страны), но и хотя бы покарать достаточно большую, с точки зрения общества, часть криминала, не нарушая при этом повседневно и повсеместно те или иные из наших законов и норм морали. Подчёркиваю, речь идёт лишь о тех случаях, когда опер абсолютно убеждён (если не на 100, то как минимум на 98%) в виновности «клиента», но не в состоянии доказать её законными и высокоморальными способами, и тогда выбор невелик: или нейтрализовать бандита любыми способами, включая антизаконные и аморальные, либо молча позволить ему и дальше лишать людей их имущества, здоровья и жизни...

Итак, трое суток, целых 72 часа имеются у меня для того, чтобы побудить Гирю к чистосердечному раскаянию и явке с повинной.

Никакого труда не составляла бы работа с Петренко, будь он новичком-«первоходчиком», доверчивым и наивным молодняком, не имеющим никакого опыта общения с ментами.

Широко улыбнувшись ему как брату-единоутробнику, настезь распахнул бы я перед ним гостеприимную душу, и увидел бы он тогда быющее в моей груди доброжелательное и горячо любящее Гирю сердце, не ведающее фальши и не умеющее врать!.. Мёдом потек бы мой голос: «При любом раскладе сядешь, Эрнестик, так что в полнейшей ты безнадёге... Смитлицкая тебя опознала, и ещё куча свидетелей сыскалась... А потом устрою вам очную ставку... Но если сейчас раскаешься ты от чистого сердца, если с самого начала следствия проявишь сознательность и желание загладить вину перед правосудием, то разве ж мы не пойдём навстречу твоему столь понятному желанию остаться на свободе? У адвоката появятся железные аргументы в твою защиту, сам прокурор выскажет просьбу ограничиться в отношении тебя, хорошего и пригожего, исключительно «условняком», а судьи, они что, нелюди? Нет, и они снисходительны к тем, кто вовремя раскаялся... Но даже если произойдёт что-то небывалое, то и тогда отделаешься годом-двумя общего режима. И отсидишь их нормально, без эксцессов. Администрация тебя в обиду не даст, «правильного» зека всегда есть кому защитить. Пролетит срок птичкой, не успеешь и глазом моргнуть. Ещё и поспособствуем прямо в колонии поступить заочно в какой-нибудь институт. Будешь сидеть за решёткой и учиться, чтобы время даром не пропадало, а на экзамены и зачёты тебя «автозак» свежёт. Но это в том случае, если с нами ты, а не против нас, усекаешь? А начнёшь в «несознанку» играть, корчить из себя «подпольщика», короче, откажешь-

ся от чистосердечного сотрудничества со следствием – мотать срок всё равно тебе придётся, больно уж влип ты... Но не такой срок и не так... Не три на два и даже не «полторка» общего светит, а все шесть «с прицепом», да ещё и режим усиленный...

Ты ж понимаешь, это не санаторий... Унижать тебя станут, бить каждодневно, спать будешь только у «параши»... Спидорастят обязательно, это как закон... Заболеешь туберкулёзом, заразишься СПИДом, после освобождения (если доживёшь!) сгниёшь медленно и неотвратно, чуя копошащихся в твоих гнойных ранах могильных червячков... М-да...

Я тебя, Эрнест, не пугаю, не предупреждаю даже... Ты и сам парень башковитый, всё и без меня прекрасно понимаешь. Нет, я только заранее сочувствую, вот и всё... Ты ж клёвый пацан, зачем тебе ЭТО? Дай «явку с повинной» – и спи спокойно, зная, что твоя судьба – в надёжных руках!..»

Так внушал бы я ему, и он мне почти поверил бы, но с примесью некоторой неуверенности, которую он бы и высказал тоненьким баритончиком, истекая соплями и слезами от жалости к себе, бесценному: «А вот сосед по камере, Пашка Медведев, другое говорит... Мол, не признавайся ни в чём. Мол, это только за кражу, ежели она первая и украденное возвращено, могут условно дать, а за вооружённый грабёж задержишь минимум года на четыре, если сознаешься... А не сознаешься, может, со статьи и соскочишь...»

Моему возмущению нет границ. «Он сказал тебе такую хреновину?!» – переспросил бы я насмешливо, громко захотав в адрес сунувшего нос не в свои дела Пашки Медведева (позеленел бы от ужаса Пашка, услышав, что в моём хохоте для него персонально кроется).

А потом как дважды два доказал бы я Гире, что закон, как флюгер, куда мы со следаком его повернём, туда и ветер дуть будет, это и ежу понятно, какие тут ещё сомнения?.. Подписывая

«чистосердечные» и гуляй на воле с чистой совестью...

И всё равно не захотел бы он ставить в моих бумаженциях свою подпись, боясь подвоха. Сам подлый, и от других подлянку ждёт, зараза! Но я ненавязчивый... Отлучился бы на пару часов («За сигаретами схожу, а ты пока с моим коллегой пообщайся!»)

...Свидевшись с парой сексотиков и успев в пивнухе за углом оприходовать бокальчик пива с таранькой, возвратился бы в свой кабинет.

Коллега, распарившись так, словно в бане побывал, с закатанными по локоть рукавами рубашки, в глазах усталость и чувство исполненного долга, при моём появлении обрадовался бы: «О, наконец-то!.. Мне на обед пора...»

И убежал бы, успев шепнуть, что с меня бутылка... Ну, это мы ещё посмотрим, чего он тут добился...

Оглядываю притаившегося на табурете Эрнеста Николаевича... А чего у ребятёнка такие нынче гляделки выпученные? И на мордышке – припухлость, словно бился головкой о что-то твёрдое, но не оставляющее видимых следов...

Участливо спрашиваю, что случилось... И тогда, испуганно понизив голос и поминутно оглядываясь на дверь, взхлёб сообщает мне Эрнест Николаевич вещь невероятную и неслыханную: только что в помещении уголовного розыска его ПЫТАЛИ!!! Да-да, самым настоящим образом, как в фильмах о фашистах, и даже ещё больнее. И не раз, не два, а много-много раз. Все два часа моего отсутствия делали Эрнесту такие бяки-буки, что и непонятно, как сумел пережить такое бедняжка...

Я ахаю и охаю. Из глаз растроганного моим сочувствием бедолаги на мою грудь подозрительно капает. Я оттираю его слёзы выуженной из мусорной корзины замусоленной ветошью и активно солидарничаю с его гневной жаждой возмездия. Поведение моего коллеги и мне самому кажется неслыханным, непростительно жестоким. С чего бы это он так?..

Но тут же я припоминаю, что на прошлой неделе бандиты схватили и жестоко надругались над детьми, женой и тещей моего товарища. Вот он, видимо, обозлённый зверствами криминала, слегла и того... перестарался...

Да и вообще, осторожно развиваю я тему дальше, в милиции не одни ангелы служат... Не все здесь благовоспитанные джентльмены вроде меня, есть кадры и поглубе... И чтобы я в дальнейшем имел возможность всячески защищать Эрнеста Николаевича от их невоспитанности и невоздержанности, то должен он помочь мне, доказать своим поведением: «Я хороший, меня не надо зверски избивать... Я и сам всё расскажу!»

И услужливо подставляю я грудь под щёку разрыдавшегося от радости простофили, и сую ему в руку шариковую ручку, и подписывает он давно уж приготовленный протокол с уличающими его признаниями, и сообщает заодно уж, где найдутся нож и награбленное...

И идёт в «зону» если и не на все шесть «с прицепом», то как минимум на четыре полновесных годка изоляции от прелестей вольной жизни...

Вот так по молодости и желторотости дурачки обычно и поднимают с пола первый срок. А покажи силу характера, сумей устоять перед уговорами, через трое суток вышел бы на свободу.

Работа с опытным

Но, повторюсь, наш Гиря учёный-крученый, все ходы-выходы знает, с ментовскими штучками знаком не понаслышке... Тюрьма научила его трём надёжным истинам: не верь, не бойся, не проси!.. Знает прекрасно Гиря, как важно уметь молчать и насколько непоколебима его позиция, пока он в «чисто-сердечных» не запутается и «сознанку» на свою шею наподобие пудового камня не повесит. Трудно такому рога обломать...

Но можно!.. Даже самый заматеревший рецидивист – всего лишь человек, зачастую не слишком умный, и даже обязательно не слишком умный... Кто побашковитее, те в университетах преподают, толковые книжки пишут, на худой конец в банках председательствуют, а не занимаются уличным гопом. Можно его развести, хоть и сложно... Но нужно!

У меня – куча преимуществ. Он один, а нас, неугомонно-пытливых оперов, много.

Мы бодры и неутомимы, и после службы нас ждёт дома жена и сытый ужин. Он же измотан непрерывными допросами, после которых дожидается его вонючая камера, жрать же все трое суток ему и вовсе не дадут (в «обезьяннике» кормить не обязаны!).

Он полностью зависит от меня, на какое-то время в каких-то границах я получаю полную власть над ним и могу сделать ему ой как многое, в то время как он мне ничего.

И, наконец, он сражается исключительно за свои шкурные интересы, за то, чтобы иметь возможность и дальше пить водку, трахать баб, грабить прохожих... А я отстаиваю общественное благо и справедливость. Общество не хочет видеть Гирю ненаказанным, и я исполняю эту волю общества, давлю на Гирю всеми имеющимися у меня способами.

Попутно, уточню, мои коллеги носят по району, пытаюсь-таки сыскать и свидетелей, и покупателей «рыжья», и описанный пострадавшей ножик с возможными на нём отпечатками пальцев... Одного этого ножа хватило б, чтобы навесить на ранее судимого Гирю срок за ношение холодного оружия, даже если от самого разбоя он и сумеет отвертеться. Но ничего. Ни-че-го!..

И вот сидит бандит на табуретке передо мною.

Тикают часики на стенке, отсчитывая минуту за минутой отпущенные законом 72 часа. Я дёргаю одну за другой все ведущие к Гире ниточки, отслеживая его реакцию, игру его лицевых

мускулов и особенности жестикуляции, пропускаю через своё сознание каждое произнесённое им слово, каждую его угаданную мною мысль, каждый взгляд, каждый вздох, каждый чих...

Его задача – устоять, удержаться на железобетонном: «Ничего не знаю, ничего не делал, ничего не докажете!» Моя – вывести его из равновесия, побудить действовать, попытаться как-то сманеврировать и уточнить свою позицию, при этом рано или поздно он обязательно ошибётся, и тогда он мой!.. Но не раньше...

Я должен посадить его. Я обязательно должен это сделать! Чувствуется в нём некая звериная сила и бесстрашие загнанного жизнью в угол волка. Он понастоящему опасен, и из поединка со мною, удайся ему его выиграть, выйдет ещё более опасным и уверенным в своей неуязвимости.

Как опытный боец, начинаю с морального прессинга.

«Козёл, быдло, бляха траншейная, курва! Ты что сделал?! На кого руку поднял – на девчонку, почти ребёнка! Весь райотдел возмущён!.. Придурок, неужто ты надеялся уйти от кары?! Да мы тебя всем угрозыском квасить будем! Кровью захаркаешь, падаль, мухомор гнилушный! Кранты тебе, амбец полный! Ты понял, сучара?!»

И так часа два, пока голос не охрипнет. С обязательными пощёчинами, оплеухами, лёгкими и не очень лёгкими затрецинами, так слова звучат убедительней.

Но на мои оскорбления он не реагирует, от моей пытливости лишь морщится, на вопросы отвечает монотонно одно и то же: «Не знаю... Не делал... Не докажете!..»

Чего он ждёт – моей вспыльчивости и сделанных под горячую руку глупостей? Не дождётся, нервы у меня крепкие. Шесть с половиной лет супружеской жизни – это ж даже не вуз, а аспирантура!

Только что я вроде бы кипятился – и уже абсолютно спокоен, улыбчив, угощаю Гирю «Примой» из специально

лежащей у меня в сейфе для этих целей пачки... Мне такое курить запахло, а ему сойдёт.

Разговор теперь идёт совсем другой: «А ты ничё держишься, брателла... Крепок на излом, я таких уважаю. И вообще пацан нормальный. Но всё равно хана тебе, понял? «Червонец» автоматом схлопочешь. У девахи, которую ты грабанул, отчим – завотделом в райисполкоме, власть!.. Так что дано указание навесить на тебя «делюгу» лет на десять, никак не меньше, и раньше срока не выйдешь, отсидишь полностью, за этим специально проследят. На волю выйдешь уж под сороковник. Седой, больной, никому не нужный. Мда!.. Конечно, есть шанс как-то договориться... Ты меня понимаешь? Я лично против тебя ничего не имею, в чём-то мы даже похожи. Просто твоё хобби грабить, а моя профессия ловить грабителей. Слушай, а ведь сумей мы сейчас добазариться, и разбой я, так и быть, переквалифицирую на «грабёж». Выкинем из дела про ножик твой. Ты меня понимаешь? Девку я уговорю изменить первоначальные показания, и от её дядьки-исполкомовца как-нибудь отбрешусь... И тогда вместо «червонца» светит тебе жалкий «пятерочник», это точно!.. Гад буду, если не исполнится... Ё-моё, промелькнут года – глазом не моргнёшь!.. А хочешь, приличного бесплатного адвоката тебе сварганю?» И в пылком желании поспособствовать Гире скостить срок хватаюся я за телефонную трубку и названиваю в коллегию адвокатов, но по набираемому мною номеру почему-то всё время занято.

Не сочувствует моим усилиям в его же пользу Гиря, не собирается подпустить к себе ближе чем на расстояние пистолетного выстрела подобранным мною для него защитника...

На этой стадии нашего общения начал я задумываться над вопросом: а не подвергнуть ли гражданина Петренко жестоким пыткам? Но он не сломается, не такой человек. Бит в прошлом уж неоднократно, и без всякого эффекта, так

чего ж мне теперь от него ждать иного? Наоборот даже, нельзя его пытаться по-настоящему... Вполне способен он нарисовать «сознанку», якобы начнёт «чистосердечничать», поверю я ему, расслаблюсь, он на воспроизведении расскажет всё в общих чертах, ещё где-либо схимичит, зато на суде всплывёт всё это, с жутко неприятными для меня комментариями. Каждую туманность в деле изобразит Гиря на суде как результат моего злодейского фальсифицирования материалов дела, если ещё и подвезёт ему попасть в струю какой-нибудь очередной кампании борьбы за чистоту милицейских рядов, то его выставят как разоблачителя «оборотня в погонах» (меня то есть) и в знак благодарности освободят прямо в зале суда. Нет, ломать Гирю надо основательно, фундаментально, с полной гарантией того, что он и в будущем не станет выкидывать фортелей. И побоями этого не добиться.

Так что продолжаю я в упор смотреть на бледного от предвкушения своих будущих страданий арестанта. Готов он внутренне к боли, ждёт её... Ещё один довод за то, что пытаться его нельзя...

Двое суток из отпущенных мне законом 72 часов уже прошли, ничего я не достиг, а почему? Думал плохо, вот что! Оперативную комбинацию скомстрячить следует, и не простую, а с выдумкой, с изюминкой, чтоб прочно сел Гиря на мой крючок.

Начинаю смутно жалеть, что не беременна Колумбина от Гири на месяце этак восьмом или девятом. Тогда просто, тогда я в дамках.

Посадили бы её на стул напротив сожителя, и начали бы легонечко тыкать дубинкой в пузо. Нет, не я, спаси и помилуй! На беременную женщину руку не подниму ни за какие коврижки. Найдутся другие... С таким простеньким делом и они справятся.

Да неужто не дрогнет у папки сердце? Уже ли не поймёт он: не стоит и одной слезинки невинно мучаемого дитяти вся его так называемая выгода от молчания?

Дрогнет!.. Какой ты ни есть душегуб и зверюга, но когда пытаются твоё ещё не родившееся дитя – всё подпишешь и во всём сознаешься!.. Силён инстинкт самосохранения, но инстинкт продолжения рода сильнее.

Но не беременна Колумбина, вот в чём фокус. Да и вообще пустотелка... По оперативным данным (один из секторов некоторое время назад спал с нею), в детстве переболела чем-то по женской части и с тех пор родить не может... Жаль!

Родители у Гири умерли уже. Сестер и братьев вроде бы нет. Стоп, стоп, как это нет... Есть брат, старший!..

Шуршу бумажками, нахожу нужную... Точно, есть брат – Петренко Федор Николаевич, 52 года, вдовец, проживает там-то, работает плотником в жилуправлении, и по месту работы, и по месту жительства характеризуется положительно, не пьёт, не курит, не говоря уж о наркоте... Насчёт дамского пола нет данных, но жена была, два года назад умерла, значит, не извращенец... И детей не имеет, единственный родич – младший брат. Любит его, с детства заботится о нём, непутёвом... Когда тот оба раза сидел, регулярно посылки ему посылал, навещал даже. Вот оно! Близок, совсем уж рядом со мною момент истины...

Отправляю Гирю обратно в камеру, сам же начинаю готовить комбинацию...

Подстава

Тем же вечером в двери скромной холостяцкой обители Фёдора Николаевича Петренко позвонили – неназойливо и просяще, как и полагается звонить воспитанным людям. Он открыл, увидел на пороге своего участкового, а вместе с ним меня, и ещё двух граждан.

«Проверка паспортного режима! – бодро сообщил участковый. – Я-то тебя знаю и уважаю, Николаич, но сам понимаешь – служба!..»

А Фёдор Николаевич и рад-радешенек. Одинок ведь, любой гость – подарок. Не знаешь, как и принять его, бесценного...

И впустил нас в свой дом, наивный... Жизни не знает, ума не избыток, с милицией ранее плотно не контактил. Кто побашковитее и соображает про окружающее, тот мента без санкции прокурора к себе не впустит и без той же санкции на арест или задержание никуда из квартиры вместе с ментом не уйдет... В твои годы, отец, нельзя быть наивным.

Обстановка на адресе скромная, «а-ля пролетарий середины 70-х», то есть мебель куплена ещё тогда. Ковры, хрусталь, золото, инвалюта, прочие изыски здесь и не ночевали. Но чистенько, по холостяцким меркам уютно. На стене фото некрасивой женщины в самодельной «траурной» рамке, одно-единственное облезлое кресло в углу. Я устраиваюсь в нём, а участковый усаживается на стуле (за день находился, рад дать отдых натруженным ногам!)

Фёдор Николаевич не знает, чем нас угостить, робко предлагает чай с сухариками. Оно бы и неплохо почаёвничать, но время не ждёт: «Извините, не можем – служба!»

Участковый деловито листнул страницами предъявленного хозяином паспорта, я тоже кошусь краем глаза. Вроде нормалёк, без вырванных страниц, смазанных печатей или косо наклепленной фотографий... Но возвращать паспорт участковый не спешит, держит в руках, задавая какие-то второстепенные вопросы, и всё с улыбочкой, душевно, по-домашнему, почти по-родственному... Тут-то я, всеми подзабытый, бросающий по сторонам цепкие взгляды, неожиданно воскликнул: «О, а это что такое?!» И мигом извлёк из-под кресла валяющийся там пакетик с веществом, напоминающим наркотическое. Подношу к носу, смачно нюхаю, словно кусок ветчины, сообщая окружающим: «Кажись, конопля!..»

У наблюдавшего эту картину Фёдо-

ра Николаевича отвалившаяся от изумления нижняя челюсть с глухим стуком падает на пол. Участковый тоже нюхает, и хотя у него хроническим насморком заложен нос, авторитетно подтверждает: «Да, кажись... оно!..» А граждане у порога ничего не говорят, но смотрят в оба, они ж «свидетели!»

«Постойте, какая конопля?.. Полчасика назад я подметал в комнате, и под креслом ничего не было!» – руками вставив челюсть на прежнее место, с жалкой улыбочкой уличённого в многолетнем каннибализме попытался объяснить Фёдор Николаевич, смутно надеясь, что шутка это, смешной ментовский розыгрыш. Сейчас мы скажем, что пошутили, и вместе дружно посмеёмся...

Но нам не до розыгрышей. Опасный бандит Гиря должен сесть в тюрьму.

Участковый усыпляет бдительность хозяина успокаивающим бормотанием: «Да ладно, Николаич, чего ты... Я ж понимаю, случайность... Сейчас пойдём в райотдел и там разберёмся...», а сам уж строчит на бланке протокола: «Такого-то числа по такому-то адресу в присутствии понятых таких-то нами изъято...» Понятые вписывают в протокол свои подписи и данные из случайно оказавшихся при них паспортов.

Вялые попытки Фёдора Николаевича уклониться от скорого проследования в РОВД пресекаются мягко, но решительно, во дворе у подъезда нас уж заждался «уазик» (ввиду важности операции его приказал выделить мне начальник угро), едем!..

...Через 40 минут в своём тесном кабинете я уж нависаю над испуганно съёжившимся на табурете Фёдором Николаевичем и со зверской рожей ору: «Говори, тля, откуда наркота?! Кто поставщики?! Адреса, явки, имена наркокурьеров!.. Отвечай, пистон анальный, пока я не начал сердиться!..»

Он что-то неразборчиво бормочет. Тогда я болезненно бью его ладонями по ушам, тычу пальцем в глаз, бью кулаком под ребро... Он вскрикивает, ле-

печет жалобные оправдания, но зачем они мне? Я и не слушаю...

Моя цель другая – довести его до нужных кондиций. Он должен выглядеть как человек, оказавшийся на дне отчаяния, а чтобы так выглядеть, нужно таким и быть...

Несколько раз мне приходилось пытаться людей положительных, лично мне даже нравящихся, с высокими моральными качествами, но либо по роковому стечению обстоятельств оказавшихся замешанными в совершении неких преступлений (скажем, его ребёнок заболел, и он украл деньги на лекарства) и не желающих сознаваться в них, либо и вовсе ничего плохого не совершивших, но отказавшихся сообщить мне важную информацию о ком-то из ближайшего окружения... До самой последней секунды они не верят, что их будут бить!.. Нет, они читали в газетах и слышали от знакомых, что в милиции иногда применяют меры физического воздействия, но по их понятию с НИМИ такое случиться никак не может!.. Ведь бьют бандитов. Они же кристально честные и добропорядочные граждане (в последнее время модно добавлять: и добросовестные налогоплательщики). Милиционеры не могут этого не видеть... «Да нет, они не посмеют меня избить!»

Но я их бью. И такое изумление в их глазах!.. О, с этим ничего не сравнится... Тут главное не сама физическая боль, а нравственные мучения. Душа взрывается изнутри под грузом рухнувших иллюзий...

...Перекурив у окна, возвращаюсь к Петренко и начинаю по следующему заходу: «Как это ты не знаешь, откуда наркота?! Уж не хочешь ли ты сказать, что мы тебе её подбросили?! Ах, не хочешь... Спасибо и на этом... На тебе!.. На!.. На!.. Тварь!.. Блин кривобокий, говори правду, пока я не забил тебя, как мамонта!»

И тычу, тычу в морду ему протокол изъятия у него на адресе конопки; как говорится, факт налицо, я его не придумал, наркотики откуда-то в квартире

у гражданина Ф.Н. Петренко взяли!.. Либо пусть убедительно объяснит их происхождение, либо следствие, «встать, суд идёт!», суровый приговор и уводящий навстречу горю и бесчестию конвой!..

Так надо, верю в это, и его смог бы убедить в своей правоте, но нельзя говорить ему правду. Правила игры требуют конспирации, потому немного и сержусь на его стенания и слёзы, – зачем грузит мою нервную систему?! Мне и без его стонов тяжко.

Сквозь его болезненное всхлипывание доносится: «Я... не понимаю... откуда они взяли!..» Не понимает он, видите ли... Простофиля!..

...Ещё через полчаса, когда на табурете уже не уважаемый член общества сидит, а сгорбленный, тихо стонущий комок боли и отчаяния, в кабинет вводят Гирю. Моя задача: он должен увидеть старшего брата и иметь возможность перекинуться с ним парой слов, чтобы постичь ситуацию, но их общение не должно быть долгим, чтобы не успел что-то брату посоветовать.

«Федя, ты?!» – ахнул Гиря на пороге, не веря глазам своим.

При виде родного лица у Фёдора Николаевича пробудилась надежда. Он с диким воем кинулся к нему, обнял, обхватил руками, как свою последнюю надежду, стал клясться со слезами, что не хранил дома никаких наркотиков, и сам не поймёт, откуда же они взялись...

«Под протокол наркоту изъяли?.. При понятых?» – быстро переспросил умудрённый Гиря, и брат кивнул, не понимая многозначительности этого обстоятельства.

Его тотчас увёл конвой. Я заранее указал конвоирам посадить его в камеру к не самым буйным, свой номер он отыграл, нечего теперь его лишний раз мучить без производственной надобности.

«В третью камеру его!» – показательно кричу я вслед. (На самом же деле его отведут во вторую.)

Гиря вздрогнул: «Но там же одни туберкулёзники!» Я развёл руками: «Ну

и что?! А остальные камеры переполнены...»

Тут для краткости пропускаю большой кусок. О том, например, как взъярившийся Гиря пытался дать мне в морду и в результате сам получил в челюсть... И потом, прикованный наручниками к табурету, материл меня так виртуозно, что некоторые из его выражений хотелось записать, чтобы затем со смехом цитировать на дружеских пьянках с коллегами.

...Но спустя пару часов от криков и ругани мы перешли на ровный, деловой тон высоких переговаривающихся сторон. Я ведь не враг Гире, очень мне надо, а просто при данном раскладе его место в тюрьме. Да он и сам это понимает.

Ничего личного. Это – моя работа. Мои условия: Гиря даёт «явку с повинной» и садится на 6 лет (меньше суд никак дать не может, с учётом его криминального прошлого), а я немедленно отпускаю его брата «вчистую». Если Гиря откажется, его завтра же отпустят ввиду «недоказанности», брата же отправят в СИЗО, где он будет дожидаться суда, который может состояться и через три месяца, и через полгода, и через год... (Со смехом я рассказал Гире, как один «закрытый» мною мелкий бандюган дожидался суда в изоляторе целых три года!)

На суде при грамотной защите дело о хранении наркоты скорее всего рассыплется, и выйдет Фёдор Петренко на волю... Но в каком состоянии, вот вопрос?... Год в камере, среди отбросов общества... спидоносцев, туберкулёзников, сифилитиков... Среди прочего, желающего надругаться над беззащитным человеком зверья... Немало и даже очень много для психики старшего Петренко!.. Никогда уж ему не оправиться, раздавит его год тюрьмы на всю оставшуюся жизнь.

Гире некуда деться!.. Брат – единственное, что у него осталось в этой жизни. Случись сесть по новой (рано или поздно это неизбежно!), кто же передачи ему слать будет?!

И Гиря сдался. Подписал признания насчёт Смитлицкой: «Я грабил... Оружие там-то... золотишко сбыл такому-то...»

Я его сделал. И пока записывал его показания, Гиря с нехорошим прищуром смотрел на меня. Запоминающие у него были глаза.

А, плевать!.. Не хватало ещё уголовной швали бояться... Много чести!

Я – опер, и дело моё правое, а он – бандит, сволочь, гад, таких давить как вшей... Скольким хорошим людям успел напаскудить!.. Да и братика, по сути, подставил... Брат рецидивиста – это ведь и не почётно, и не безопасно...

Да и потом, когда через шесть лет выйдет Гиря на свободу (если выйдет!), не о мести он будет думать, а о том, где взять деньги на лекарства, чтобы подправить испорченное заключением здоровье...

«Когда освободят брата?» – поднимаясь с табурета, спросил Гиря. Молодец, что напомнил, я о Фёдоре Николаевиче уж и забыть успел.

«Немедленно!» – ответил я с лёгким сердцем. (Тут врать опасно, через короткое время он всё равно узнает, что соврали ему.)

И Гирю увели.

Налюбовавшись столь трудно доставшимися показаниями бандита, я приказал привести Петренко-старшего. Через несколько минут его доставили в кабинет.

Всего часа три мы не виделись, а как изменился человек!.. Трясётся, как банный лист, вздрагивает от малейшего шороха... Глаза воровато бегают по сторонам, в поисках лазейки для спасения... На затравленной фигуре – тень обречённости... Всего 180 минут в далеко не самой худшей из наших камер – и каков эффект!..

А если бы 15 суток внутрикамерной обработки в ИВС? А полгода в СИЗО? А лет пять в «зоне»?!

«Ну что, сучий потрох...» – с грозным видом начал я, но тут же спохватился (не та ситуация, тон не тот!), вы-

бежал из-за стола, заторопился к нему с вытянутой для дружеского рукопожатия рукой.

Он отшатнулся, опасаясь, что опять буду бить его по глазам, но я успеваю поймать его ладонь, крепко жму, радостно восклицаю: «Ну вот, Фёдор Николаевич, мы во всём внимательно разобрались, и оказалось, что вы невиновны...»

«Я невиновен?!» – подпрыгнул он на месте от неожиданности и уставился на меня так, словно перед этим зарезал тысячу человек, а сейчас ему сообщили, что минуту назад они все поголовно воскресли!

Охотно подтверждаю: «Невиновны, совершенно! Мы отдали найденное у вас вещество на экспертизу. Только что эксперт дал заключение, что в пакетице не наркотик, а так... безобидная сушёная травка... Вы были задержаны по ошибке, дорогой Фёдор Николаевич! В связи с этим и от своего имени, и от имени руководства хочу принести вам наши искренние извинения!.. Простите нас, мы больше не будем...» – С этим жизнеутверждающим обещанием я крепко пожал ему руку.

«Но откуда же это у меня взялось?!» – чуть ли не со всхлипом высказал он выстраданное. «Наверно, хулиганы в окно подбросили!» – улыбочиво предположил я.

Он бледно улыбается, подозревая меня в очередном подвохе. Вот сейчас я перестану истекать любезностями, вот сейчас с размаху ударю его дубинкой по почкам или вмажу кулаком в солнечное сплетение, вот сейчас... Но у меня и в мыслях такого нет!..

Пусть обвиняют ментов в чём угодно звонкоголосые, не желающие знать реальной жизни журналисты-правдоборцы, но сами мы про себя понимаем, что в конечном счёте стараемся именно для таких вот порядочных людей, чтоб поменьше натыкались они в жизни на всякую нечисть... Это их интересы мы отстаиваем, это за их покой боремся.

А что в интересах дела порою приходится и их самих обидеть ненароком,

ну так простите нас, родные!.. Иначе нельзя, иначе не получается.

«А как же протокол?!» – всё ещё не верит своему счастью Фёдор Николаевич.

Молча достаю из лежавшей на столе папки злосчастный протокол, демонстративно рву на тысячу маленьких кусочков, швыряю вверх. Бумажные лепестки, кружась, падают на пол, провожаемые зачарованным взглядом Петренко.

(Бумажки сыграли свою роль и больше не нужны. Это не значит, что я не подстраховался на случай, если Гиря, задумав переиграть, даст обратку: в обивку кресла в квартире Фёдора Николаевича я засунул два патрона от пистолета «ТТ». В случае необходимости при следующем обыске они будут «найденны» при понятых. Тогда оформляем «хранение боеприпасов» и кидаем Петренко-старшего в СИЗО уже по этой статье УК).

«Так я могу... уйти?...» – всё ещё не врубается мой гость. Радостно киваю. Дескать, спасибо за то, что нашли время нас навестить... Будет желание, забегайте ещё, мы вам всегда рады!..

Как легко сделать счастливым нашего человека... Арестуй его ни за что, измордуй, по-всякому надругайся, дай почувствовать всю глубину своего бессилия и горя, ну а затем сообщи обрадованно, что произошло маленькое недоразумение и он может катиться на все четыре!..

Я заверил Фёдора Николаевича, что свободен он абсолютно и безоговорочно.

Его лицо ожило. Он вдруг начал громко смеяться, балагурить, несколько раз благодарственно пожал мне руку (ту самую, которой я его мордовал), пригласил меня в гости.

Я вежливо хихикаю, неприметно (но так, чтобы ему было заметно) смотрю на часы.

Он кивает, всё поняв. Моё время бесценно и всецело принадлежит государству. Ещё не все бандиты пойманы.

Спохватившись, спросил тихо: «А брат?.. Что с ним? Его отпустят?»

Ждёт, видимо, что и тут я его обрадую. Но радовать нечем, однако и огорчать сейчас не стоит, и так мужик переполнялся. Заверяю, что и с братом тоже... разберёмся внимательно и объективно, но чуть позже.

Он удовлетворён и снова на вершине блаженства. На прощание даже попытался обнять и расцеловать меня. Но тут я уж начеку. Мало ли какую заразу в камере он за эти часы успел подхватить...

Опять мы жмём друг дружке руки, и наконец-то он уходит.

Стоя у окна, наблюдаю, как через пару минут он выходит из здания РОВД, провожаемый самим дежурным. Фёдор Николаевич и ему пожал руку, удосто-

ившись ответного похлопывания по плечу, потом быстро пошёл прочь.

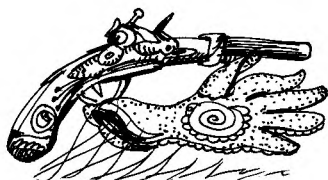
Провожая его взглядом, вижу, как он поминутно оглядывается, наверняка опасаясь, что сейчас из РОВД выбежит орава амбалов с дубинками и кинется вслед за ним с криком: «Стой!.. Тебя по ошибке выпустили!»

И какой ни есть я закалённый в боях с преступностью оперюга, но и моё сердце болезненно сжалось. Ненароком не лишка ли я зашиб хорошего человека?

Эх, батя, зря ты так. Мы ж тут тебе не гестапо какое-нибудь... Мы – милиция!

У нас честных людей не сажают.

*Рассказ пожелавшего
остаться безымянным
сотрудника уголовного розыска
записал Владимир Куземко*

палитра

Срежисс Мирания

Гамбит Сатониной

208

*Время движется незримо...
Хочешь, нет ли – дрожь в руках!
А часы неумолимо
Поднимают красный флаг.*

Галина Сатонина.
«Цейтнот»

Сегодня вечером мне предстоит игра с лидером. Вернее, заочный поединок уже начался задолго до начала тура. Просматриваю с десяток сыгранных моим соперником партий, стараясь отыскать уязвимые места, прикидываю различные сценарии битвы. Турнирное положение для него благоприятно: он уже сыграл со всеми основными конкурентами, и в случае победы надо мной ему открывается зелёная дорога к чемпионству. Свои шансы оцениваю как три к семи. Об этом говорит и разница наших рейтингов. К тому же играть мне чёрными.

Что мне о нём известно? Он молод и горяч. Вынослив, быстро и далеко считает варианты даже на пятом часу игры, теорию знает отлично, в курсе всех дебютных новинок. Стиль агрессивный, атакующий. Так, что ещё? Психологические приёмы: имеет обыкновенные опаздывать минут на пятнадцать, даёт партнёру надежду, а вдруг, в случае неявки, удастся добыть победное очко без игры или же получить решающий перевес по времени? Червячок, запущенный столь хитрым образом, начинает точить противника изнутри, заставляя того нервничать, гасит его боевой настрой.

Итак, чем же отвечу я? Конечно, мой план рискован: я сам опаздываю минут на сорок. Часы уже пущены. Участники склонились над досками, на всех лицах сосредоточенность и азарт. Со стен на поле сражения заинтересованно взирают картины Галины Сатониной. Мой взгляд пробегает по залу по напряжённым спинам, судейскому столику, немногочисленным зрителям. «Ой, говорит он в пространство, предназначаясь моему сопернику, как это меня угораздило так опоздать, а тем более сегодня, в день решающей схватки!» Ощущаю ответные флюиды: лидер, прохаживающийся где-то возле окон, транслирует мне смесь искреннего удивления и разочарования: «Явился всё-таки!... ну что ж, придётся бороться». Значит, закинутый мною червячок сработал – первый раунд за мной!

Сажусь за свой стол, на часах соперника натикало пятнадцать минут. Значит, он и в этот раз применил свой излюбленный приём. В центре доски излучает радиацию выдвинутая против моей армии королевская пешка белых. Предводитель неприятельского войска занимает своё место, я извиняюсь за опоздание, следует традиционное рукопожатие.

Обычно я иду на «Сицилианку», но сегодня останавливаю выбор на редкой и рискованной Скандинавской защите – ещё один заготовленный мною сюрприз. Тем самым я свожу на нет всю его домашнюю подготовку, к тому же вынуждаю его рваться вперёд, сжигая мосты.

Встреча взглядов.

– Я разгромлю!

– Посмотрим.

Небольшое замешательство по ту сторону стола быстро сменяется ликованием от предвкушения лёгкой и быстрой победы. Белые фигуры одна за другой выходят на огневые позиции, фаворит бросается в атаку. Квадратные углы чёрно-белых клеток заостряются в электромагнитном поле склонившихся над ними полюсов.

Вот уже разменян прикрывавший моего короля чернопольный слон, на обдумывание у меня остаётся чуть меньше часа против полутора часов моего визави. Крайняя пешка белых готовится протаранить мою оборону. Ищу контригру на противоположном фланге. Сижу, обхватив голову руками, пряча лицо за забралом из скрещённых пальцев. Сквозь щели между ними тайком наблюдаю за волнами эмоций на горячей предо мною маске.

Сделав очередной ход, разглядываю экслибрисы чемпионов мира разных лет. Вот – демонический и остроумный Михаил Таль, осторожный и хитрый Тигран Петросян, неуступчивая Нонна Гаприндашвили, непроницаемый, подкрадывающийся Анатолий Карпов, гениальный психолог Эммануил Ласкер. Картины «Замок Короля», «Защита», «Завлечение»...

Правее – этюд под названием «Атака...». На бархатной бумаге, вроде бы не располагающей для передачи изображения бешеной стремительности, передан яростный иступлённый мощный рывок: с доски срываются маска и конь, воспринимающиеся как нечто цельное. Маска как бы вправлена в изгиб коня – с закушенной губой решительна и страшна в своём броске. Её страстность нагнетается напряжённым багрово-красным цветом. Для усиления динамики броска использованы тёмно-малиновые тени, напоминающие брызги воды от рвущегося к победе пловца.

В центре другой картины – раскрытые пасти коней с посветлевшими от ярости глазами. Кульминационный момент грандиозной битвы. У двух масок, расположенных по краям, – настороженно вскинутые брови и нарочито поднятые к вискам холодно следящие за их поединком глаза...

ХОДЫ БЕЛЫХ

ХОДЫ ЧЁРНЫХ

Декабрь 1905 года. Казань. Колкий ветер валит прохожих с ног, завывает в трубах. Изредка в тусклом свете фонарей проскрипят сани. Подходит к концу очередной трудный год, а впереди выжужная неизвестность. Семья Сатониных готовится к очередному пополнению.

Глава семьи, Иван, сидит за столом, обхватив голову руками и нахмурясь. Жизнь явно не заладилась. Кругом одни проблемы: в семье и так уже девять детей, их надо одевать и кормить. А приличную работу найти ох как трудно; всюду беспорядки и произвол

14-го числа родилась девочка. Назвали Галей.

Проходят мучительные дни. Иван едет на заработки в Сибирь. Ожидания тщетны: след его навеки исчезает в необозримых просторах тайги...

В семь лет Галю определили в Ряхинскую гимназию. Учитя хорошо, но сильно близорука, и поэтому не любит читать. Однако увлекается физикой и математикой.

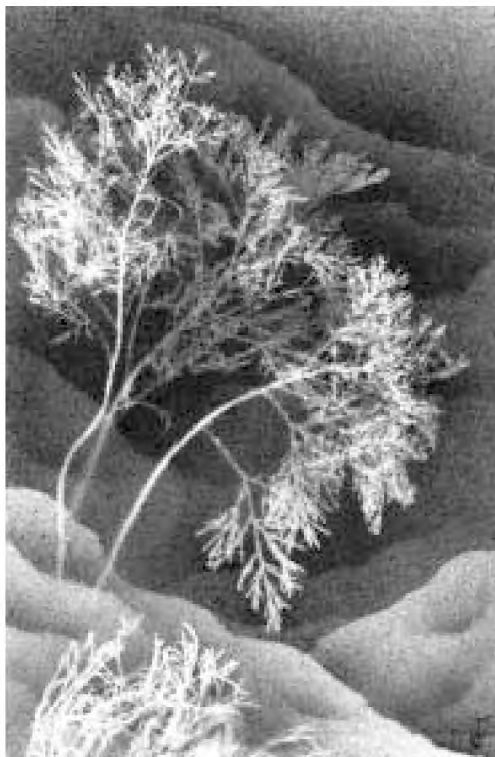
Революция, гражданская война. Разруха.

Несмотря на бедность, старший брат, Костя, берёт напрокат

пианино и регулярно приносит в семью краски. Рисовать начинают все младшие. Но лишь Галя остаётся верна творчеству всю жизнь.

Галя часто смотрит, как братья играют в шахматы и играет сама. Но теории её обучить некому.

Школьницей, как многие подростки в то время, увлекается спортом. В плавании занимает первые и вторые места по городу. Любит Костины книги по психологии и гипнозу.

**Голодное и холодное детство.
Даже в старости Галя
не сможет
назвать дебют своей жизни
«счастливой невозвратимой
порой»...**

Снова погрузив маску своего лица в ладони, окунаюсь в расчёты вариантов и почти сразу нахожу интересный план защиты...

Увы, он не годится!

Сокрушённо покачиваю головой и издаю тяжёлые вздохи.

Время идёт.

Отражаю пару второстепенных угроз и решаюсь на блеф с целью выигрыша времени: резко открываю лицо, уверенным жестом вбрасываю в тыл неприятеля чёрную ладью и иду гулять. Чувствуя испытующий взгляд на затылке, с демонстративным спокойствием разглядываю красующуюся на стенде турнирную таблицу. Затем медленно вынимаю из кармана пачку сигарет и выхожу на балкон.

Сквозь кружевные занавески вижу, что положение на нашем столике привлекло внимание зрителей и других участников – с десяток человек обступили его плотным кольцом. Захожу в зал, аккуратно протискиваюсь меж столпившихся болельщиков и моментально делаю заготовленный заранее ход. Блеф удался: белые израсходовали целых двадцать минут на очевидное продолжение, и разница во времени сократилась до минимума.

Но вот – остроумное возражение белых.

– Ну, что ты на это скажешь? – продолжается дуэль взглядов. И уже лидер срывается со стула, оставляя меня наедине со своими переживаниями. Пару секунд наблюдаю за ним краем глаза, затем пытаюсь оценить сложность новоявленных проблем.

Ничего, держаться можно! Главное – суметь использовать излишнюю темпераментность противостоящего мне молодого бойца, обратить в свою пользу его стремление к быстрой развязке. Начинаю сооружать хитроумную западню, не забывая поглядывать на циферблат.

Воздух накаляется.

– Укол.

– Удар.

– Вилка.

– Блокада.

212

Но вот сеть почти сплетена. Теперь – не дать ему заподозрить неладное! Заставляю себя думать о посторонних вещах и даже прокручиваю в уме какой-то глупейший вариант, телепатируя его через доску. Стараясь не переиграть, ещё раз тяжело вздыхаю.

Неприятельский ферзь упрямо подбирается к цитадели моего монарха. Сейчас белые подключат к штурму вторую ладью и пойдут в решающий прорыв. Им осталось только завершить перегруппировку сил, и тогда...

Нет, не может быть! Неужели мой психологический расчёт был неверным?

В левом углу зала замечаю картину под названием «Гибель короля» и невольно восторгаюсь мастерством автора. В отчаянном жесте король вскинул руки с преувеличенными кистями, широко расставил ноги, но они его уже не держат – вот-вот он опрокинется навзничь. На его маленькую чёрную фигуру падает из струящегося зловещего мрака жестокая и неумолимая королева, несущая на трезубце своей короны гибель королю. Зелёные мягкие волны волос подчёркивают узкое лицо с утрированно вздёрнутыми расширенными глазами с яростной чёрточкой кошачьего зрачка, видящего свою добычу. Стремительные и резкие, как удары сабель, брови подчёркивают саркастическую улыбку.

Точь-в-точь, как в нашей партии! Но разница в том, что мой капкан уже совсем готов. И на лице моего короля прорисовывается загадочная улыбка...

*Начинается жизненный
миттельшпиль.*

***В Казанском университете
большой конкурс; шансов
поступить туда у Галя нет.***

*Брат Виктор уговорил хотя бы
временно поступить в
художественный институт,
где учился сам и где преподавал
Константин. В то время в нём
была литографическая мастерская.
Первая работа «Барабус» создана
именно там. Возникает идея
заняться графикой.
Галя – одна из первых в городе
моржих. В конце двадцатых
годов из интереса всю зиму
проплавала в проруби на Казанке.*

**В институте Галю часто ругают
за фокусы: не признаёт никаких
авторитетов, всё делает не так!
Не питает особой любви
к изоискусству.
Позднее Сатонина назовёт
выбор вуза своей первой
жизненной ошибкой.**

**1925 год – умирает ректор,
архитектор Ф. Гаврилов.
Все факультеты стали
распадаться.
Институт преобразован
в училище, факультет графики
ликвидирован.
Библиотеку растащили,
исчезли керамические,
литографские
и офортный станки.
Пропал стеклограф.
Ради диплома заканчивать учёбу
Галя не желает.
Смерть Ленина воспринимается
ею абсолютно равнодушно.**

1928 год – Галя едет в Москву
поступать во ВХУТЕИН,
на текстильный факультет.
К третьему году обучения
учащихся разбрасывают
по разным институтам.

**В ВЛКСМ Галя не состоит,
и вскоре
её снимают со стипендии.**

Годы студенчества совпадают
с бунтарским временем: идут
ожесточённые споры между
АХРР, ЛЕФ, ОСТ.
Галя – за искусство, идущее в массы
производства, с поиском новых
форм и задач.
За годы учёбы у неё не раз
случаются кратковременные
целомудренные романтические
увлечения. Но замуж она выходит
лишь в тридцать лет.
С Самсоном Владимировичем
Миллером, работавшим
на заводе конструктором,
их сближает общая любовь
к живописи, поэзии и шахматам.
В церкви Богоявления они находят
объединение городских
шахматистов.

*Но в тридцатые годы женщин там
не было, и Гале приходится
бороться с мужчинами.*

*Расстались с мужем по-дружески
и долго потом переписывались.*

*Удаётся устроиться чертёжницей
в Авиастрой. Через год – переход
на швейную фабрику художниц.
Тогда же – первый её турнир.
Четвёртое место среди
двенадцати мужчин!*

*В Казань эвакуированы Микенас,
Марчевская, Выстановских.
Общение с сильными игроками
приносит Сатониной
неоценимую пользу.*

*В трудные годы оказывают
поддержку Чеботарёв и
Пластунова – два строгих
и взыскательных художника,
дружба с которыми началась ещё
в студенческие годы.*

*Как ни странно, замужество
Галя считает своей второй
ошибкой, а последовавшее
вскоре рождение сына – третьей.
«Семейные заботы –
не мой удел, – говорит она, –
а одних общих интересов
для семьи мало».*

*В 1939 году по доносу арестован
как враг народа и выслан на Урал
старший брат, Константин
Иванович, профессор
филологии Казанского
университета.
Много десятилетий спустя
материалы о нём Галина
передаст в музей истории КГУ.
Не дожидаясь, пока её выгонят
из института за родство,
уходит сама.
Другой брат вынужден уехать
в Среднюю Азию.
Возвращение в Казань.
Все тяготы ложатся
на плечи Гали.*

*1941 год. Начинается Великая
Отечественная война.*

*Брат Павел гибнет в катастрофе.
Через месяц после Павла умирает
Виктор, оставив Гале сына.
Она растит его как своего.*

Приходится браться за разные работы – заменять воспитательниц в детском саду; иллюстрировать детские книги; в дошкольном кабинете министерства просвещения – делать настольные игры и разрабатывать альбом по декоративному рисованию. Через некоторое время Гале предлагают стать тренером В ДСО «Спартак». Попутно приходится выполнять и художественные работы: чертить диаграммы, оформлять в большом количестве стенды, грамоты и дипломы.

*Возникает мысль тиражировать их при помощи трафаретов, техникой набрызга. Позднее появляется желание делать таким способом и картины. Вот оно, искусство в массы!
1947 год – вызов в Иваново на личное первенство РСФСР. Участвуют сильные шахматистки: Белова, Дайбах, Тихомирова. Сатонина выполняет норму первого разряда. В дальнейшем участвует в полуфиналах чемпионатов России, где неоднократно занимает призовые места.
1958 – Сатониной присвоена российская судейская категория...*

А вот и чудо – он попался! Моя рискованная стратегия блестяще оправдывается. Теперь, чтобы не потерять ферзя, белым придётся расстаться с ладьёй, получив взамен лишь слона. Ощущаю почти физически, что противник уже понял свою оплошность и корит себя за поспешность. Мне стоит больших усилий сохранять удручённый вид. В противоположный лагерь отправляется ещё один тяжёлый вздох. Лидер в недоумении. Его маска напряглась. «Может, тут есть спасение, а я его просто не вижу?» – говорят его бегающие зрачки. А минутная стрелка плавно движется вперёд. Наконец, израсходовав пятнадцать минут, он отдаёт свою ладью.

Но до победы ещё далеко. Делаю первый по-настоящему активный ход в партии. Мне предлагают ничью – я говорю «нет» и рвусь врукопашную.

Каскад комбинационных ударов.

Времени всё меньше.

Бланки с записью отброшены.

Пальцы щёлкают по кнопкам часов.

Циферблат наливается кровью, искривившись в ужасной гримасе.

Флажки висают дамокловыми мечами.
Собратся!
– Шах!
– Закрылся.
Вихрь мыслей.
Тиканье стрелок – как шаги командора в ночной тишине.
В тумане – маски зрителей.
Нервы.
Опыт.
Сердце беснуется в горле, ноги отбивают лихорадочный ритм.
– Нападение.
– Защита!
Мелькание рук.
Ошибка! Я теряю свой козырь – проходную пешку.
Ахают зрители.
Не паниковать!
Выигрыш упущен, но обоудная горячка продолжается.

Следует серия разменов, и партия переходит в эндшпиль. Дым потихоньку рассеивается...

Сатонина знакомится почти со всеми советскими чемпионами мира.

Шахматы отнимают много времени: поездки на соревнования, судейство.

Галина Ивановна возит с собой свои картины. Порой их крадут. Значит, людям они нравятся! – делает она вывод.

*1960 год – выход на пенсию.
Появляется возможность вплотную заняться творчеством.
Иллюстрируется классика, детективные романы, пишутся полуреальные пейзажи, поражающие чистотой цвета и тонкостью рисунка, портреты композиторов, музыкантов, поэтов.*

**Художница считает себя
отчаянной пессимисткой
и закоренелой атеисткой,
сожалеет, что якобы не имеет
чувства юмора.**

*1965 год – первая персональная выставка,
приуроченная к 60-летию.*

*Итог – 150 выставок. На последней
из них, состоявшейся в 1995 году
в НКЦ «Казань», исполняется опус
её сочинения.*

*Картины Сатониной получают
прописку в разных странах –
Венгрии, Италии, Польше,
Германии, Израиле, Югославии,
а также в различных музеях:
Веры Инбер, Владимира Высоцкого,
ИЗО Казани, в коллекциях
Таля, Смыслова, Карпова,
Петросяна.*

*Часть работ подарена казанскому
шахматному клубу;*

*20 – за символическую цену проданы
академии Гарри Каспарова.*

*Остаётся любовь к спорту.
Если удаётся выбраться на озеро,
то без плавания не обходится.*

**На девятом десятке портится
зрение, начинают сильно
дрожать пальцы. Творческая
работа прекращается.**

**Не радуют праздники и юбилеи.
Говоря о последних, Галина
Ивановна вспоминает слова
Крона: «На круглых
датах устраивается нечто
вроде генеральной репетиции
похорон – клянутся в любви и
уважении и хвалят
за всё чохом.**

*Иногда пишутся стихи:
Можно жизнь неприглядную нашу,
Проклиная, суметь полюбить.
Настроения полную чашу
Можно жадно и медленно пить!...*

Ещё бегу, ещё борюсь,
Чего-то всё понять стремлюсь,
Как будто бы мечту свою
Схватить ещё успею...

218

*Сын живёт далеко, хоть и часто
навещает. Остались только
старые друзья, внучка и
столетняя сестра,
за которой нужен уход.
«Неприятно взирать на себя в
этот период жизни: в нём
торжествуют эмоции, а не
интеллект».*

*Всё пережитое за долгие годы
вызывает одну только горечь.
Искусством мало кто
интересуется.*

*Эпоха непредсказуема, кругом
безработица, преступность и
гибель культуры. «Придут ли
хоть внуки к тихой гавани?»
Возникает предчувствие близкой
кончины. Но особых сожалений
нет: всё равно сил для
творчества не осталось.
Эндшпиль подходит
к финалу...*

Цейтнот закончился, можно спокойно оценить ситуацию. Положение, скорее всего, ничейное, но инициатива опять у соперника. Шансов на победу у меня нет, игра может идти лишь в мои ворота. И маршал белого войска это прекрасно понимает.

Как быть? Может, произнести обычное «Предлагаю ничью»? Но внутренний голос подсказывает, что делать этого не стоит: уязвлённый моим недавним отказом от перемирия, лидер настроен продолжать борьбу.

Иду на последнюю уловку – спрашиваю: «Ты играешь на выигрыш?»
Глаза в глаза.

Ура, он удивлён и обезоружен! До меня докатывается волна расслабления. Его дёрнувшиеся плечи говорят мне: «А как, собственно, я могу тут выиграть?»

Маска, сидевшая напротив, исчезает, обнажая чуть заметную улыбку – улыбку человека, по достоинству оценившего мой финальный психологический «ход». Ещё мгновение, и я уже жму протянутую мне руку.

Ничья!

Царский подарок

Неподалёку от улицы Кремлёвской в Казани стоит в глубине двора Собор Св. Петра и Павла, построенный на средства казанского купца Ивана Михляева в честь пребывания в 1772 году Петра I в Казани

219

В день приезда царю исполнялось 50 лет! Приём ему оказали восторженный, обед из 19 смен блюд, которые дотошный летописец описал в подробностях и оставил гастрономический перечень потомкам, чтобы слюнки пускать. «Множество слуг, кланяясь царю в пояс, вносили на блюдах «лебедин под шафран с взваром, рябчиков, искрошенных под лимоны, потрох гусиный и гуся жареного, жаркое из поросся, курицу в лапше и во щах богатых, пироги с бараниной, пироги кислые с сыром, жаворонки, сырники, блины тонкие, хлебы ситные...». Сперва ели холодные блюда из мяса и рыбы, затем горячее, жаркое, за которым шли пирожные и фруктовые сласти. В промежутках между жидкими блюдами подавались пироги, в течение всего обеда разносились вина греческое «бастр» и рейнское красное.

Императора щедро ссудили деньгами на развитие флота российского. В ознаменование визита самодержца Михляев на свои деньги начал строительство Петропавловского собора, для чего привлёк флорентийских мастеров.

Казанское Адмиралтейство Петр I учредил ещё в 1718 году. Среди судов, возводимых на казанских верфях, был среди прочих спущен на воду корвет

«Казань»: 35 метров длиной, с палубной артиллерией в 16 пушек. Корвет участвовал в персидском походе царя и взятии крепости Дербент и города Баку.

Если мы обогнём Собор справа, то увидим чудом сохранившийся старый полуразвалившийся от времени домик. Может быть, даже хорошо, что рука реставратора не коснулась его стен и дом несёт на себе «печать времени». Именно здесь, в доме купца Михляева, и отпраздновал свой юбилей император. В знак благодарности за гостеприимство он отписал купцу суконные мануфактуры, шьющие паруса для царской флотилии. В ответ польщённый купец попросил Петра самолично указать место под строительство православного храма в свою честь.

Существует легенда, что император нетвёрдой походкой вышел из-за стола, прихватив пустой графин из-под водки и конусообразную бутылку из-под вина. И прямо с крыльца метнул их на

пустырь. С тех пор там и стоят главный Собор, напоминающий по форме расписной штоф и колокольня-усыпальница, точь-в-точь как винная «кегля». Говорят, когда строили храм, то архитекторы постоянно сверялись с бутылками, как с макетом.

Поднимитесь по парадной лестнице в Собор, чтобы полюбоваться на панораму Казани и берег Волги, а потом войдите внутрь. Благодаря тому, что в советские годы в помещениях размещались мастерские Росреставрации, все росписи и лепнина хорошо сохранились, а также чугунные плиты полов. Во второй части храма необычный по своим размерам и несоразмерный с тесной залой иконостас, который из-за этого трудно обозреть полностью.

Собор архитекторы относят к барокко. В нём как снаружи, так и внутри очень мало русского. Пётр Первый, наверное, был бы доволен, жаль только храма в свою честь он так и не увидел....

В нашем редакционном портфеле неожиданно среди рукописей отыскались разрозненные раритетные листы вощёной бумаги с витиеватыми завитушками почерка. О подлинности документа судить не берёмся – мы не эксперты по этой части, но вот его художественная ценность несомненна. Один язык чего стоит! Перед вами уникальный документ – отрывки из путевых дневников будущего императора Петра Первого. Титул императора Пётр получил от Сената лишь спустя четверть века после описанной поездки. Определённые нормы правописания и синтаксиса были установлены только при Екатерине II, поэтому в тексте нет ни точек, ни запятых, даже название города Амстердам в оригинале даётся с маленькой буквы. Открытым остаётся вопрос об авторстве. Одни исследователи считают автором самого Петра, другие – кого-либо из приближённых. Итак, Пётр собрался с Великим Российским посольством по странам европейским путешествовать. Добро бы с царским поездом, как государю положено. Да нет, потаённо, чтобы как десятника Михайлова принимали. Мол, десятнику вольготнее и смотреть, и куда охота придёт сходить, а там чему и поучиться...

КОПИЯ ЖУРНАЛА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ПЕТРА ПЕРВАГО ИМПЕРАТОРА И САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО, КОГДА ОН СВОЕЮ ВЫСОКОЮ ОСОБОЮ ИЗВОЛИЛ ХОДИТЬ ПРИ СВИТЕ ПОСОЛСКОЙ ЗА МОРЕ ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА 1697 ГОДУ

Июля 11-го дня был в Амстердаме в дому где собраны золотые серебряные и всякие руды и как родятся алмазы изумруды всякие каменья и как золото течёт из земли от великого жару

В Амстердаме видел младенца полтора году мохната всего сплошь и толсто гораздо лице его поперёк две четверти привезён на ерманку тут же видел слона великого которой с камнем играл и трубил по турецки и стрелял ис мушкета. Имеет синьпатию с собакою которая непрестанно с ним пребывает

Зело дивно на ярманке видел циркачей которые через трёх человек перескоча налету обернётся головою вниз и встанет в ногах

У дохтора видел анатомию кости жилы и мозг человеческой телеса младенческой и как зачинается во чреве и родится

Видел сердце человеческое лёгкое почки и как в почках родится камень

Видал кожу человеческую обделана толще бараньей а кожа которая у человека на мозгу живёт вся в жилах косточки малинькия будто молоточки которые в ушах живут

Животная многи от многих лет собраны и нетленны в спиритусах мартышка и звери индийския маленькия и змеи придивныя и лягушки рыбы многия и птицы разныя зело дивны и змеи с ногами глав долгиа змии о двух головах

В Амстердаме видел мужика безрукого который делал предивные вещи в карты играл ис пищали стрелял и сам у себя бороду брил зело прытко писал ногою

Приехали в Гагу с послами сентября 15 дня встречи были за две версты до города встречали два человека а под нами было 50 карет о шести конях

На другой день приезжали потчивать господин вице адмирал а после аудиенции ехали в каретах по два человека о шести конях Франц Яковлевич Лефорт, Фёдор Алексеевич Головин против их Прокофий Возницын царевич Малетинский (Александр Имеретинский) да Александр Нянин Фёдор Плещеев да киозёрцы наши Пётр Лафорт да пристав князь Александр Голицын лакеев было 50 человек да пажей было 16 около карет назади и напереди а на всех было алые кафтаны кружевом серебряным расшиты сплошь четыре пажа были в бархатных платьях с кружевами и как приехали к нам на двор солдат стояло 40 человек

Прежде речь говорил большой посол потом другой послед Прокофей Возницын грамоту подали

Ездил в Лейден и был во анатомии и видел зело предивных вещей много и о всех тех вещах взята книшка на латинском языке

К нашим послам приезжали послы отдавали визит сперва был посол свецкой в трёх каретах о шести конях все в чёрном платье на другой день был брандербургской в четырёх каретах о шести конях того же дня был посол английской в девяти каретах и о четырёх конях на третий день дацкой был в четырёх каретах о шти конях

А как сведали что мы поехали за город многие знатные жёны нарочно выезжали загород все

После того ездили дважды в комедию которая нарочно для нас сделана как поехали из камеди ночью несли перед каретою 20 свеч больших воцяных

Большому послу в амстердамской ратуше дарили цепь золотую весом 10 фунтов з гербом Галанского государства другому послу в 8 а дьяку Прокофью Возницыну в полшеста фунта дворянам же цепи по 120 золотников

Во Амстердаме 28 дня были огненные потехи зело нарядные перед всеми ворота во всём Амстердаме огни горели великие пускали зело предивные за одну ночь несколько тысяч шутих пущено небы не видать было и стрельбы были великая во всю ночь на радости что мир состоялся у всех европейских государей со французским королём

В Амстердаме видел стекло зажигательное оно в малую четверть часа растопит ефимок (монету)

В Амстердаме был у жидов в их церквах синагогах и видел великое богатство и книги Моисеевы зело украшены смотрел обрезывание прежде молитву сотворит и потом уж положит младенца и возьмёт крайнюю плоть и шиплет щипцами серебряными и отрежет немало после спиритусом мажет

В Амстердаме ж был в церкви у квакеров которые собравшись сидят часа с три с великим смирением никакова слова никто не молвит всякой ожидать на себя очищения

Видел птицу превеликую бес крыл и бес перьев будто щётка также многие изрядные индейские птицы две мыши одна жёлтая а другая белая как горностаи гораздо малы тут же ворон тремя языками говорит видел кита которой не рождённый выпорот из брюха пяти сажён

Рыб видел морских с крыльями могут летать

В Амстердаме был где сидят робятки превеликой и сад изрядные другой дом такой же великой где тут сидят робятки и сиротины и учатца грамоте и мастерства разного держатца пятнадцати лет выучат дадут волю и платье новое

В Амстердаме устроенныя изрядныя дома где собираютца каждой во всякой вечер девицы и музыка непрестанно а хто из охотников приходят и хто которую девицу полюбит то те взявшись за руки изволят идти с нею в особую камору или к ней в дом и ночевать с нею без всякого опасения потому што те дома нарочно для того устроены и пошлины платят в ратушу и там и сторожа есть и дохтур а домов таких две дюжины а называют их шпилгоус где можно взять девицу на ночь месяц а хоша год

В Амстердаме ж был в доме где сидят сумасбродныя люди которые совершенно без ума всякому зделан особливой чулан и ходит напросто непрестанно смотрят поят чистят и берегут а которые не дерутца просто ходят по двору а з двора не пускают

Казнь была двух человек смертью казнили пытавши и как повинились в убивстве привели их пред судей и сказали им смерть за день до казни и в тот вечер был им стол потчивали всем довольно и как пришло время то привели их пред бургомистра и спрашивали ещё о том же совершенно ли вины сказали и спрашивал он их трижды и после ввели на эшафот и поставили на колени и палач в колпаке отсёк головы обоим палашём а пасторы непрестанно были при них и одного из них отдали во анатомию и разнимали голову и мозг и внутренние кишки

Казнённого которого отдали во анатомию а разнимал профессор который даёт науку анатомическую дохтурам и было при том зело много дохторов и лекарей прежде обрили голову и содрали кожу черепа потом пилою растёрли череп и выняли мозг после спорили грудь и смотрели сердце и лёгкое потом желудок и кишки и всё вынимали и раскладывали на столе как в мясной лавке

На луну смотрели в зрительную трубу и можно видеть что есть земли там и горы а мерою та труба сажён десяти

В Амстердаме видел голову человеческую сделана деревянная говорит человеческим голосом каждый раз надобно заводит как часы и она молвит тут же видел сделаны две лошади на колесе и садятца на них и ездят зело скоро и мечут копия

Всех церквей разных вер в Амстердаме числом пятнадцать

Был у человека у которого есть те сребреники на которые Христос от Иуды был продан весом будет против осмии копеек русских

Обедали в Амстердаме на большом постоялом дворе всего было 32 человека а заплатили денег 207 ефимков

Был на дворе где травят быков собаками при мне затравили троих а двое устояло на ногах собак побили до смерти зело больно прокололи рогами и которые быки устояли на них возложили венки из цветов и по городу повели а пред ними два человек с трубами шли

В Амстердаме видел рыбу у которой пила на носу величиной так с небольшую белугу тут же видел рыбку которая корабль останавливает малинькая прилипнет ко дну множество от того останоятся корабли также рыбу видел предлинную называют телёнком морским гораздо толста зубы превеликие висят

В Амстердаме ужинал в таком доме где ставили нагие девки есть на стол и питиё подносили все нагие девки было их тут пять девок только на голове убрано а на теле никаких

Литературно-художественное и культурно-просветительское издание

КАЗАНСКИЙ АЛЬМАНАХ

Электронная версия

www.pravoinform.org

www.politkor.narod.ru

Дайджест:

www.kitaphane.ru

Иллюстрации: *А. К. Сайфутдинов*

Художественный редактор *Р. Х. Хасаншин*

Макет: *А. Х. Мушинский*

Компьютерная вёрстка: *Н. П. Клипова*

Корректоры *Э. Р. Миннуллина, А. Г. Хамитова*

Оригинал-макет подписан в печать 15.10.2010. Формат 70×100^{1/16}.

Усл. печ. л. 18,20. Тираж 2000 экз. Заказ О-1488.

Татарское книжное издательство. 420111. Казань, ул. Баумана, 19.

<http://tatkniga.ru>

e-mail: tki@tatkniga.ru

Оригинал-макет подготовлен с помощью пакета программ Jahat™.

Филиал ОАО «Татмедиа» полиграфическо-издательский комплекс «Идел-Пресс». 420066. Казань, ул. Декабристов, 2.